ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Москва
Издательство политической литературы
1990

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

МАРКСИЗМ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(70-90-е годы XIX века)

Marksizm v period formirovaniia massovykh sotsialisticheskikh partii II internatsionala : 70-90-e gody XIX veka.

chast II

ЧАСТЬ II

Москва
Издательство политической литературы
1990

ББК 1г
И90

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

С. С. ВОЛК, докт. ист. наук (руководитель),
А. Л. АНДРЕЕВ, докт. филос. наук,
Б. В. БОГДАНОВ, докт. филос. наук,
И. А. БОЛДЫРЕВ, канд. филос. наук,
И. М. КРИВОГУЗ, докт. ист. наук,
В. Н. КУЗНЕЦОВ, канд. филос. наук,
В. В. КУЛИКОВ, докт. экон. наук,
С. Л. ЛЕОНОВ, канд. экон. наук,
В. С. ЛИПИЦКИЙ, докт. филос. наук,
В. С. МАЛАХОВ, канд. филос. наук,
А. Ю. МЕЛЕНТЬЕВ, канд. экон. наук,
А. Г. МУРЬЯНОВ, канд. ист. наук,
И. С. НАРСКИЙ, докт. филос. наук,
Л. А. НИКИТИЧ, докт. филос. наук,
Е. Л. ПЕТРЕНКО, канд. филос. наук,
Р. В. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ, канд. филос. наук,
А. С. ПОПОВ, канд. филос. наук,
Ф. Г. РЯБОВ, канд. ист. наук,
Б. Г. ТАРТАКОВСКИЙ, докт. ист. наук,
М. В. ТЕРНОВСКИЙ, канд. экон. наук,
А. Ю. ЧЕПУРЕНКО, канд. экон. наук,
В. В. ЧУБИНСКИЙ, докт. ист. наук,
Ю. И. ФИЛИППОВ, канд. филос. наук,
В. Ф. ЦАГА, докт. экон. наук

НАД ОТДЕЛЬНЫМИ ГЛАВАМИ РАБОТАЛИ:

В. И. АРШИНОВ, канд. филос. наук,
А. И. КОЗЫРЬ,
А. В. КОНОВАЛОВ,
В. Н. КРЮЧКОВ, канд. филос. наук,
З. М. ПАВЛОВА, канд. филос. наук,
М. Ю. ПРОЗУМЕНЩИКОВ,
В. У. РАДЖАПОВ,
А. В. ТРОФИМОВ

ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГЛАВ ПРЕДСТАВИЛИ МАТЕРИАЛЫ:

Б. Ф. АЙЗИН, докт. ист. наук,
Н. Н. ИВАНОВ, канд. юр. наук,
М. Т. ИОВЧУК, чл.-кор. АН СССР,
П. Ф. КАЗИН, канд. филос. наук,
Е. П. КАНДЕЛЬ, канд. ист. наук,
М. В. КОНКИН, канд. филос. наук,
Р. П. КОНЮШАЯ, докт. ист. наук,
Н. Е. КОРОЛЕВ, канд. ист. наук,
К. Т. КУЗНЕЦОВ, докт. филос. наук,
В. В. ЛОЖКИН, докт. ист. наук,
Л. М. МИНАЕВ, докт. ист. наук,
В. В. МИЦУРОВ, канд. ист. наук,
А. А. ПАВЛЕНКО, докт. филос. наук,
Н. С. РУМЯНЦЕВА, канд. ист. наук

И $\frac{0104000000-043}{079(02)-90}$ 262—91

ISBN 5—250—01077—6 (ч. II)
ISBN 5—250—00313—3

Глава седьмая

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОЦИАЛИСТОВ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ (80-е годы XIX века)

1. ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ: ИЗДАНИЕ ТРУДОВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА, СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ, ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРКСИСТОВ

Возникшие к началу 80-х годов XIX века в ряде стран Европы рабочие партии положили в основу своих программ и практической деятельности принципы научного социализма, заметно возросло влияние марксистского учения как важнейшего идейного фактора освободительной борьбы рабочего класса. Марксизм завоевывал все большее число сторонников среди передовых рабочих и представителей прогрессивной интеллигенции.

Среди различных форм распространения марксизма в этот период наряду с развитием социалистической печати, теоретической и пропагандистской деятельностью учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса главное место занимало издание произведений основоположников марксизма [1]. Именно многочисленные издания этих произведений и их широкое распространение как в Германии, так и в других странах на протяжении 80 — первой половины 90-х годов было решающим фактором, обеспечившим проникновение идей научного социализма в сознание передовых рабочих и революционной интеллигенции, идейную победу марксизма над другими течениями социалистической мысли.

Публикация произведений Маркса и Энгельса

К началу 80-х годов широким массам участников освободительной борьбы рабочего класса были доступны лишь немногие произведения Маркса и Энгельса. Такие выдающиеся труды, как «Нищета философии», «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркса, «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса и многие другие были практически неизвестны тем по-

[1] См.: Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1974—1977. Ч. 1—2.

Глава восьмая

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ

1. МАРКС И ЭНГЕЛЬС ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами» [1],— писал Ленин в статье, посвященной памяти Энгельса.

В 40—50-х годах XIX века, когда царизм служил оплотом европейской реакции, интерес основоположников марксизма к России определялся в первую очередь злободневными политическими мотивами, прежде всего угрозой контрреволюционного похода царских войск в Западную Европу. Реакционная сущность внешней политики и идеологии русского царизма нашла отражение в статьях Энгельса о панславизме (1855) [2], в работе Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (1856—1857) [3],

[1] *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 13.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Германия и панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 11. С. 202—208; Демократический панславизм // Там же. Т. 6. С. 289—306.— Сохранился также подробный план неосуществившейся брошюры Энгельса о панславизме (ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 888).

[3] Это произведение впервые полностью опубликовано на русском языке в журнале «Вопросы истории» (1989. № 1—3) и готовится к публикации в издании: Архив Маркса и Энгельса. Т. 17.

Памфлетный по характеру очерк Маркса, содержащий немало метких суждений о российской истории, в некоторых западных публикациях 50—60-х годов нашего столетия объявлялся его главным трудом о России. Отступая от принципов историзма, авторы этих публикаций переносили нелестные оценки, данные Марксом русскому царизму и его завоевательной политике, на современность, на СССР (см., например: The Russian Menace to Europe. By Karl Marx and Friedrich Engels. A Collection of Articles, Speeches, Letters and News Dispatches. London, 1953; Marx contra Russland. Der russische Expansionsdrang und die Politik der Westmächte. Stuttgart, 1960).

Подобное неисторическое понимание, по-видимому, было свойственно и тем, кто много лет препятствовал появлению этой работы Маркса в советских изданиях.

а также в большом цикле публикаций Энгельса (иногда совместно с Марксом) о Крымской войне [1].

Одним из итогов изучения Энгельсом дипломатических отношений XVIII—XIX веков был вывод о прогрессивной роли России по отношению к восточным странам, независимо от захватнических планов царизма: «...господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...» [2] С большой проницательностью оценивал Энгельс и политическое утверждение России на Дальнем Востоке: «Позиция на Тихом океане — море будущего» [3].

С начала 70-х годов XIX века наибольшее внимание Маркса и Энгельса привлекают особенности социально-экономического строя России, судьбы ее освободительного движения, роль в будущем революционном преобразовании Европы. Эта тема постепенно становится одной из ведущих в научной и практически-политической деятельности основателей марксизма.

С большим интересом знакомились они с произведениями Пушкина и других русских писателей, внимательно изучали сочинения Герцена, Чернышевского, Добролюбова [4]. К началу 80-х годов в библиотеке Маркса насчитывалось несколько сот томов по статистике, экономике, истории России; в частности, столь полно представленных в ней земских изданий, отражающих картину хозяйственной жизни и положение крестьянства в различных губерниях и местностях, не было и в Британском музее [5]. Результаты работы Маркса над этими книгами отражены в выписках и конспектах, общий объем которых (в 18 тетрадях) составляет свыше 100 печатных листов. Изложение источников нередко сопровождается собственными выводами и замечаниями Маркса [6].

Начало русской библиотеке Маркса положила книга экономиста-народника В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», присланная ему в октябре 1869 года из Петербурга переводчиком «Капитала» Н. Ф. Даниельсоном. Ознакомление с книгой показало Марксу, что этот большой труд весьма обстоятельно освещал интересовавшие его вопросы экономического состояния России и положения трудящихся масс. Уже в марте 1870 года книга была прочитана. Маркс сделал в ней много пометок, свидетельствовавших о его положительной оценке собранного автором фактического материала. Однако теоретические выводы Флеровского он подверг критике. Так, в идеализации

[1] См.: *Румянцева Н. С.* Изучение Ф. Энгельсом русской истории и русской культуры в 50-х годах XIX в. // Энгельс и проблемы истории. М., 1970. С. 259—282.

[2] Энгельс — Марксу, 23 мая 1851 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 241.

[3] *Энгельс Ф.* Панславизм // ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 888.

[4] См.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979.

[5] См.: С. М. Степняк-Кравчинский — П. Л. Лаврову, август 1884 г. // Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 210.

[6] См.: Архив Маркса и Энгельса. Т. 11—13, 16.— Подготовка очередных томов MEGA (IV отдел, т. 26—28, 30, 35), а также 24-го тома английского издания сочинений Маркса и Энгельса, выявила существенные ошибки в публикациях рукописей Маркса, посвященных русским аграрным отношениям, как во 2-м издании Сочинений (т. 18, 19), так и в указанных томах «Архива Маркса и Энгельса». Опубликованные там тексты не соответствуют часто расположению листов в рукописях, что затрудняет их использование.

общины и рабочих артелей Маркс видел «старую иллюзию» прудонизма. Вообще пометки на книге Флеровского свидетельствовали о критическом отношении Маркса к народническим утопиям. И тем не менее в обращении к членам русской секции I Интернационала Маркс с уважением отозвался об этом сочинении: «Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века» [1].

Изучение Марксом русских источников диктовалось и чисто теоретическими интересами. Во втором издании I тома «Капитала» высокая оценка дана трудам Н. Г. Чернышевского, с одобрением упоминаются сочинения русских экономистов — Н. И. Зибера, И. И. Кауфмана, Евг. Де-Роберти. Научные занятия Маркса проблемами пореформенной экономики России нашли отражение во II томе «Капитала», в частности, при исследовании первой стадии кругооборота денежного капитала (пример с финансовыми затруднениями русских помещиков, пытавшихся перестроить свое хозяйство на капиталистический лад), при определении разницы между временем производства и рабочим временем (ссылка на Россию с ее чрезвычайно коротким рабочим периодом в сельском хозяйстве), при анализе причин возникновения и развития домашней промышленности и в ряде других случаев [2].

Однако основная масса подготовленного Марксом материала (конспекты, выписки), основанного на изучении русских источников, относилась к проблемам III тома «Капитала», то есть к вопросам земельной собственности и ренты. Но теоретического обобщения этого материала, с целью введения его в ткань основной рукописи, Маркс провести не успел — помешала его безвременная кончина [3].

Рукописные материалы Маркса о России не только свидетельство огромного и самоотверженного исследовательского труда, но и ценнейший источник, изучение которого помогает хотя бы приблизительно представить контуры незавершенных автором разделов «Капитала». Многие выводы и наблюдения, сделанные Марксом при рассмотрении земельных отношений в России, сохраняют свое актуальное значение и сегодня как для экономической науки вообще, так и для современной аграрной политики, в частности: обращение Маркса к факторам дифференциальной ренты; его суждения о добавочной прибыли с земель повышенной плодородности или выгодно расположенных по отношению к рынкам сбыта, путям сообщения и пр.; указания на необходимость, принимая во внимание огромные пространства страны, изучать ее по всем главным экономическим районам, с учетом разнообразных условий и специфики (климата, почвенного покрова, рельефа) и многое другое [1].

---

[1] *Маркс К.* Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих — членам Комитета Русской секции в Женеве // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 428.

[2] См. там же. Соч. Т. 24. С. 40, 126.

[3] См. там же. Соч. Т. 25, ч. 1. С. 10.— В связи с тем, что результаты своего исследования форм земельной ренты в России Маркс не успел включить в рукопись III тома «Капитала», Энгельс считал целесообразным издать их отдельно (см.: Энгельс — Петру Лавровичу Лаврову, 28 января 1884 г. // Там же. Т. 36. С. 84).

Социально-экономическое развитие России после 1861 года. Роль общинного землевладения

Отражая тревогу народнически настроенной интеллигенции перед все более очевидным наступлением капитала, русские корреспонденты Маркса и Энгельса (Даниельсон, Засулич и др.) не раз просили их охарактеризовать пореформенное развитие России, в частности, рассмотреть возможные судьбы общины и ответить на самый острый для народников вопрос — должна ли Россия, как и все другие страны мира, обязательно пройти фазу капитализма [2].

Хотя по различным причинам Маркс и Энгельс так и не смогли подготовить на эти темы большой специальной работы, над поставленными вопросами они много размышляли, изучая десятки томов статистических изданий, труды видных русских ученых. Об этой напряженной работе свидетельствуют заметки Маркса о подготовке и проведении реформы 1861 года, статьи Энгельса из цикла «Эмигрантская литература» и особенно его брошюра «О социальном вопросе в России», Послесловие к ней и Предисловие к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии» [3]. Среди эпистолярных документов — письмо Маркса в редакцию журнала «Отечественные записки», ответ (и особенно наброски к нему) на письмо В. И. Засулич, переписка Энгельса с переводчиком «Капитала» Н. Ф. Даниельсоном.

В названных работах сформировалось марксистское понимание особенностей социально-экономического развития России в XIX веке.

Отправным пунктом новой истории России Маркс и Энгельс считали Крымскую войну 1853—1856 годов. Война, в которой государство с неразвитыми формами производства потерпело поражение от стран с современными его формами, сделала для России создание крупной промышленности и железных дорог, по их мнению, политической необходимостью. Россия не смогла бы удерживать независимое положение в мире, оставаясь сельскохозяйственной страной. Ей грозило бы, по образному выражению Энгельса, превращение в Индию — то есть колонию, экономически

---

[1] См.: *Конюшая Р. П.* Карл Маркс и революционная Россия. 1-е изд. М., 1975. С. 235—236.

[2] См.: Н. Ф. Даниельсон — Марксу, 21 августа (2 сентября) 1880 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 423—424; В. И. Засулич — Марксу, 16 февраля 1881 г. // Там же. С. 435.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 501—548; Т. 19. С. 304—305, 422—441; Т. 22. С. 438—453.

подчиненную Англии [1]. Но создать крупную промышленность в России можно было только в рамках капитализма [2].

Предпосылкой этой, по определению Энгельса, «капиталистической революции», призванной сломать натуральное хозяйство и осуществить переход к буржуазному индустриализму, стала реформа 1861 года. Отмена крепостничества означала коренной социальный переворот, который содействовал зарождению пролетариата, росту промышленности и тем самым подготовке условий, при которых могла быть уничтожена капиталистическая эксплуатация трудящихся [3].

Внимательно изучая экономическую ситуацию в стране, Маркс и Энгельс обратили внимание на черты своеобразия в капиталистическом развитии России, где буржуазные отношения совмещались с пережитками крепостничества, капиталистические формы производства с архаичной общинной формой собственности. По замечанию Энгельса, в стране были представлены «все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой...» [4].

Наряду с многоукладностью экономики Маркс и Энгельс отмечали и другие специфические черты запоздалого по сравнению с Западной Европой развития российского капитализма. Среди таких особенностей относительно большая роль государства, осознавшего после Крымской войны, что развитие крупной промышленности стало политической необходимостью, и создавшего для нее при помощи протекционизма тепличную атмосферу [5]. Благодаря правительственному покровительству, в отличие от ведущих стран Запада, в России возник обратный порядок этапов формирования национального капитализма: строительство железных дорог, заимствование готовых технико-организационных форм капиталистического хозяйства (банковская система, акционерные общества [6] и т. д.) не венчало, а опережало рост промышленности.

Наконец, особо тяжелые формы эксплуатации народных масс вызывали накопление в стране острейших социальных антагонизмов, которые насильственно сдерживались полицейско-деспотическим строем.

И все же, как бы подводя итоги своим наблюдениям, Энгельс приходил к выводу, что черты своеобразия российского капитализма лежат на общей линии мирового развития: «Но я не вижу,— писал он в 1892 году,— чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались чем-нибудь от того, что происходит или происходило в Англии, Германии, Америке» [1].

[1] См.: Энгельс — Николаю Францевичу Даниельсону, 18 июня 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 313—314.

[2] См.: Энгельс — Николаю Францевичу Даниельсону, 17 октября 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 129.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Там же. Т. 22. С. 41.

[4] См.: Энгельс — Вере Ивановне Засулич, 23 апреля 1885 г. // Там же. Т. 36. С. 263.

[5] См.: Энгельс — Николаю Францевичу Даниельсону, 22 сентября 1892 г. // Там же. Т. 38. С. 398—399.

[6] См.: Маркс — Николаю Францевичу Даниельсону, 10 апреля 1879 г. // Там же. Т. 34. С. 289—291.

Наибольшее внимание Маркс и Энгельс уделяли рассмотрению аграрных отношений в России как «самого важного для России социального вопроса» [2]. Их особенно интересовали проблемы землевладения и землепользования, земельной ренты и положения русского крестьянства. На основании русских источников они выясняли, каким же образом было проведено освобождение крестьян, какую землю они получили, сколько за нее заплатили, каково их фактическое положение по отношению к помещику [3]. Так называемое освобождение крестьян Маркс рассматривал как «чудовищный обман» [4] со стороны царского правительства. Неудивительно, что реформу 1861 года сопровождали «общее волнение и бунты среди крестьян» [5]. Энгельс объяснял, что за образец был принят «прусский» метод отмены крепостничества в ухудшенном для крестьян виде. В итоге при разделе земли помещики получили львиную долю, и притом наиболее плодородной земли [6]. Крестьянин попал в экономическую зависимость от своего прежнего владельца. Непомерный выкуп в пользу помещика, невыносимое бремя податей в пользу государства приводили крестьян к разорению и голоду [7]. Переход от натурального хозяйства к денежному привел к появлению в сельской общине большого имущественного неравенства. «Из всего этого ясно,— делал вывод в 1875 году Энгельс,— что общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению» [8].

Объясняя, что дальнейшее развитие капитализма в России обрекает на гибель общину, Маркс и Энгельс критически оценивали общинные утопии А. И. Герцена, П. Н. Ткачева и народников 70-х годов.

К сожалению, стена отчужденности встала между Герценом и основоположниками марксизма. Основных произведений Герцена (таких, например, как «Письма об изучении природы») они не знали, остались почти неизвестны им и его антикрепостнические выступления, проникнутые революционным духом, и его гуманистическое мировоззрение в целом.

С недоумением и настороженностью встретили они в начале 50-х годов XIX века статьи Герцена, заявлявшего, что Запад может спасти только русская община, а

[1] Энгельс — Николаю Францевичу Даниельсону, 22 сентября 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 399.

[2] См.: *Маркс К.* Об освобождении крестьян в России // Там же. Т. 12. С. 694.

[3] См.: Энгельс — Марксу, 26 января 1866 г. // Там же. Т. 31. С. 145.

[4] См.: Архив Маркса и Энгельса. Т. 16. С. 128.

[5] См.: *Маркс К.* Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 422.

[6] См.: *Энгельс Ф.* Социализм в Германии // Там же. Т. 22. С. 262.

[7] См.: *Маркс К.* Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России // Там же. Т. 19. С. 428, 430, 435.

[8] *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Там же. Т. 18. С. 545.

взятие Константинополя явится началом новой России, началом панславянской демократической и социалистической федерации [1]. Эти неосторожные пророчества, так же как и более поздние либеральные колебания Герцена, его обращения к Александру II по поводу крестьянской реформы сыграли роковую роль в отношениях Маркса и Энгельса к Герцену, которого они подозревали, так сказать, в демократическом панславизме и недопустимых уступках либеральной оппозиции [2]. Спустя десять лет, оценивая полемику Герцена и Чернышевского по поводу положения дел в России после реформы 1861 года, Маркс и Энгельс решительно встали на сторону последнего. В сочинениях Н. Г. Чернышевского они нашли более строгую, чем у Герцена, постановку вопроса об общине.

Чернышевский в отличие от Герцена видел в общине не завидное преимущество перед Западом, а результат неблагоприятных условий, запоздания исторического развития России. Вместе с тем, Чернышевский поставил вопрос так, как не ставили его Герцен и другие защитники общины.

Под влиянием передовых народов другие народы, преодолевая отжившие формы общественного устройства, могут, полагал он, в своем развитии «подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты» [3]. Условиями развития и усовершенствования общины, по Чернышевскому, была организация общественного производства и помощь техническими средствами, имеющимися на Западе, так как помимо духа коллективизма и товарищеской ассоциации он считал необходимым использование в сельскохозяйственном производстве усовершенствованных орудий и машин [4].

По справедливому наблюдению Энгельса, Чернышевский не был свободен от веры в «чудодейственную силу крестьянской общины» [5] и потому был утопистом. Однако выдвинутая им гипотеза о возможности страны с еще неразвитыми буржуазными отношениями перейти от феодализма к социализму, минуя капитализм, подкреплялась достаточно убедительными социально-экономическими аргументами.

Маркс внимательно изучал изданный в Женеве в 1872 году сборник статей Чернышевского об общинном владении землей. Он отметил сообщение о том, что сохранившиеся в России общинный дух и владение землей способствуют общинному производству работ, что было бы трудно исполнимо на Западе. Отчеркнул Маркс и место, где говорится об условиях организации общественного труда [6].

Маркс и Энгельс сочли подобную постановку вопроса о «сокращенном пути развития» (т. е. некапиталистическом пути) вполне правомерной и с тех пор с высоким уважением ссылались на Чернышевского, который «в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не

---

[1] См.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 238.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих // Соч. Т. 18. С. 430.

[3] См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 5. С. 389.

[4] См. там же. С. 151—152, 387—389.

[5] См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 451.

[6] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3406 (Кн.: Н. Г. Чернышевский об общинном владении землей. Женева, 1872. С. 47).

испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные» [1].

Маркс, по свидетельству Г. А. Лопатина, высоко ценил Чернышевского как ученого, называя его единственным оригинальным современным мыслителем, сочинения которого заслуживают изучения [2]. В послесловии ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала» Маркс назвал Чернышевского «великим русским ученым и критиком», мастерски показавшим «банкротство буржуазной политической экономии» [3].

До знакомства со взглядами Чернышевского Маркс связывал общину прежде всего с историческим прошлым России, указывал на ее поразительное сходство с древнегерманской общиной, подчеркивал патриархальный характер ее управления, видел в общине лишь объект бесцеремонной эксплуатации со стороны государства [4].

Статьи Чернышевского дали Марксу импульс для углубленного изучения состояния русской общины, натолкнули на выводы о возможностях ее конструктивной роли в социальном преобразовании России. В письме к Даниельсону от 12 декабря 1872 года Маркс сообщал, что он намерен во II томе «Капитала», в отделе о земельной собственности, заняться очень подробно ее русской формой [5]. С этого времени направлявшийся Марксу из Петербурга поток литературы о русских поземельных отношениях, о сельской общине не ослабевал ни на один год.

Размышляя о судьбах русской общины, Маркс широко изучал труды по истории общинного устройства у других народов (древних германцев, американских индейцев, коренного населения Индии и Алжира). Так, знакомство с исследованиями Маурера, Моргана, Ковалевского и других авторов позволило Марксу выявить исторические корни возникновения земледельческой общины. Он проследил стадии ее развития, увидел в ней не только реликтовый институт первобытного общества, но и несомненные внутренние достоинства: человеческую взаимопомощь, коллективное производство и демократию. Основательное изучение этой литературы и особенно русских статистических источников убеждало его в наличии внутренней противоречивости общины. Взаимодействие в ней общественной и частной собственности, совместного и индивидуального труда обусловливало врожденный дуализм общинного устройства, допускающий, в зависимости от общественных

---

[1] См.: *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 119.

[2] См.: Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Пг., 1922. С. 71.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 17—18.

[4] См.: Маркс — Энгельсу, 7 ноября 1868 г. // Там же. Т. 32. С. 158.

[5] См. там же. Т. 33. С. 458.

условий, альтернативу — либо побеждает коллективное начало, либо собственническое [1].

Установление внутренней противоречивости общинного устройства, а также причин, порождающих его неизбежное разложение, явилось научной заслугой Маркса. Исходя из дуализма сельской общины, он вывел две альтернативные, но отнюдь не равные по потенциальным возможностям, линии дальнейшей ее судьбы — абстрактную возможность ее эволюции в более высокую общественную форму или же, реально более вероятную, неизбежность ее гибели.

Теоретическая постановка вопроса о возможности некапиталистического пути развития на основе общинно-коллективистских отношений побудила Маркса внести довольно существенное уточнение во французское издание «Капитала» (1875). Анализируя в первом немецком издании «Капитала» (1867) происхождение капиталистического производства, Маркс сделал вывод, что в классической форме экспроприация земли у сельского населения совершается только в Англии [2]. Поскольку перед этим заключением речь шла о процессе экспроприации крестьян в различных странах и в различные периоды истории, могло сложиться представление (и оно порой складывалось), что Маркс считал этот процесс неизбежным и общеобязательным для всех стран.

Признание альтернативного пути развития русской общинной собственности, то есть возможности ее сохранения и преобразования в подлинно социалистическую, потребовало уточнения текста о первоначальном капиталистическом накоплении. Во французском издании, вслед за упоминанием экспроприации земледельцев в Англии, была добавлена фраза: «Но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути» [3]. Данной фразой Маркс четко ограничивал историческую неизбежность процесса экспроприации крестьянской земли только Западной Европой. Иными словами, допускалось, что Восточная Европа и Россия могут развиваться другим путем. Вместе с тем, еще в 1872 году, подготовляя второе немецкое издание «Капитала», Маркс снял помещенное в добавлении к первому изданию полемическое замечание в адрес Герцена, который в общине видел средство к возрождению Европы [4].

Эти поправки, на первый взгляд незначительные, носили принципиальный характер, они не только свидетельствовали об изменении отношения Маркса к судьбам русской общины, но и являлись серьезной заявкой на дальнейшее исследование совершенно новой проблемы, иного типа общественного процесса по сравнению с тем,

[1] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 419.
[2] См. там же. Т. 23. С. 728.
[3] *Marx K.* Le Capital. Paris (1875). P. 315.
[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 448, 665 (примеч. 452).

который был всесторонне рассмотрен им в «Капитале». Маркс признавал исторически оправданной попытку русских народников «найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа» [1]. Вместе с тем, как добросовестный исследователь, он не считал себя вправе распространять выводы «Капитала», полученные при изучении центра мирового капитализма, на его периферию, какой являлась в то время Россия. Более того, он решительно возражал против утверждения известного идеолога народничества Н. К. Михайловского о том, что будто бы из текста «Капитала» следует, что все народы роковым образом обречены пройти путь Западной Европы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся [2]. Маркс не соглашался с такой фаталистической интерпретацией своего труда и напоминал, что его анализ происхождения капитализма ограничен странами Западной Европы [3].

В письме в редакцию русского демократического журнала «Отечественные записки» (1878) [4] он предостерегал от попыток рассмотрения хотя бы «поразительно аналогичных» общественных явлений вне их конкретной исторической обстановки. Только изучение эволюции этих явлений в отдельности, а затем сопоставление результатов позволяет найти ключ к их пониманию, «но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности» [5]. В этом замечании Маркс определил исключительное значение конкретности социального исследования, неприятие как оторванной от реальности теории, так и абсолютизации тех или иных исторических процессов и форм, исключающей возможность различных «отклоняющихся» вариантов общественного развития.

Основываясь на необходимости конкретного анализа российской действительности, Маркс отмечал, что «западный прецедент здесь ровно ничего не доказывает» [6], и потому в специальном

[1] См.: *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 116.— Цитата из статьи Михайловского воспроизведена в рукописи Маркса по-русски.
[2] См. там же. С. 120.
[3] См.: Маркс — Вере Ивановне Засулич, 8 марта 1881 г. // Там же. С. 250.
[4] Неотправленное по каким-то причинам письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок» было опубликовано в русской печати в конце 80-х годов по копии, полученной от Энгельса. Оно писалось в ответ на статью Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» (см.: Отечественные записки. 1877. № 10. С. 320—356). Поскольку журнал был легальным, Маркс придал письму строго научную форму, избегая «опасных», в глазах цензуры, слов (революция, социализм) и запрещенных фамилий (Герцен, Чернышевский). Тем не менее интеллигентный читатель легко мог догадаться о терминах и именах, намеренно не названных автором письма.
[5] *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 121.
[6] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Там же. С. 412.

труде собирался исследовать вопрос о своеобразии исторического развития России. В сочетании полукрепостнических и буржуазных форм эксплуатации, обрекавших крестьянство на безземелье и нищету, Маркс увидел не только другую, по сравнению с Англией, форму экспроприации крестьян, не только страдания масс, пауперизацию сельского населения, но также сопровождаемый этими явлениями все более неизбежный процесс формирования крупного капиталистического производства в недрах полуфеодального государства. «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г.,— писал он,— то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» [1].

Народнические экономисты иногда сообщали Марксу о признаках разложения общинных порядков, о дифференциации крестьянских хозяйств [2], но освободиться от «мечтательного преувеличения значения общины» [3] они не могли.

Классового антагонизма внутри крестьянства они не видели, ибо в то время еще мало было сведений об экономике деревни, о выделении в ней двух новых типов населения — сельской буржуазии и сельского пролетариата (батраки, поденщики и т. д.). К тому же фактам разложения общины большого значения не придавалось, их считали тревожными, но случайными явлениями. Все беды общинного владения землей приписывались внешним неблагоприятным условиям, в первую очередь подавляющему общину административному и податному гнету.

В то время как народники склонны были затушевывать факты разложения общины, Маркс в книгах, имевшихся в его библиотеке, отчеркивал как раз те места, где сообщалось о негативных явлениях внутренней жизни деревни — о разделе общинных земель и обращении их в частную собственность, о появлении кулаков и бедняков и т. д. [4] Пересчитав цифровые данные в статье известного статистика П. П. Семенова, Маркс пришел к заключению, что после 1861 года в деревне появилось 40% бедных и неимущих дворов. Пометка его гласила: «Хорош результат общинного владения землей!» [5]

На решающую роль внутренних факторов в разложении общины указывал и Энгельс, который увидел возможность появления большого неравенства в благосостоянии отдельных членов общины,

---

[1] *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 119.

[2] См.: Н. Ф. Даниельсон — Марксу, 17 (29) марта 1880 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 404.

[3] См.: *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 386.

[4] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5766 (Кн.: *Посников А. С.* Общинное землевладение. Ярославль, 1875. Вып. 1. С. IV).

[5] См.: Архив Маркса и Энгельса. Т. 12. С. 128.

в индивидуальной обработке земли. Для Энгельса было очевидно, что «дальнейшее развитие России в *буржуазном* направлении мало-помалу уничтожило бы и здесь общинную собственность без всякого вмешательства «штыков и кнута» русского правительства» [1].

Постановка вопроса о возможности некапиталистического развития России

Гипотеза о возможности некапиталистического развития России впервые была изложена Энгельсом в брошюре «О социальном вопросе в России» (1875). Поскольку судьба общины еще не решена, писал он, «бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую... без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности» [2]. Энгельс упомянул необходимые, по его мнению, внутренние и внешние условия для такого преобразования общины: совместный общественный труд и помощь русскому крестьянину со стороны победившего пролетариата Западной Европы. Эта позиция нашла подтверждение в Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1882): «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [3].

Над решением этой проблемы много размышлял тогда и Маркс. Подготовляя ответ В. И. Засулич, обратившейся в феврале 1881 года к нему с просьбой осветить исторические судьбы России и ее земледельческой общины, Маркс попытался всесторонне аргументировать возможности превращения русского общинного землевладения в подлинно коллективистское [4]. Всесторонний анализ этих возможностей включал в себя учет как разрушительных тенденций, так и различных благоприятных факторов, содействующих прогрессу общины, в том числе и не рассмотренных ранее Энгель-

---

[1] *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 544—545.— Позднее Энгельс разъяснял, что община возможна только при ничтожных имущественных различиях. Как только эти различия становятся значительными и более бедные становятся должниками богатых, дальнейшее существование общины невозможно (см.: Энгельс — Николаю Францевичу Даниельсону, 17 октября 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 130).

[2] *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Там же. Т. 18. С. 545—546.

[3] Там же. Т. 19. С. 305.

[4] Нужно сказать, что подготовка ответа давалась Марксу нелегко, о чем свидетельствуют четыре варианта ответа. Обнаруженные в 1911 году в архиве Лафарга эти варианты (и сам ответ) на письмо Засулич были опубликованы в 1924 году в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса» (кн. I), но основательное их изучение в советской науке началось позже. Большой интерес проявили к этим рукописям и зарубежные ученые — Х. Шизума и Х. Вада (Япония), П. Поджио (Италия), о чем свидетельствуют их публикации (*Wada H.* Marx, Engels and Revolutionary Russia. Tokyo, 1975; *Poggio P.* Marx, Engels e la rivoluzione russa // Movimento operaio e socialista. Genova. 1974. N 1). Этим наброскам Маркса посвящен и специальный сборник статей, трактующих проблему «Маркс и периферия капитализма» (Late Marx and the Russian Road. Marx and the «peripheries of capitalism». London, 1984. P. IX).

сом, в частности социально-психологического и экономико-географического характера. Стечение разрушительных влияний (правительство, помещики, «новые столпы общества» — в лице промышленной буржуазии), если только оно не будет разбито мощным противодействием, должно естественно, полагал Маркс, привести к гибели сельской общины [1]. Враждебные силы, заинтересованные в уничтожении общинной собственности, надеются создать из крестьян сельский средний класс, а огромное большинство бедных земледельцев превратить в рабочих, чтобы обеспечить себя наемным трудом [2].

Рассматривая благоприятные факторы эволюции общины, Маркс прежде всего обращал внимание на традиции коллективного труда русских крестьян на общинных лугах, при осушке болот и т. д. Привычка к артельным отношениям, считал он, облегчит «переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному» [3]. Благоприятствовал «кооперативному труду, организованному в широком масштабе», и физический рельеф российских земель, позволяющий применять машины [4].

Здесь стоит отметить, что Энгельс впоследствии осторожнее оценивал роль общественного труда в русской деревне. Так, он довольно скептически отнесся к мнению Чернышевского о том, что уральские казаки со своей общественной обработкой земли будут очень рады, если доживут до введения машин, требующих хозяйства в огромных размерах. Энгельс предупреждал, что такая коллективная форма хозяйства может искусственно сохраняться по финансовым соображениям при совершенно различных режимах власти — и при царизме, и в условиях казарменного коммунизма [5].

Маркс, как и Энгельс, задавался вопросом, откуда взять оборудование, удобрения, агрономические методы, необходимые для организации коллективного труда? Ответ он видел в наличии благоприятной исторической среды русской общины, существовавшей одновременно с развитым капиталистическим производством Запада, и заключал, что поэтому «она имеет возможность использовать все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его кавдинские ущелья» [6]. При этом Маркс полагал, что первоначальные издержки, как интеллектуальные, так и материальные, русское общество само было обязано предо-

[1] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 409.
[2] См. там же. С. 410, 415.
[3] См. там же. С. 405.
[4] См. там же. С. 407, 408, 420.
[5] См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 442—443.
[6] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Там же. Т. 19. С. 407—408.

ставить сельской общине, за счет которой оно жило так долго и в которой оно должно искать свой «источник возрождения» [1].

Размышления Маркса по поводу факторов, необходимых для установления нового типа общинного землепользования, не помешали ему признать, что в действительности сельская община почти доведена до края гибели, став объектом эксплуатации со стороны государства, помещика, кулака [2]. Однако неизбежности полного краха общины в то время, по мнению Маркса, еще не было. Надежды на возрождение общины он связывал прежде всего с коренным изменением социальных условий ее существования: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция» [3].

Обдумывая различные варианты исторического процесса, определяющего судьбы русской общины, Маркс не исключал запоздания революции на Западе и возможности революционных преобразований первоначально в одной лишь России. В черновиках ответа Маркса на письмо Засулич мы читаем: «Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя» [4]. Это вполне гипотетическое предположение, в котором имплицитно содержится идея неравномерности капиталистического развития и вызревания революционного процесса, в других работах Маркса развернутого обоснования, как известно, не получило. Видимо, он склонялся к мнению Энгельса, который, принимая во внимание слабость промышленной базы в России, допускал возможность социалистического преобразования русской общины только при активной материальной поддержке победившего пролетариата Запада.

С таким выводом не могли согласиться идеологи народничества, в частности постоянный корреспондент Энгельса Н. Ф. Даниельсон, который и в 90-х годах XIX века продолжал рассуждать об искусственности и бесперспективности российского капитализма.

Вынужденный признать, что капиталистические отношения проявились в России «во всей своей наготе», Даниельсон все еще возлагал надежду на русское «общество», которое, наконец, осознает опасность капитализма и основой своего экономического базиса сделает общину [5]. Анализируя экономическое развитие страны, Даниельсон останавливался на характеристике отдельных проявлений этого процесса, как, например, рост железных дорог и кредитных учреждений, а сам факт упрочения капиталистических отношений в российской экономике воспринимался им негативно и рассматривался лишь как нежелательный вариант хозяйственного развития.

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 408.
[2] См. там же. С. 408—410.
[3] Там же. С. 410.
[4] Там же. Ср. с. 401.
[5] См.: Н. Ф. Даниельсон — Энгельсу, 3 (15) октября 1892 г.; 23 апреля 1893 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 628—629, 652.

Энгельс подходил к оценке экономической ситуации России иначе. Он стремился охватить весь процесс развития капитализма в его целом, обращая внимание на факты расслоения крестьянства на сельскую буржуазию и сельский пролетариат, на тенденцию превращения земледелия в товарное производство, на появление большого внутреннего рынка для крупной промышленности. Делая вполне определенный вывод о том, что община обречена на гибель и что капитализм в России все более утверждается, Энгельс отклонял сомнения своего корреспондента, призывал его понять, что «капитализм открывает новые перспективы и новые надежды» [1].

В 90-х годах историческая возможность для России миновать капиталистическую стадию исчезла, по мнению Энгельса, окончательно. Такая возможность, объяснял он, существовала только в прошлом, в первые десятилетия после крестьянской реформы 1861 года. Если бы в 1860—1870 годах Западная Европа созрела для свержения капитализма, полагал он, то Россия, возможно, могла бы остановить свою эволюцию в направлении к капитализму, и русские были бы призваны показать, что могло быть сделано из их общины, в то время более или менее нетронутой. Но поскольку в развитых странах тогда «пышно расцветала капиталистическая промышленность», а у власти прочно стояла буржуазия, «производить сверху государственно-социалистические эксперименты» в России было бы, по мнению Энгельса, исторически нереально [2]. Сама же по себе община была обречена, поскольку «нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения» [3].

Хотя полностью миновать стадию капитализма Россия в 90-х годах уже не могла, это не исключало, по Энгельсу, возможности сокращения данной стадии. При этом он пояснял, что только когда капитализм будет преодолен на своей западноевропейской родине и когда отставшие страны увидят на живом примере, «как это делается», как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу, только тогда и Россия и некоторые другие страны, в которых уцелели родовые порядки, смогут встать на путь «сокращенного процесса развития» [4]. Так он, в частности, полагал, что после революции в Западной Европе болгарские родовые общины явились бы «великолепным отправным пунктом для дальнейшего развития к коммунизму, совсем как русский «мир»» [1].

[1] Энгельс — Николаю Францевичу Даниельсону, 17 октября 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 130.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 450—451; Энгельс — Николаю Францевичу Даниельсону, 24 февраля 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 33—34; Энгельс — Николаю Францевичу Даниельсону, 17 октября 1893 г. // Там же. С. 129—130.

[3] *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 444.

[4] См. там же. С. 446.

И все же перспективы революционного обновления России рассматривались Энгельсом в целом чересчур оптимистично. Хотя и с оговорками, он иногда допускал, что процесс общественного переустройства в России может проходить сравнительно легко, почти одновременно с Западом, ибо «часть коренного населения уже усвоила себе интеллектуальные результаты капиталистического развития...» [2].

Ход истории не подтвердил гипотезы Маркса и Энгельса о возможности некапиталистического развития России, но их прогноз о конечной социалистической перспективе российской революции оправдался. Оправдался он отчасти и в отношении общины.

Как и предвидели Маркс и Энгельс, российская революция спасла общину от гибели. Октябрьский Декрет о земле придавал ей второе дыхание, она могла бы стать элементом возрождения коллективной организации сельского производства. В 1927 году на территории РСФСР в общинном пользовании находилось свыше 90% крестьянских земель.

В партийной печати в конце 20-х годов XX века проходила полемика по вопросу о роли общины в социалистическом строительстве [3]. Сторонники общины напоминали положение Маркса из набросков письма к Засулич, что все зависит от исторической среды, в которой община находится [4]. А. В. Чаянов и некоторые другие авторы не только выступали за создание в деревне многообразных кооперативных форм хозяйствования, но и пропагандировали идеи кооперации в общественной жизни сельского населения [5]. Однако принудительная полная коллективизация подорвала еще не утраченные до конца общинные традиции, ликвидировала доказавшую свою эффективность сельскохозяйственную кооперацию. Остатки общинного устройства — этой демократии деревенского «мира» — были безжалостно сметены.

Начиная с 70-х годов XIX века важное место в теоретической деятельности основоположников марксизма заняла задача осмысления особенностей исторического развития России. Овладение обширным статистическим материалом, знакомство с трудами русских ученых и общественных деятелей и прежде всего с произведениями Чернышевского, позволили Марксу и Энгельсу гораздо точнее, чем экономистам народнической школы, определить направление социально-экономического развития страны, наметить перспективы освободительного движения.

Между народническим учением о самобытном пути к социализму посредством возрождения общины и допущением Маркса и Энгельса возможности для России при определенных условиях

[1] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 9 октября 1886 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 462.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 446. Ср. с. 445.

[3] См.: *Кубанин М.* Община при диктатуре пролетариата // На аграрном фронте. 1926. № 11—12; *Устинов М.* К вопросу о формах землепользования // Большевик. 1927. № 19—20.

[4] См.: *Суханов Н.* Община в советском аграрном законодательстве // На аграрном фронте. 1926. № 11—12. С. 110.

[5] См.: *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации. М., 1926.

избежать капиталистической фазы развития общества была принципиальная разница. Доктрина народников во многом исходила из субъективных идеалов интеллигенции, считавшей себя способной выбирать более благоприятные пути развития общества, а также из односторонне интерпретированных фактов экономической статистики. В отличие от этого исходные начала марксистской концепции некапиталистического развития определялись учетом внутренних и внешних материальных условий, при которых было возможно постепенное преобразование общины в социалистический кооператив.

Марксистское предположение о возможности некапиталистического пути развития в период всемирного господства капитала было лишь смелым научным предвидением. Иного пути, кроме капиталистического, история в то время не знала. Только Октябрьская революция и ликвидация колониальной системы создали для отставших народов возможность выбора некапиталистического пути развития. В Азии и Африке возникла целая группа стран социалистической ориентации. Однако сложное и противоречивое развитие этих стран долгое время не находило достаточно всестороннего и взвешенного анализа в марксистских исследованиях. Среди обществоведов преобладало скорее чувство эйфории, чем логика анализа. Не учитывались высказанные основоположниками марксизма опасения по поводу судеб социализма в случае территориального[1] и экономического преобладания капитализма[2].

Процесс реального воплощения идеи некапиталистического пути развития оказался гораздо более сложным и противоречивым, чем это ожидалось в теории. Предсказанная основоположниками марксизма возможность сокращенного развития отстающих стран, минуя стадию капитализма, оказалась крайне суженной. Выяснилось, что идея постепенного создания предпосылок для перехода к собственно социалистическим преобразованиям не подкреплена прежде всего материально, недостаточно обусловлена с точки зрения соотношения экономических и политических сил в мире. В итоге многие страны, избравшие капиталистическую ориентацию и пользующиеся помощью международного капитала, оказались гораздо более продвинутыми в экономическом и социальном плане.

В России «сочетаются все условия революции»

Размышления Маркса и Энгельса по поводу русской общины тесно увязывались ими с вопросом о революционной судьбе России. При этом вопрос о возможности российской революции основатели научного социализма рассматривали с учетом всего многообразия внешних и внутренних факторов. Единство всемирно-исторического процесса вовсе не понималось ими как создание равномерно развитой системы буржуазных государств[3]. Связь более развитых стран с менее развитыми, по их представлению, могла бы породить в последних аналогичные противоречия, даже революционное движение[4].

---

[1] См.: Маркс — Энгельсу, 8 октября 1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 295.

[2] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Там же. Т. 19. С. 413.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Там же. Т. 4. С. 427, 428.

[4] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С. 78—79.

Итоги революции 1848 года позволили существенно дополнить эти выводы указанием на дополнительные революционные потенции, рождаемые системой всемирного господства капитала: «В конечностях буржуазного организма насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше»[1]. Уже в то время Маркс допускал, что сигнал к европейской революции не обязательно должен последовать из наиболее развитых стран, его может дать и одна из угнетенных, а потому более отсталых, наций — Польша, Венгрия или Италия[2].

В условиях наступившего после поражения Парижской коммуны «мирного» периода, когда в порядок дня встал постепенный подход к следующему этапу пролетарской борьбы, для рабочего класса Западной Европы требовались поиски новых решений революционных задач. Размышляя в 70-е годы XIX века над путями революционного процесса в Европе, определяя его главные силы и возможные резервы, Маркс и Энгельс предусматривали различные варианты развития событий и соответственно различную роль в каждом отдельном случае стран Запада и России. При этом изучение ими революционных потенций России, особенностей освободительного движения на ранних стадиях формирования капитализма способствовало дальнейшему развитию политической теории социализма. Получили дополнительное обоснование и конкретизацию марксистские представления о революционной ситуации, о движущих силах и типе русской революции, вопрос о ее международном значении.

Внимание Маркса и Энгельса к России в эти годы определялось заметным общественным подъемом в стране, вызванным последствиями Крымской войны и осуществлением крестьянской реформы 1861 года. Помимо необходимости следить за реакционными внешнеполитическими акциями царизма у Маркса и Энгельса возникла необходимость внимательно наблюдать за классовой борьбой в русском обществе, изучать различные течения общественной мысли, заботиться о включении российской революционной демократии в общий фронт действий европейского пролетариата. Так, анализ итогов проведенной царизмом реформы позволил им сделать целый ряд выводов: что масса крестьянского населения, ограбленного помещиками, поставлена «в положение, которое все более и более принуждает ее к борьбе с правительством и с царем»[3], что «так называемое освобождение крестьян создало на-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Третий международный обзор // Соч. Т. 7. С. 467.

[2] См.: *Маркс К.* Революционное движение в Италии // Там же. Т. 6. С. 85; *Энгельс Ф.* Демократический панславизм // Там же. С. 303; *Энгельс Ф.* Прусская армия и революционное восстание народа // Там же. С. 515.

[3] См.: *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Там же. Т. 18. С. 547.

стоящую революционную ситуацию»[1] и что Россия «давно уже стоит на пороге переворота...»[2].

Самоотверженная активность демократической интеллигенции, шедшей в деревню для социалистической агитации, первые стачечные столкновения на российских фабриках и заводах, знаменитая речь русского рабочего Петра Алексеева перед судом, смело предвещавшая гибель царизма,— все это заставляло Маркса и Энгельса с волнением ждать известий из России, постоянно напоминать западноевропейским революционерам, что кроме Германии и Австрии они должны особенно внимательно следить за Россией, которой в ближайшем будущем предстоит играть наиболее важную роль[3].

Заявляя, что Россия несомненно находится накануне революции, что «все необходимые для этого элементы уже созрели»[4] и что «здесь сочетаются все условия революции»[5], Маркс и Энгельс принимали во внимание и объективные социально-экономические предпосылки и субъективные факторы, которые предопределяли «твердое основание и абсолютную необходимость будущей революции»[6]. Имелся в виду кризис «верхов», проявлявшийся в уступках и колебаниях правительства, а также кризис «низов» — «грозное недовольство крестьян»[7], ограбленных реформой и доведенных до положения, когда «невозможно ни жить, ни умереть»[8].

Однако Маркс и Энгельс не переоценивали революционных возможностей крестьянства. Иронизируя по поводу народнических иллюзий о русском народе как «революционере по инстинкту», о готовности России к «всенародному бунту» (о чем постоянно толковали Бакунин и Ткачев), Маркс и Энгельс предполагали, что революцию начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, и лишь затем крестьяне «развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса...»[9]. К тому же в своих прогнозах Энгельс был предельно чуток к изменениям обстановки внутри России. Вдумчивая оценка постигшего страну в 1891 году голода позволила ему обрисовать

[1] Энгельс — Зало Ферберу, 22 октября 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 315.

[2] См.: Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 27 сентября 1877 г. // Там же. Т. 34. С. 229.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России // Там же. Т. 19. С. 123; Энгельс — Августу Бебелю, 15 октября 1875 г. // Там же. Т. 34. С. 130.

[4] См.: Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 27 сентября 1877 г. // Там же. Т. 34. С. 229.

[5] См.: *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Там же. Т. 18. С. 548.

[6] См.: *Энгельс Ф.* Европейские рабочие в 1877 году // Там же. Т. 19. С. 144.

[7] См.: *Энгельс Ф.* Введение к брошюре «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 18. С. 568.

[8] См.: *Энгельс Ф.* Европейские рабочие в 1877 году // Там же. Т. 19. С. 144.

[9] См.: *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Там же. Т. 18. С. 548.

перспективы революционного взрыва в тот момент в очень пессимистических тонах. Энгельс понимал, что крестьяне бессильны, ибо не пойдут дальше местных восстаний, бесплодных без поддержки городов, где нарождающийся пролетариат еще слишком слаб для революции[1]. Имея в виду трусость и беспринципность вскормленной государством буржуазии, он сомневался в том, что она решится посягнуть на царизм; и только в случае дворцового переворота или удачного покушения власть могла бы перейти к буржуазии[2].

В полемике против Ткачева, который проповедовал необходимость немедленного восстания во имя социалистической революции, Энгельс объяснял, что в России нет еще необходимых предпосылок для такой революции: достаточно высокого уровня производительных сил, сильного пролетариата[3]. Речь могла идти только о буржуазной или буржуазно-демократической революции, подобной революциям в Западной Европе 1789 и 1848 годов. Впоследствии к вопросу о сходстве будущей российской революции с революциями Запада обращался и Ленин[4].

Если в 50-х и даже в начале 80-х годов Маркс и Энгельс допускали, что «Россия находится накануне своего 1789 года»[5], за которым неизбежно последует 1793 год[6], то в 90-х годах Энгельс сравнивал положение в России с ситуацией в Германии в 1845—1859 годах[7] и утверждал, что «революция, остановившаяся в 1848 г. на польской границе, стучится теперь в двери России...»[8]. В последнем случае имелась, очевидно, ввиду уже не «чисто» буржуазная, а буржуазно-демократическая революция, в которой участие в борьбе с абсолютизмом примет рабочий класс в условиях, когда уже ясно обнаруживается его антагонизм с буржуазией.

Маркс и Энгельс не считали возможным издалека давать российским революционерам советы о способах и формах борьбы, а признание ими революционизирующей роли удачного покушения на царя не являлось безоговорочным одобрением индивидуального террора как средства политической борьбы. Отношение Маркса и Энгельса к индивидуальному террору не было одно-

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 29 сентября — 1 октября 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 136.

[2] См. там же. С. 137.

[3] См.: *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Там же. Т. 18. С. 537—538.

[4] См.: *Ленин В. И.* Революция типа 1789 или типа 1848 года? // Полн. собр. соч. Т. 9. С. 380—382.

[5] Энгельс — Зало Ферберу, 22 октября 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 315.

[6] См.: *Маркс К.* Об освобождении крестьян в России // Там же. Т. 12. С. 701. Ср.: *Энгельс Ф.* Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России // Там же. Т. 19. С. 124.

[7] См.: Энгельс — Георгию Валентиновичу Плеханову, 26 февраля 1895 г. // Там же. Т. 39. С. 345.

[8] *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Там же. Т. 22. С. 47.

значным. В качестве тактики рабочего движения они, безусловно, террор отвергали, но допускали его как способ борьбы непролетарских революционеров и только в строго определенных условиях. В начале 70-х годов они не разделяли бакунинского восторга по поводу покушения Каракозова, возмущались террористическими прокламациями Нечаева и Бакунина с их апологией политического убийства, призывом действовать кинжалом, ядом и пулей [1]. В 1879 году Энгельс осудил террор «Народной воли», поскольку первоначально принял народовольцев за русских анархистов — противников политической борьбы, которые, «став на путь убийств, лишь таскают каштаны из огня для конституционалистов...» [2].

В дальнейшем отношение Маркса и Энгельса к действиям «Народной воли» изменилось. Односторонне информированные о размахе действий «Народной воли» ее лондонскими представителями, они тем не менее надеялись, что взрывы, которыми революционеры стремились подорвать царизм, разбудят народ и подтолкнут крестьянство к восстанию. Переоценивая готовность страны к революции, они видели в покушениях на царя эффективное средство для ее разжигания. Энгельс считал, что Россия 80-х годов была «подобна заряженной мине, к которой остается только поднести фитиль» [3]. Ему казалось, что наступил один из тех «исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии (пользуясь метафорой Плеханова), и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить» [4]. Подобного взгляда придерживался и Маркс, противопоставляя народовольцев немецкому социал-демократу Мосту, который восхвалял тогда террор как «теорию» и «панацею». В письме к дочери Женни 11 апреля 1881 года Маркс с одобрением отозвался о манифестах «Народной воли», которые стремятся убедить Европу, что ее тактика является «специфически русским, исторически неизбежным способом действия...» [5]. Тем самым Маркс с видимым удовлетворением подчеркивал, что в среде русских революционеров признается ограниченное значение террора и нет стремления представлять его универсальным и наиболее успешным методом борьбы.

Ленин, гораздо ближе чем Маркс знакомый с деятельностью «Народной воли», отдавая должное героическим усилиям ее бор-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих // Соч. Т. 18. С. 397—398, 407, 412.

[2] См.: Энгельс — Иоганну Филиппу Беккеру, 19 декабря 1879 г. // Там же. Т. 34. С. 344.

[3] См.: Энгельс — Вере Ивановне Засулич, 23 апреля 1885 г. // Там же. Т. 36. С. 260.

[4] Там же.

[5] См. там же. Т. 35. С. 148.

цов, неоднократно повторял, что террор является не чем иным, как *«единоборством*, всецело осужденным опытом истории» [1]. Он четко отличал боевые действия революционеров *«вместе с народом»* (например, партизанскую борьбу рабочих дружин) [2] от индивидуального террора как «специфически интеллигентского способа борьбы» [3].

Отказ марксизма от индивидуального террора как средства политической борьбы пролетариата носил принципиальный характер и опирался на идею исторической инициативы масс и вытекающую из нее тактику массовых политических действий, выступающих как движущая сила революционного процесса. Маркс и Энгельс твердо верили в грядущую историческую миссию российского пролетариата. В своем послании председателю Славянского митинга, созванного 21 марта 1881 года в честь десятилетней годовщины Парижской коммуны, они пророчески предсказывали, что освободительное движение в России неизбежно приведет, «быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны» [4]. Тем самым они обусловливали неизбежность включения России в общий поток международного освободительного движения. Объединение революции западноевропейского пролетариата и антифеодальной крестьянской войны, объективно направленной и против капитализма, Маркс и Энгельс считали возможным не только для России, но и для всех стран, находящихся на докапиталистической ступени развития [5].

Если в 50-х годах Маркс и Энгельс только предполагали, что революция в России приобретет международное значение, то в 70-х и 80-х годах они уже были твердо убеждены, что Россия чревата событиями величайшего значения для будущего, что русская революция станет «ближайшим поворотным пунктом» истории, положит начало «всемирной социальной революции» [6].

Энгельс в статье «Европейские рабочие в 1877 году» (1878) рассматривал возможную победу демократической революции в России с учетом ее влияния на всю систему международных связей и противоречий. Исчезновение огромной военной державы, являвшейся «со времен французской революции... становым хребтом объединенного европейского деспотизма», коренным образом

[1] См.: *Ленин В. И.* Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 375.

[2] См.: *Ленин В. И.* От обороны к нападению // Там же. Т. 11. С. 268.

[3] См.: *Ленин В. И.* Самодержавие и пролетариат // Там же. Т. 9. С. 130.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 252.

[5] См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 446.

[6] См.: Энгельс — Иоганну Филиппу Беккеру, 19 декабря 1879 г. // Там же. Т. 34. С. 344; Энгельс — Иоану Нэдежде, 4 января 1888 г. // Там же. Т. 37. С. 6. — В беседе с Г. А. Лопатиным, по воспоминанию последнего, Энгельс допускал, что России может принадлежать и «революционная инициатива *нового* социального переустройства» (см. там же. Т. 21. С. 490.— Приложения).

изменило бы политическую карту Европы, ибо привело бы к крушению Германской империи, к распаду Австро-Венгрии, возрождению Польши и малых славянских народов Восточной Европы, расцвету национальной жизни самого русского народа и возникновению «настоящего рабочего движения в России» [1].

Спустя 10 лет, Энгельс в письме румынскому социалисту И. Нэдежде от 4 января 1888 года дополнил свои суждения, предсказывая, что после революции «благородная великорусская нация будет стремиться уже не к завоевательным химерам на пользу царизма, а выполнит свою подлинно цивилизаторскую миссию по отношению к Азии и в сотрудничестве с Западом разовьет свои обширные интеллектуальные силы...» [2].

В этом же письме Энгельс высказывал мысль о том, что революция в России «спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны» [3]. Впоследствии эта мысль развивалась в его статье «Внешняя политика русского царизма» (1890). Однако предположение Энгельса о том, что падение самодержавия предотвратит мировую войну и что русское Национальное собрание решительно положит конец всяким завоевательным планам [4], исходило из явной переоценки им «миролюбия» буржуазного парламента. Как показала история, российская буржуазия, вовлеченная в соперничество ведущих капиталистических группировок, связала себя участием в военных блоках европейских государств, и не свержение самодержавия, а установление власти пролетариата обеспечило установление мира.

Глубокое знакомство с политической ситуацией в России помогло Энгельсу назвать и приблизительные сроки российской революции. В связи с началом царствования Николая II он предположил, что «самодержавие едва ли переживет эту последнюю смену монарха...» [5]. Некоторое время спустя, Энгельс в письме к Плеханову делает такое ироническое предсказание судьбы последнего русского царя: «А уж если дьявол революции схватил кого-либо за шиворот, так это Николая II» [6]. Это высказывание, очевидно, принадлежит к тем «оправдавшимся научным пророчествам» Энгельса, о которых с уважением писал Ленин, объясняя ход мировой истории [7].

Маркс и Энгельс, писал Ленин, «были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение» [8].

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 146.
[2] Там же. Т. 37. С. 5.
[3] См. там же. С. 5—6.
[4] См. там же. Т. 22. С. 48.
[5] Энгельс — Виктору Адлеру, 22 декабря 1894 г. // Там же. Т. 39. С. 293. Ср.: Энгельс — Эдуарду Вайяну, 5 марта 1895 г. // Там же. С. 349.
[6] Энгельс — Георгию Валентиновичу Плеханову, 8 февраля 1895 г. // Там же. С. 334.
[7] См.: *Ленин В. И.* Пророческие слова // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 472.
[8] См.: *Ленин В. И.* Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И.Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» // Там же. Т. 15. С. 247.

Хотя близость этой революции они часто переоценивали, их ошибка, по Ленину, была ошибкой «гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач...» [1].

Несмотря на всесторонний анализ капиталистического развития России после реформы 1861 года, Маркс и Энгельс еще не имели в своем распоряжении тех социально-экономических данных, которые позволили позднее первым русским марксистам выработать целостную концепцию российской революции. Однако в определении ее объективных причин, ее всемирного значения они были правы. Несколько поколений русских борцов вдохновляло признание Марксом и Энгельсом огромных заслуг русских революционеров в борьбе с царизмом, их убежденность в том, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе» [2].

2. РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ 40—70-х ГОДОВ XIX ВЕКА И МАРКСИЗМ

Первые отклики на произведения Маркса и Энгельса в русской общественной мысли

В поисках надежных путей общественного прогресса, способов освобождения страны от ига самодержавия и крепостничества представители нарождавшейся в России в 40-х годах XIX века революционной демократии обращались к осмыслению опыта буржуазных революций Западной Европы, к изучению прогрессивной общественной мысли современного им Запада. В попытках объяснения исторического процесса они живо воспринимали и самостоятельно трактовали диалектику Гегеля, материализм Фейербаха, социалистические идеалы великих утопистов. Приобщаясь к духовной жизни Запада, русские мыслители 40-х годов XIX века познакомились и с некоторыми ранними произведениями Маркса и Энгельса вскоре после их публикации.

Известно, что выдающийся теоретик революционного демократизма В. Г. Белинский с одобрением встретил появление в 1843 году в журнале «Отечественные записки» статьи близко знакомого ему писателя В. П. Боткина «Германская литература». Эта статья включала в себя изложение, а местами и целые фрагменты памфлета Энгельса «Шеллинг и откровение», в котором антигегелевская «философия откровения» позднего Шеллинга была подвергнута уничтожающей критике с характерных для левогегельянства позиций защиты диалектики и порицания философской реакции. Сочувственно отнесся к публикации Боткина и А. И. Герцен. Белинский и Герцен использовали критику Шеллинга для борьбы со сторонниками официальной идеологии «самодержавия, православия и народности», а также с русскими шеллингианцами, объединявшимися вокруг журнала «Москвитянин».

[1] *Ленин В. И.* Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» // Полн. собр. соч. Т. 15. С. 249.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» // Соч. Т. 19. С. 305.

В 1845 году произошло знакомство Белинского и Герцена со статьями Маркса и Энгельса в «Немецко-французском ежегоднике», написанными уже с позиций разрабатываемых ими в то время положений научного коммунизма. Белинский, в библиотеке которого имелось это издание, оставил на полях ряд пометок, свидетельствующих о большом впечатлении, которое произвела на него Марксова критика религии, содержавшаяся в статье «К критике гегелевской философии права. Введение». Об этом же свидетельствует и его письмо к А. И. Герцену [1].

Первым крупным марксистским трудом, получившим известность в России, стала книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», изданная в Лейпциге в 1845 году. Вскоре, после ее выхода в свет, в «Литературной газете» (Спб., 1845. № 25) появилась одобрительная рецензия, в которой книга Энгельса была названа «весьма замечательной». Известно, что экземпляр этой книги имелся в библиотеке организатора революционного кружка 40-х годов М. В. Петрашевского. Была в библиотеке петрашевцев и книга Маркса «Нищета философии». Цензура разрешила в 1848 году провоз в страну этого произведения, ссылаясь на то, что «предмет сочинения не может быть применен к России и представляет умозрения довольно отвлеченные» [2].

В 40-х годах XIX века в Париже происходит личное знакомство Маркса с представителями российского общественно-литературного движения. Среди них были и будущий теоретик анархизма М. А. Бакунин и публицисты буржуазно-демократического толка П. В. Анненков, Н. И. Сазонов и другие. Влияние взглядов Маркса и Энгельса на этих представителей русской общественной мысли прослеживается уже в публицистике 40—60-х годов [3].

Так, общение с основоположниками марксизма, знакомство с их произведениями, в частности с «Нищетой философии» Маркса, помогло Анненкову хотя бы отчасти разобраться во взглядах Прудона, в событиях французской революции 1848 года [4]. В свою очередь литературное посредничество Анненкова, как установили советские ученые, сказалось в правильном понимании Белинским исторической роли буржуазии, а также в близких к Марксу оценках Чернышевским выступлений рабочих Парижа в июньские дни 1848 года [5].

В период революции 1848 года имена Маркса и Энгельса получили европейскую известность. Вышедший тогда «Справочный энциклопедический словарь» представлял русской публике Маркса и Энгельса как «главнейших проповедников нового германского материализма» [6].

Напуганные революционными событиями царские власти наложили запрет на упоминание в печати, в университетских лекциях «коммунистических намеков», «несбыточных теорий об общности капиталов и недвижимых имуществ» [7], но произведения Маркса

[1] См.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 12. С. 250.
[2] ЦГИА СССР. Ф. 779. Оп. 4. Д. 117. Л. 44.
[3] См.: *Волк С. С.* Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969. С. 7—31.
[4] См.: *Конобеевская И. Н., Смирнова В. А.* К. Маркс, Ф. Энгельс и П. В. Анненков // Анненков П. В. Парижские письма. М., 1983. С. 482—483, 487—488.
[5] См. там же. С. 491—498.
[6] См.: Справочный энциклопедический словарь. (Под ред. А. В. Старчевского). Спб., 1848. Т. 11. С. 139.
[7] См.: *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700—1863 гг.). Спб., 1892. С. 343; *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Спб., 1909. С. 174—177.

начинают проникать в Россию. Книги «Нищета философии» и «К критике политической экономии», как отметил Маркс в письме к Кугельману 12 октября 1868 года, «нигде не нашли такого большого сбыта, как в России» [1]. Несколькими годами ранее предметом журнальной полемики стал труд Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Интерес к нему был вызван и тем обстоятельством, что в начале 60-х годов в России появились сразу два перевода книги немецкого экономиста Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего» (вышедшей в Германии еще в 1848 году). Марбургский профессор выступал в ней защитником капитализма и с целью опровержения идеи об общественной собственности яростно нападал на Энгельса.

В то время как «благонамеренные» журналы сочувственно встретили филиппики Гильдебранда против социализма, «Современник» Чернышевского отвергал рассуждения немецкого экономиста в пользу буржуазии и частной собственности, косвенно намекая на возможность осуществления социалистического идеала в будущем [2]. Опубликованная в «Современнике» статья идейного сподвижника Чернышевского Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» [3] являлась частью изложением, а частью и прямым переводом книги Энгельса.

В 60-х годах XIX века имя Маркса начинает встречаться на страницах русских газет в связи с конгрессами Международного товарищества рабочих. «Современник» в одной из статей поместил извлечения из «Учредительного манифеста» Интернационала [4], а П. Н. Ткачев, впоследствии известный идеолог революционного народничества, опубликовал его «Устав». Это было первое произведение Маркса, полностью переведенное и изданное в России [5]. Впрочем, книга, в которой он был напечатан, вскоре после издания была конфискована.

Значительные трудности встали на пути распространения в России «Манифеста Коммунистической партии» — все его издания запрещались цензурой вплоть до начала XX века. Выпущенный в 1869 году в Женеве перевод Бакунина содержал принципиальные отступления от оригинала. Понятие «класс» переводилось как «сословие», а такие понятия как «классовые противоречия» и «восстание» — как «сословные различия» и «бунт». Только увидевший свет в 1882 году в Женеве перевод Плеханова (с предисловием авторов к русскому изданию) получил распространение в революционных кружках, неоднократно перепечатывался.

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 472.
[2] См.: «Современное обозрение» // Современник. 1861. Т. 86 (№ 3). С. 70.
[3] См.: Современник. 1861. Т. 89 (№ 9—10). С. 131—172, 485—518.
[4] См.: Современник. 1865. Т. 108 (№ 5—6). С. 472—473.
[5] «Устав» был опубликован в качестве приложения к книге: *Бехер Э.* Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению. Спб., 1869. С. 432—458.

Русская секция Международного товарищества рабочих

Наиболее значительным фактом участия российских революционеров в деятельности Международного товарищества рабочих, а также отражения интереса русских революционеров-демократов к научному социализму стало создание его Русской секции, образованной группой политических эмигрантов в Женеве. Это были Н. И. Утин, А. Д. Трусов, В. И. и Е. Г. Бартеневы, Е. Л. Томановская (Дмитриева), А. В. Корвин-Круковская. В марте 1870 года эта группа направила Марксу письмо, в котором извещала о создании в Женеве Русской секции Международного товарищества рабочих и просила Маркса быть представителем секции в Генеральном совете. Подтверждая верность идеям своего учителя Чернышевского, русские революционеры заявляли, что их цель — пропаганда принципов Интернационала и объединение русских рабочих во имя этих принципов. Одновременно они выражали готовность разоблачать раскольнические действия Бакунина, бороться с панславизмом [1].

В ответном послании Маркс от имени Генерального совета сообщал о единодушном принятии Русской секции в состав Интернационала, а от себя лично — о своем согласии быть ее представителем в Генеральном совете. Рассматривая царизм как одну из опор реакционных режимов на европейском континенте, Маркс видел в его уничтожении высокую задачу российских социалистов [2].

Русская секция издавала в Женеве журнал «Народное дело», который знакомил российских революционеров с деятельностью Интернационала. Заслугой «Народного дела» следует считать выступления против анархизма бакунистов и мелкобуржуазного реформизма прудонистов, признание необходимости политической борьбы рабочего класса.

Впервые в истории русской общественной мысли в публикациях Секции подтверждался важнейший принцип пролетарского движения: «*Освобождение рабочего класса... должно быть достигнуто усилиями самих рабочих*» [3]. Секция призывала вести пропаганду для пробуждения самосознания в рабочем классе [4] и к организации в России «политической рабочей партии», основанной на тех же началах, что и Международное товарищество рабочих [5].

Заслугой редакции «Народного дела» явилось также издание нескольких произведений Маркса в русском переводе, в частности «Учредительного манифеста Международного товарищества рабочих» и его «Временного Устава» (в переводе Корвин-Круковской).

[1] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 168—170.
[2] См.: *Маркс К.* Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих — членам Комитета Русской секции в Женеве // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 427—428.
[3] Цит. по: Экономическая платформа Русской секции I Интернационала. М., 1959. С. 211.
[4] См. там же. С. 209.
[5] См. там же. С. 216.

Маркс высоко оценил стремление Русской секции, выраженное в послании к нему,— «направить русское революционное движение в общее русло движения европейского пролетариата» [1] и осудил нападки Бакунина и Нечаева на «Народное дело» — печатный орган, «защищавший программу и организацию Интернационала» [2]. На эту сторону деятельности Русской секции впоследствии обратил внимание Ленин, отметивший, что к 1869—1870 годам «относятся попытки русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» — Интернационал» [3]. Действительно, издания Секции нашли путь в Россию и распространялись в революционных кружках в самых различных частях страны.

Видная роль Русской секции Первого Интернационала в истории освободительного движения России определяется также и тем, что перед российскими революционерами она выдвигала в качестве серьезной альтернативы не бакунистскую идею крестьянского бунта, а перспективу организованной при помощи западноевропейского пролетариата всенародной социальной революции [4].

Деятельность Русской секции Интернационала была тесно связана с событиями первой пролетарской революции — Парижской коммуны. Героинями Коммуны стали три молодые русские женщины — Томановская, Бартенева и Корвин-Круковская (Жаклар). Посланная по предложению Маркса в восставший Париж как корреспондент Генерального совета Интернационала Томановская (в Париже она действовала под фамилией Дмитриева) сумела создать «Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым», а в дни последнего наступления версальцев командовала вместе с Луизой Мишель женским батальоном [5].

Героический подвиг Парижской коммуны вызвал волну революционных настроений и в самой России, оказал влияние на формирование политического сознания наиболее передовых рабочих. Так, например, участники первых российских пролетарских организаций, изучая историю возникновения и гибели Парижской коммуны, верно восприняли идею революционной борьбы и возможность захвата власти рабочими [6]. Во многих городах распрост-

[1] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 182.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих // Соч. Т. 18. С. 395.
[3] См.: *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 287.
[4] См.: Экономическая платформа Русской секции I Интернационала. С. 149—151, 153—154.
[5] См.: *Книжник-Ветров И. С.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны: Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева. М., 1964.
[6] См.: *Итенберг Б. С.* Связи передовых рабочих России с революционным движением Запада (70-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 22.

ранялась изданная в Цюрихе на русском языке брошюра Маркса «Гражданская война во Франции». В октябре 1871 года группа студентов юридического факультета Петербургского университета обратилась к Марксу с просьбой привлечь их к деятельности Международного товарищества рабочих [1].

Успехи Интернационала внушали серьезную тревогу царским властям, опасавшимся проникновения в Россию социалистических идей. В марте 1872 года Комитет министров заявил, что каждый замешанный в деятельности Интернационала будет немедленно выдан любому государству по его просьбе. Еще ранее на все пограничные посты была направлена депеша с требованием задержать Маркса, если он попытается проникнуть в Россию [2]. Полицейские власти направили в Лондон нескольких агентов для слежки за членами Генерального совета, но все они вскоре были разоблачены [3].

Полемика вокруг «Капитала»

Исключительно важную роль в распространении идей марксизма в России сыграло издание в 1872 году на русском языке I тома «Капитала». В России этот труд, случайно пропущенный цензурой, сразу же привлек внимание передовой интеллигенции, стал значительным событием духовной жизни. В письме к Марксу от 25 октября (6 ноября) 1880 года Исполнительный комитет «Народной воли» сообщал, что «Капитал» сделался «настольной книгой образованных людей» [4].

Дискуссия вокруг «Капитала» нашла широкое отражение в русской печати 70-х годов [5]. Особо необходимо отметить рецензию профессора Петербургского университета И. И. Кауфмана, который сумел сжато изложить суть диалектико-материалистического метода «Капитала». Маркс в послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» с одобрением цитировал эту рецензию [6].

«Капитал» изучался во многих народнических кружках. Конспект нескольких разделов имелся у С. Л. Перовской. Многие народники-пропагандисты являлись знатоками этого произведения и объясняли его содержание наиболее подготовленным рабочим, среди которых были такие пролетарские вожаки, как Петр Алексеев и Степан Халтурин [7]. Ростовский рабочий Андрей Карпенко составил по «Капиталу» краткий конспект политической экономии для выпущенного в 1883 году пропагандистского журнала южных народовольцев «Рабочий» [8].

[1] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 217.
[2] См.: *Лехтблау Л.* Полицейские донесения о Марксе // Историк-марксист. 1940. № 12. С. 76—77.
[3] См.: *Волк С. С.* Карл Маркс и русские общественные деятели. С. 107—109.
[4] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 427.
[5] См.: *Реуэль А. Л.* Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956. С. 237—286.
[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 19—21.
[7] ЦГАОР. Ф. III отд., 3 эксп. Д. 536. Ч. I. 1880. Л. 319 об.
[8] См.: *Невский В.* По дороге к марксизму // Литературное наследство. 1932. № 2. С. 77.

Признание в печати, в пропагандистских кружках научных достоинств «Капитала» еще не означало принятия марксизма. В книге Маркса видели не столько научный труд о закономерностях и этапах развития капитализма, сколько гневное обличение западноевропейской буржуазии, своего рода тревожный сигнал, предупреждавший против пришествия в Россию власти капитала.

Полемика вокруг «Капитала» все же способствовала ознакомлению передовой интеллигенции с содержанием экономического учения Маркса. Нападки на «Капитал» со стороны реакционной прессы и некоторых либеральных публицистов вызвали отповедь со стороны профессора Киевского университета Н. И. Зибера, который с едким сарказмом высмеял научную несостоятельность критиков Маркса.

В статьях Зибера, в его книге «Давид Рикардо и Карл Маркс...» объективно излагалось, а местами и воспроизводилось текстуально, содержание I тома «Капитала» — теория стоимости и прибавочной стоимости, учение о концентрации производства, о рабочем дне и заработной плате и др. [1] Защищал Зибер от нападок буржуазных критиков и диалектический метод «Капитала». В этом отношении большое значение имела рецензия Зибера на книгу Энгельса «Анти-Дюринг», а также его статья «Диалектика в ее приложении к науке». Благодаря этим работам, опубликованным в 1879 году и содержащим обширные фрагменты из книги Энгельса, русские читатели получили возможность познакомиться с важнейшими положениями марксистской диалектики [2].

В своих работах Зибер объяснял взаимосвязь социализма и материализма, обращал внимание на противоположность мировоззрения и метода Маркса и Гегеля. Признавая капитализм необходимой подготовительной ступенью к новому обществу, Зибер одновременно отмечал беспочвенность народнической веры в общину, в самобытность экономического строя России. Неудивительно, что в своей идейной борьбе с народничеством первые русские марксисты нередко использовали его публикации.

Зибер в общем правильно излагал основные положения экономического и философского учения Маркса, который ценил этого русского экономиста как последователя его теории стоимости и капитала [3]. По некоторым конкретным вопросам экономической теории на Зибера ссылался в работах 90-х годов Ленин [4].

В 70-х годах XIX века, когда на первый план выдвинулся вопрос о судьбах капитализма в России, имена основоположников

[1] См.: *Зибер Н. И.* Избр. эконом. произведения: В 2 т. М., 1959. Т. 1.
[2] См.: *Володин А. И.* «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и общественная мысль России XIX века. (Историко-философские очерки). М., 1978. С. 136—164.
[3] См.: *Маркс К.* Послесловие ко второму изданию «Капитала» 1873 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 19.
[4] См.: *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 222; К характеристике экономического романтизма // Там же. Т. 2. С. 156, 168, 179, 181.

марксизма приобрели большую известность в революционных и научных кругах.

Довольно широкое знакомство российской интеллигенции с произведениями творцов научного коммунизма — своеобразный исторический феномен. В то время как в промышленно развитых странах Запада буржуазия пыталась замалчивать имена Маркса и Энгельса, в сравнительно отсталой России в печати довольно свободно велась дискуссия вокруг «Капитала», в журналах излагалось содержание «Анти-Дюринга». Еще в большей степени были популярны в революционных народнических кружках экономические идеи «Капитала». Объяснялось это прежде всего неуклонным процессом развития российского капитализма, ростом пролетариата и его стихийного движения, чего не могла объяснить народническая доктрина крестьянского социализма. Несомненным стимулом интереса к марксистской литературе для русских революционеров явилось и упрочение марксизма в зарубежном рабочем движении.

Однако при отсутствии в России 60—70-х годов самостоятельного политического движения рабочего класса, пролетарских организаций социалистического направления представители прогрессивных течений общественной мысли еще не могли увидеть в учении Маркса качественно новой ступени в развитии философии и политической экономии, не могли осознать революции, происшедшей в общественной науке, а тем более воспринять марксизм как идеологию пролетариата. И все же интерес в России к «Капиталу» и другим произведениям основоположников марксизма, особенно в среде разночинно-демократической интеллигенции и в кругах оппозиционно-либеральной профессуры,— неотъемлемая и своеобразная черта русской общественной мысли того времени, отмеченная, кстати, и самим Марксом [1].

Уже в 70-е годы проявились весьма несходные мотивы обращения русских общественных деятелей к учению Маркса, своеобразные его интерпретации. Отражение марксизма в русской общественной мысли приобрело различные социально-классовые оттенки. Так, представители нарождающегося буржуазного либерализма, русские сторонники катедер-социализма, в отличие от западноевропейских, не только не замалчивали экономическую теорию Маркса, но даже использовали ее положения о закономерности победы капиталистического способа производства в целях обоснования экономических привилегий и политических притязаний российской буржуазии. Революционная народническая интеллигенция воспринимала главным образом критическую сторону «Капитала», декларировала иногда свое согласие с материалистическим пониманием истории, но толковала его упрощенно, не допуская возможности применения марксизма к российской

[1] См.: Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 5 ноября 1880 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 380; Маркс — Лауре Лафарг, 14 декабря 1882 г. // Там же. Т. 35. С. 342.

действительности. Либеральные экономисты-народники, считавшие идеи «Капитала» «общепринятой теорией», также были не в силах отрешиться от романтического взгляда на самобытность российского хозяйственного развития. При этом, по наблюдению Ленина, они стремились прикрыть свой романтизм возможно более частыми ссылками на теорию Маркса [1].

Полемика по вопросу о судьбах русского экономического развития, начатая после появления I тома «Капитала», продолжалась десятилетия — вплоть до конца XIX века и выхода в свет книги Ленина «Развитие капитализма в России». Причем в целях обоснования той или другой схемы дальнейшего развития страны, участники этой полемики не раз ссылались на Маркса, подвергая в иных случаях его идеи неверному толкованию и искажению.

«Оригинальным явлением» общественной мысли России Ленин называл подобное использование народнической литературой марксистского учения. «...В России,— писал он,— теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистицировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!» [2]

В трудах представителей самых различных общественных направлений можно было встретить цитаты из «Капитала», ссылки на мнение Маркса. Показательны в этом смысле выступления в печати на рубеже 70—80-х годов либеральных народников типа В. П. Воронцова, который, хотя и ссылался на авторитет Маркса, тем не менее утверждал, что «в России нет почвы для развития капитализма» [3]. Ко всему прочему Воронцов выступил противником освободительного движения и ждал милостей для крестьянства от самодержавия. На эту позицию отошел и Н. Ф. Даниельсон, прежде объявивший себя учеником Маркса, а в 90-е годы возлагавший на правительство задачу спасения «народной промышленности» и общины. В письме к Даниельсону от 5 марта 1895 года Энгельс выразил несогласие с некоторыми выводами в его книге «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» [4]. Как следует из переписки третьих лиц, речь шла о несогласии именно с конечными выводами Даниельсона [5]. Однако Энгельс не успел написать задуманную им рецензию на эту книгу.

Вскоре после кончины Энгельса Даниельсон перед лицом небывалого промышленного подъема 90-х годов, неотвратимого шествия капитала, признал, что надо в первую очередь создать стройный и цельный труд о землевладении и распаде общины, труд, оживленный «органической теорией». Сознавая свою неподготовленность для выполнения этой обширной задачи, Даниельсон полагал, что «настало время взяться за теоретическую разработку экономических явлений трудом целой группы лиц, объединенных общей программой, составленной лицом или группой лиц, вполне компетентных в постановке теоретических вопросов» [6]. Но такая задача оказалась не по силам экономистам-народникам.

[1] См.: *Ленин В. И.* К характеристике экономического романтизма // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 246.

[2] *Ленин В. И.* По поводу юбилея // Там же. Т. 20. С. 162—163.

[3] См.: *В[оронцов] В. [П.]* Судьбы капитализма в России. Спб., 1882. С. 284, 294.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 349.

[5] А. Конов — Н. Ф. Даниельсону, 25 февраля 1895 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 4048.— В этом письме кратко излагается содержание не дошедшего до нас письма Энгельса с отзывом о книге Даниельсона.

[6] ЦПА ИМЛ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 4794.

4 Заказ 214

Исследование русского социально-экономического строя, процесса утверждения капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности с марксистских позиций выполнил Ленин в книге «Развитие капитализма в России», где обращают на себя внимание не только общность методологических принципов с рукописными материалами Маркса по России, но и совпадение многих источников, сходные приемы в методике их обработки. Преемственная связь с идеями основателей научного социализма, которая прослеживается уже в ранних трудах Ленина, не помешала ему сделать новые экономические и социально-политические выводы, которые на более широком статистическом материале значительно обогатили сделанный еще в середине 80-х годов плехановский анализ капиталистического развития страны как раз в канун первой российской революции, ставшей решающей проверкой применения марксизма к условиям России.

Марксизм и идеология народничества

Хорошо понимая, что время для вступления российского пролетариата на авансцену исторического процесса еще не настало, Маркс и Энгельс с живейшим интересом и горячим сочувствием наблюдали за борьбой революционных народников против самодержавия, всемерно поддерживали идею боевого союза западноевропейского рабочего класса с русской революционной демократией. Для них было очевидно, что революционный демократизм и пролетарская революционность не только существенно отличны друг от друга, но и связаны между собой многими общими чертами, преемственностью демократических идей, готовностью к решительной борьбе за свои идеалы.

Идеологию народничества Маркс и Энгельс рассматривали как закономерный этап развития демократической мысли в России, понимали, что в общинных иллюзиях отражаются реальные проблемы социально-экономического развития страны. В общине они видели не только наивную утопию, но и возможную, при условии победы демократической революции в России и пролетарской на Западе, точку опоры для дальнейшего развития страны по пути социализма. Если воспользоваться выражением Ленина, Маркс и Энгельс разглядели в народнической доктрине «здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно», стремление присоединить русское крестьянство к мировому социалистическому движению [1].

С живейшим интересом и сочувствием Маркс и Энгельс наблюдали не только за боевой деятельностью народников, но и за их поисками теоретического обоснования своей борьбы, за их программными документами, нелегальной печатью. Основоположникам научного социализма были понятны и близки утопическо-социалистические идеи аграрной демократии, коллективистские начала общинного строя, идеалы равенства и социальной справедливости.

[1] См.: *Ленин В. И.* Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 263.

Деятелей народнических организаций, начиная с участников Русской секции Интернационала, Маркс и Энгельс безусловно включали в общий фронт революционной борьбы на Западе, видели в них не только союзников, но и соратников, которые по своим дарованиям и характеру «принадлежат к лучшим людям нашей партии» [1]. Готовность к самоотверженной борьбе за свободу была важнейшим критерием для оценки деятельности народнических организаций, а создание «Народной воли» рассматривалось как несомненная победа для европейского социалистического движения. В письме к Зорге от 5 ноября 1880 года Маркс сообщал, что в России «наш успех еще значительнее. Мы имеем там... *центральный комитет террористов...*» [2]. Свободные от какой-либо предвзятости и узости взглядов, Маркс и Энгельс, знавшие об анархических тенденциях «чернопередельцев», не отказывались от деловых связей с ними, тотчас откликались на письма и просьбы Плеханова и Засулич, невольно способствуя тем самым переходу русских революционеров на позиции марксизма. Отмечая, что «среди молодого поколения русских мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и большой энергии» [3], Маркс и Энгельс, очевидно, допускали возможность, что некоторые русские революционеры со временем смогут перейти на идейные позиции пролетариата. Этот прогноз начал подтверждаться еще при жизни Маркса, когда группа «бывших чернопередельцев» во главе с Плехановым начала усваивать марксистское учение, вести пропаганду научного социализма.

Обширная переписка Маркса и Энгельса с русскими общественными деятелями содержит немало примеров взаимного обмена информацией, наблюдениями и мыслями, порою открытой, а иногда неявной полемики. Несомненно, что немаловажное значение для обеих сторон приобретали теоретические беседы при личном общении. В какой-то мере марксистские идеи оказали влияние на философско-исторические взгляды Бакунина и Ткачева, которые заявляли о своей приверженности историческому материализму, хотя в действительности понимали его в духе «экономического» материализма. Под влиянием трудов Маркса и Энгельса, личного общения с ними, другой видный идеолог революционного народничества, П. Л. Лавров, отказался от некоторых положений субъективистского характера (например, от переоценки роли «критических личностей»), содержавшихся в его «Исторических письмах» (1869). Лавров обратил внимание на роль масс, классов и классовой борьбы в истории, с большим интересом следил за рабочим движением на Западе, принимал участие в Парижской коммуне и

[1] См.: Энгельс — Иоганну Филиппу Беккеру, 14 июня 1872 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 411.

[2] См. там же. Т. 34. С. 380.

[3] *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература // Там же. Т. 18. С. 522.

деятельности Интернационала. И все же этот убежденный революционер и эрудированный ученый не сумел выработать цельное и последовательное мировоззрение, стремился соединить народничество с марксизмом, субъективно-социологические воззрения с материалистическим пониманием истории.

Мировоззрение революционного народничества в целом носило эклектический характер. Идейные традиции Герцена и Чернышевского своеобразно сочетались в нем с идеями зарубежных теоретиков мелкобуржуазного социализма, дополненными отдельными положениями экономической теории Маркса. Как сообщал Энгельсу в 1878 году Г. А. Лопатин, русские социалисты «ухитряются подчас соединять воедино вещи совершенно несовместимые и делают общую смесь... из Прудона, Маркса и Дюринга...» [1].

«Самоотверженные искания» русских революционеров в области чистой теории, которые были отмечены Энгельсом [2], несомненно относились к социалистически-утопической мысли революционных народников. Сравнительная отсталость России, малочисленность и неразвитость пролетариата мешали представителям передовой революционной мысли понять и усвоить марксизм. Энгельс объяснял Плеханову, что в России, где «одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же в интеллектуальном отношении окруженной более или менее эффективной китайской стеной, которая возведена деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей» [3].

В 90-х годах Энгельс подвел итоги народнического движения с его верой «в чудодейственную силу крестьянской общины», из недр которой должно было прийти социальное возрождение, верой, поднявшей воодушевление и энергию героических передовых борцов, «которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до... возможности капитуляции» [4]. «...Этих людей,— продолжал Энгельс,— мы не потянем к ответу за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но разделять их иллюзии мы вовсе не обязаны» [5].

Характерный для народников социологический субъективизм явился философской основой их мировоззрения и одновременно ведущим стимулом их революционной активности, принявшей в конце концов форму заговора и террора.

Несомненным симптомом начавшегося кризиса народнической идеологии было появление еще на рубеже 70—80-х годов в петербургских революционных кружках людей, которые стали именовать себя «русскими социал-демократами»

[1] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 346.

[2] См.: Энгельс — Евгении Эдуардовне Паприц, 26 июня 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 147.

[3] См.: Энгельс — Георгию Валентиновичу Плеханову, 26 февраля 1895 г. // Там же. Т. 39. С. 344.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 451.

[5] Там же.

и даже «марксистами» [1]. Руководители «Народной воли» через своих представителей установили в 1880 году связь с Марксом, направили ему послание с просьбой о поддержке, а также переслали отредактированную А. Желябовым «Программу рабочих, членов партии «Народная воля»» [2]. С начала 80-х годов появляются революционные кружки и издания, пытавшиеся соединить идеи народничества и научного социализма (журнал «Студенчество», сборник «Социалистическое знание»).

Своеобразной попыткой примирить традиции народовольчества со все более укреплявшимися в среде революционной интеллигенции идеями марксизма была программа, созданная в 1886 году А. И. Ульяновым. Участник нелегального кружка в Петербургском университете, он оценивал книгу либерального народника В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России» как ошибочную, противоречащую фактам действительности, сомневался в прочности крестьянской общины. А. Ульянов основательно изучил «Капитал», перевел для опубликования в нелегальном издании статью Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение».

Подготовленная А. Ульяновым программа кружка являлась попыткой объединения воззрений народовольцев и социал-демократов. В программе заявлялось, что по своим убеждениям члены группы считают себя социалистами. В этом документе развивалась также идея о неизбежности социализма как результата капиталистического развития и порождаемой им борьбы классов.

Придавая решающее значение в революционной борьбе рабочему классу, который должен «составить ядро социалистической партии», А. Ульянов считал, что у его группы нет существенных расхождений с социал-демократами [3]. Если марксистское влияние на теоретические положения программы бесспорно, то в выборе тактики террора А. Ульянов и его товарищи следовали заветам «Народной воли». Между тем осмысление уроков ее борьбы с самодержавием приводило революционную молодежь к мысли о том, что цареубийство 1 марта 1881 года оказалось пирровой победой, вызвало наступление политической реакции. Идейный разброд и организационный хаос заставляли революционеров по-новому взглянуть на свою деятельность.

Успешная революционная пропаганда на фабриках и заводах, начатая еще в начале 70-х годов и включавшая в себя ознакомление рабочих с опытом I Интернационала и Парижской коммуны, побуждала народническую интеллигенцию обратить внимание на российский пролетариат и его первые организации. Несомненное воздействие на пробуждение интереса русских революционеров к научному социализму оказало и образование в Западной Европе рабочих социалистических партий, открыто провозгласивших марксизм своим знаменем.

Именно в это время начался подлинный диалог русской демократической мысли с Марксом и Энгельсом. Фундаментальный труд Маркса — «Капитал» — в той или иной мере повлиял и на профессорскую кафедру и на журнальную публицистику, проник в рабочий кружок и в студенческую коммуну, стал настольной книгой многих революционеров. Для широких слоев демократической интеллигенции Маркс и Энгельс стали самыми крупными

[1] См.: Русские социал-демократы в 1879 году // Историко-революционный сборник. М., 1924. Т. 2. С. 412—415; *Русанов Н. С.* На родине, 1859—1882. М., 1931. С. 232, 236.

[2] В ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС в фонде Маркса сохранился этот экземпляр «Программы» с его пометками (см.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.; Л., 1965. Т. 2.).

[3] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; Л., 1927. С. 377, 379.

авторитетами в области общественных наук. Революционеры-народники, прогрессивные ученые-экономисты с уважением и доверием обращались к ним за советами и разъяснениями по ряду теоретических вопросов, в особенности касающихся развития экономики России. Характерно, что наряду с революционными народниками, как, например, Лавров и Лопатин, круг российских знакомых Маркса включал и его «научных» друзей [1], среди которых видное место занимали такие известные ученые, как социолог М. М. Ковалевский, историк Н. И. Кареев, экономисты Н. И. Зибер и Н. А. Каблуков.

С начала 80-х годов XIX века в русской общественной мысли начался поворот к марксизму. Наиболее способные к самокритическому анализу представители революционной интеллигенции, вследствие мучительного отказа от общинных иллюзий народничества и разочарования в избранных народниками способах борьбы, постепенно приходили к теории научного социализма, вставали на идейно-политические позиции рабочего класса. «Марксизм,— писал Ленин,— как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [2]. Эти искания облегчались тем обстоятельством, что революционная Россия, начиная с 40-х годов XIX века, обладала, по мнению Ленина, «таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» [3].

Суровый полицейский режим в России способствовал тому, что особое значение для теоретических поисков, для пропаганды опыта западноевропейского рабочего движения в то время приобрела вынужденная царизмом революционная эмиграция. «В ней, и только в ней,— писал Ленин,— ставились в годы безвременья и затишья важнейшие принципиальные вопросы всей русской демократии» [4]. Первой российской организацией марксистов стала созданная в 1883 году в Швейцарии группа «Освобождение труда».

3. ПЕРВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ МАРКСИСТОВ — ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА». ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КРУЖКОВ И ГРУПП В РОССИИ

Неуклонный рост численности пролетариата, подъем стачечного движения на рубеже 70—80-х годов XIX века, пробуждение интереса передовых рабочих и революционной демократической

[1] См.: Маркс — Николаю Францевичу Даниельсону, 19 сентября 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 323.

[2] *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 8.

[3] См. там же.

[4] *Ленин В. И.* Еще один поход на демократию // Там же. Т. 22. С. 89.

интеллигенции к произведениям основоположников научного социализма свидетельствовали о том, что в России подготавливается почва для восприятия революционным движением идей Маркса. Однако только к середине 90-х годов XIX века процесс распространения марксизма охватил крупнейшие промышленные центры, приобрел общероссийское значение.

Г. В. Плеханов — выдающийся русский марксист

Зачинателем пропаганды марксистской теории в России явился Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918).

Революционную деятельность он начал восемнадцатилетним студентом Горного института в Петербурге, когда в 1874—1875 годах сблизился с революционными народниками и принял активное участие в «хождении в народ». После смелой, обличающей царизм речи в декабре 1876 года, на первой в России политической демонстрации у Казанского собора в Петербурге, Плеханов перешел на нелегальное положение, стал профессиональным революционером. В 1879 году он возглавил народническую организацию «Черный передел» [1], возникшую после раскола «Земли и воли».

В идейном отношении Плеханов до начала 80-х годов находился под влиянием народнических воззрений Бакунина и Лаврова, однако к этому времени он уже изучил I том «Капитала», знал и о других произведениях Маркса и Энгельса. Принимая активное участие в рабочем движении Петербурга, Плеханов сблизился с видными рабочими-революционерами, среди которых были С. Халтурин и П. Моисеенко. Вместе с другими народниками он питал надежду на то, что участники фабричных кружков пойдут в деревню и помогут поднять крестьян на революционную борьбу.

В результате преследований царских властей, Плеханов с 1880 года находился в политической эмиграции в Швейцарии и Франции, где приступил к глубокому изучению недоступных ему ранее произведений Маркса и Энгельса, западноевропейской социально-политической и философской литературы. Одновременно Плеханов приобщался к опыту международного пролетарского движения, познакомился с первыми польскими и французскими марксистами, завязав дружбу с Людвиком Варыньским и Шимоном Дикштейном, Полем Лафаргом и Жюлем Гедом. Все более и более он проникался учением марксизма, ставшего к тому времени ведущим течением социалистической мысли, идеологией первых рабочих партий Западной Европы.

Решающий шаг в преодолении народнических иллюзий и переходе на позиции марксизма был сделан Плехановым в начале 1882 года, когда он приступил к работе над переводом «Манифеста Коммунистической партии» (издан в мае 1882 года под грифом «Русской социально-революционной библиотеки»). В небольшом вступлении к книге, носившем, однако, программный характер, Плеханов писал: «Вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» открывает новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий,

[1] Это название символизировало одно из основных требований новой организации — революционный пересмотр грабительской реформы 1861 года, отнявшей у крестьян значительную часть земли.

научного обоснования социализма» [1]. Далее Плеханов развивал положение о том, что будущее российского освободительного движения не в крестьянском бунте, не в успехах заговорщиков-интеллигентов, а в борьбе рабочего класса, в его объединении, в ясном осознании им своих интересов. При этом, в отличие от народнических теоретиков, объединявших понятием «рабочий класс» все слои трудящихся, Плеханов подчеркивал, что рабочий класс — это прежде всего «рабочие наших промышленных центров», которые начинают самостоятельно мыслить, стремиться к освобождению, создавать свои организации [2]. Свидетельством решительного отхода Плеханова от полуанархических воззрений «чернопередельцев» стало также признание необходимости политической борьбы для низвержения самодержавия.

Принципиальное значение имела высказанная Плехановым мысль о возможности применения марксистского учения к России. Проводя идею единства исторического процесса, он заявлял, что познание особенностей российского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западноевропейского общественного развития, для изучения которого незаменимым источником являются сочинения Маркса и Энгельса [3].

Работа над переводом «Манифеста Коммунистической партии» явилась переломным этапом в идейном развитии Плеханова. Он не только усвоил и признал основополагающими принципы марксизма, но и осознал возможность их приложения к российской действительности, стал активно пропагандировать учение Маркса среди российской революционной эмиграции. Именно в это время он перешел на позиции научного социализма, революционной социал-демократии.

В Предисловии к русскому изданию «Манифеста» Плеханов, по существу, выразил те идеи, которые в развернутой форме были изложены им в написанной полтора года спустя брошюре «Социализм и политическая борьба» — одном из первых изданий группы «Освобождение труда».

Начало деятельности группы «Освобождение труда»

Плеханов и его единомышленники не сразу решились полностью отказаться от народнических взглядов, порвать связи с руководителями народовольческой организации. Находившиеся под впечатлением ее героических подвигов в борьбе с царизмом, товарищи Плеханова какое-то время склонялись к объединению с «Народной волей» для совместных действий. Однако общую платформу для создания такой единой организации выработать не удалось.

Необходимо отметить, что в отличие от Плеханова, члены его

[1] *Плеханов Г. В.* Предисловие к первому русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» // Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1940. Сб. 8, ч. 1. С. 23.

[2] См. там же. С. 24.

[3] См. там же. С. 24—25.

кружка, или «бывшие чернопередельцы», как они называли себя с весны 1882 года, с некоторым отставанием следовали за ним по пути овладения теорией научного социализма. Плеханов раньше и решительнее, чем его товарищи, признал факт развития капитализма в России, разложение сельской общины, осознал роль рабочего класса как основной движущей силы в предстоящей революции. Однако знакомство с рабочим и социал-демократическим движением на Западе, изучение произведений Маркса и Энгельса, влияние и вдохновляющий пример Плеханова помогли его товарищам по-новому оценить опыт русского освободительного движения, стать на позиции марксизма.

Идейное сплочение женевской группы эмигрантов завершилось созданием 25 сентября 1883 года первой организации российских марксистов — группы «Освобождение труда», в которую, помимо Плеханова, вошли В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов.

В объявлении об издании «Библиотеки современного социализма» — своем первом программном документе — группа «Освобождение труда» извещала о том, что ее деятельность направлена на решение двух взаимосвязанных идейно-политических задач:

— распространение идей научного социализма путем перевода произведений Маркса и Энгельса;

— критика народнических идей и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России [1].

Важнейшее значение для пропаганды марксизма в России в 80—90-х годах XIX века имела деятельность группы «Освобождение труда» по переводу и распространению трудов Маркса и Энгельса. Перевод произведений основоположников научного социализма и их соратников осложнялся в то время тем, что марксистская терминология на русском языке еще только складывалась, и первые русские марксисты нередко выступали новаторами в ее разработке. Для тогдашнего русского читателя — рабочего и даже интеллигента — необходимы были также поясняющие текст введения и примечания. Кроме того, члены группы «Освобождение труда» считали необходимым сопровождать публикуемые переводы приложениями в виде других работ Маркса и Энгельса, дополнявших и разъяснявших основное произведение.

Первой книгой основоположников научного социализма, выпущенной в серии «Библиотека современного социализма» в январе 1884 года, был труд Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». В качестве приложения были напечатаны три главы из книги Энгельса «Анти-Дюринг» — «Теория насилия». Перевод текстов с немецкого оригинала был осуществлен В. И. Засулич.

В 1886 году также в переводе Засулич вышла книга Маркса «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (1847), снабженная

[1] См.: Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда» (1883—1903): Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984. С. 33.

приложениями — отрывком из работы Маркса «К критике политической экономии» и отрывком из его речи в Кёльне на процессе против Рейнского окружного комитета демократов в феврале 1849 года. В своем вводном замечании к последнему отрывку Засулич протестовала против выдумок бакунистов и некоторых зараженных катедер-социализмом профессоров о том, что Маркс был сторонником лишь мирного прогресса, только «законных способов действия» [1].

Тексту «Нищеты философии» были также предпосланы Предисловие Энгельса к ее первому немецкому изданию (1884), содержавшее критику воззрений Родбертуса, и письмо Маркса редактору газеты «Der Social-Demokrat» И. Б. Швейцеру от 24 января 1865 года, которое Энгельс рекомендовал поместить в качестве предисловия к русскому переводу труда Маркса, так как там давалась оценка философских взглядов Прудона [2].

Засулич перевела также две статьи Энгельса: «Внешняя политика русского царизма», написанную им специально для журнала группы «Освобождение труда» — «Социал-демократ» (1890. № 1, 2), и «О социальном вопросе в России» (1875) с Послесловием (1894) автора к последней работе (издана в 1894 году в «Библиотеке современного социализма», сер. 2, вып. 2).

Плеханову принадлежал перевод одного из главных теоретических произведений научного социализма — «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельса, выпущенный в «Библиотеке современного социализма» в 1892 году. В приложении к книге были помещены «Тезисы о Фейербахе» и отрывок из «Святого семейства» о французском материализме XVIII века. В обширных примечаниях Плеханов прослеживал развитие философских взглядов русских революционных демократов, подвергая критике мировоззрение либеральных народников.

Всего же с 1882 по 1900 год группой «Освобождение труда» было переведено и издано полностью или в виде значительных отрывков 30 произведений Маркса и Энгельса.

Переводы сочинений основоположников марксизма, а также другие издания группы «Освобождение труда», выпущенные за границей, нелегально ввозились в Россию, проникали в рабочие кружки, в среду передовой части интеллигенции, студенчества, способствуя тем самым теоретической подготовке первых российских социал-демократов. В течение ряда десятилетий переводы произведений Маркса и Энгельса, осуществленные группой «Освобождение труда», были одними из лучших. Так, упоминая в статье «Карл Маркс» о разных изданиях «Манифеста Коммунистической партии», Ленин рекомендовал перевод, осуществленный Плехановым; он, в частности, отмечал: «...полный и наиболее точный перевод этого, а равно и других произведений Маркса см. в заграничных изданиях большей частью группы «Освобождение труда»» [3].

«Profession de foi русского социал-демократизма»

Значительную роль в распространении марксистского учения в России сыграла публикация собственных произведений членов группы «Освобождение труда», посвященных критике народничества, изложению основ научного социализма, обоснованию применимости марксизма к российским условиям.

[1] См.: Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда» (1883—1903). С. 41.
[2] См.: Энгельс — Вере Ивановне Засулич, 6 марта 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 104.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 83.

Плеханов и его единомышленники стремились своими работами сделать более доступным учение Маркса для русских революционеров из рабочего класса и из среды интеллигенции, вставшей на точку зрения этого класса, и тем самым создать условия для образования партии российского пролетариата.

Российские последователи Маркса и Энгельса, критикуя ошибочность народнических взглядов на задачи революционной борьбы, искали другие пути для подготовки революции в России. В этих целях Плеханов обратился к анализу особенностей развития капитализма в России пореформенной эпохи, которые состояли прежде всего в том, что в стране еще сохранялись значительные пережитки феодально-крепостнических отношений, социальный и политический гнет самодержавно-помещичьего государства, а в духовной жизни общества были сильны реакционно-монархические, религиозные, консервативные идеологические течения.

Вместе с тем Плеханов и члены его группы не упускали из виду необходимости философско-теоретического обоснования общих задач революционной борьбы и интернационального единства национальных отрядов международного рабочего класса, выступающих против капитализма и реакции (в частности, против российского царизма, являвшегося одним из «злейших жандармов Европы»).

«Библиотеку современного социализма» открывала брошюра «Социализм и политическая борьба» (1883). В этом произведении Плеханов выступил против народников как теоретик, не только усвоивший, но и применяющий марксистское учение в единстве его составных частей.

Важнейшее место в брошюре занимала критика бланкистского понимания политической борьбы. Плеханов очень решительно отмежевался от народовольческих планов заговорщического захвата власти группой революционеров-разночинцев, устанавливающих опеку над пролетариатом. Только сам пролетариат, понявший условия своего освобождения и созревший для него, может взять государственную власть в свои руки. Плеханов подчеркивал, что диктатура рабочего класса имеет своей целью не только разрушение политического господства эксплуататорских классов, не только предотвращение ударов реакции, но и обеспечение сознательного участия производителей в организации производства, в управлении всеми функциями социально-экономической жизни, в обсуждении и решении общественных дел [1].

Вслед за Энгельсом, Плеханов показал несостоятельность утверждений народнического теоретика, проповедника российского бланкизма Ткачева о том, что слабость русской буржуазии облегчит революционный переворот, который сразу приведет страну к социализму. Плеханов исходил в то время из предположения,

[1] См.: *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956—1958. Т. 1. С. 101—102.

что России предстоит первоначально антифеодальная революция крестьянского типа, и лишь дальнейшее развитие производительных сил, рост политической зрелости пролетариата создадут предпосылки для социалистической революции. Если общественные условия производства не созрели для социалистической организации, их не создать никакими декретами, добавлял он [1].

Хотя брошюра была посвящена главным образом политическим задачам освободительного движения, эти задачи увязывались и с проблемами экономического развития России. При этом, в характеристике Плехановым российской экономики, в его критике народнических утопий действенно сочетались научный социализм, политическая экономия, диалектический и исторический материализм. Плеханов показал, что утверждения народников о неприменимости теории научного социализма к России основаны на неправильном понимании выводов из «Капитала» Маркса и неверном истолковании фактов социально-экономического развития страны.

В брошюре разъяснялось значение марксизма как «величайшей и самой революционной общественной теории XIX века», а также подчеркивалась необходимость дальнейшего развития марксистской теории, поскольку «без революционной теории нет революционного движения, в истинном смысле этого слова» [2]. Вслед за установлением основных положений нового учения, утверждал Плеханов, должна последовать детальная разработка относящихся к нему вопросов [3]. Эффективную защиту и пропаганду марксизма в этой брошюре высоко оценил впоследствии Ленин, назвав ее первым «profession de foi русского социал-демократизма» [4], то есть выражением его целей и принципов.

Плеханов о судьбах капитализма в России и о характере предстоящей революции

В 1885 году группа «Освобождение труда» выпустила в свет книгу Плеханова «Наши разногласия» — первый крупный труд русской марксистской литературы. В этом произведении Плеханов стремился развернуто ответить на наиболее острые для российских революционеров вопросы — о направленности экономического развития России и изменении ее классовой структуры, об идейно-исторических корнях народничества и его теорий, о социально-политическом характере предстоящей революции и о насущных задачах социалистов.

Главным вопросом русской общественной мысли в начале 80-х годов стал вопрос о судьбах капитализма в России. Уже во введении к своей книге Плеханов отверг абстрактно-моралистическую постановку вопроса народниками: «должна» или «не должна» Россия пройти через «школу» капитализма? Плеханов показал, что отрицание исторической неизбежности капитализма в России обусловлено субъективистской методологией народнических идеологов, в силу которой они не могут отличить необходимого от желаемого и выступают в роли метафизиков, не имеющих «ни малейшего понятия о диалектике общественного развития» [1].

[1] См.: *Плеханов Г. В.* Социализм и политическая борьба // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 103.
[2] См. там же. Т. 1. С. 95.
[3] См. там же. С. 69—70.
[4] См.: *Ленин В. И.* По поводу «Profession de foi» // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 311.

Впоследствии, в 1894 году, Ленин поддержал критику Плехановым народнической постановки вопроса о судьбах капитализма в России. Плеханов, писал тогда Ленин, на вопрос: «должна ли Россия пройти через капиталистическую фазу развития?» — отвечал так, «как только и мог отвечать марксист: Он оставил совершенно в стороне вопрос о долженствовании, как праздный и могущий интересовать лишь субъективистов, и все время говорил лишь о действительных общественно-экономических отношениях, о действительной их эволюции. Поэтому не дал он и прямого ответа на такой неправильно поставленный вопрос, а ответил вместо того так: «Россия *вступила* на капиталистический путь»» [2].

С помощью статистики, критически им использованной, Плеханов опроверг народнический миф о «народном производстве», показав, что в русской деревне идет процесс превращения натурального хозяйства в товарное путем образования домашней системы крупного ткацкого производства и что начинается уже переход от домашней мануфактуры к фабрике [3]. Как следствие развития товарного производства и денежных отношений рушились старые устои крестьянской общины, появились кулаки и обездоленные батраки, вынужденные наниматься к сельским богатеям или уходить на фабрики. И если народники, не отрицая отдельных случаев разложения общины, ссылались только на внешние неблагоприятные для нее условия (тяжелый налоговый гнет и тому подобное), то Плеханов выявлял внутренние причины ее распада, создававшие основу для нарождения в деревне частной земельной собственности [4]. Соответственным этим фактам был его вывод о будущем общины: «...по внутреннему характеру своей организации сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития... При переходе к этим последним, ей предстоит не *активная*, а *пассивная* роль; она не в состоянии *двинуть* Россию на путь коммунизма...» [5]

Для Плеханова к этому времени уже выявилась наивность народнической веры в социалистический характер сельской общины, в устойчивость мелкого землевладения. Система капиталистической конкуренции в производстве хлеба, доказывал он, подчинит

[1] См.: *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. Т. 1. С. 135—136.
[2] *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 197—198.
[3] См.: *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 234—242.
[4] См. там же. С. 268—285.
[5] Там же. С. 347.

мелких землевладельцев неумолимым законам товарного производства, а эти законы неизбежно создадут капиталиста-предпринимателя и пролетария-работника, расколют крестьянство на два враждебных лагеря — эксплуатирующего меньшинства и трудящегося большинства [1].

Злободневное звучание для критики народничества имел и анализ идейных истоков его экономических и социальных доктрин. Плеханов с иронией отмечал, что в одном из ведущих течений народничества — бакунизме — смешались утопические теории Запада с «русскими крестьянскими «идеалами», народного банка Прудона — с сельской общиной, Фурье — со Стенькой Разиным» [2].

В своей критике экономических взглядов народничества Плеханов не избежал некоторых неточностей и ошибок. Он, например, считал «неопровержимым» лассальянский «железный закон заработной платы» [3], недостаточное внимание уделял остаткам феодально-крепостнических отношений в деревне. Но в главных выводах о всеобщих закономерностях социально-экономического развития России Плеханов прочно стоял на позициях марксизма.

Одну из основных задач своих первых произведений Плеханов видел в разрушении народнических иллюзий о возможности немедленной социалистической революции. Выяснение реальных тенденций экономического и социального развития страны позволило ему с позиций научного социализма осветить перспективы освободительного движения, по-новому определить цели и задачи российских революционеров. Красной нитью через всю книгу проходит идея о необходимости скорейшего создания рабочей партии, опирающейся на марксистскую программу.

В 90-х годах Плеханов окончательно расстался со своим предположением о возможности значительно сократить стадию капитализма в России (тезис, на котором он настаивал в своих первых марксистских работах) [4]. Вслед за Чернышевским Плеханов пришел к пониманию того, что искусственно сокращенный процесс развития не всегда приносит такие же результаты, как процесс более продолжительный и естественный. Он все более утверждался в мысли о необходимости для России пройти нормальное «европейское развитие», предвидел трудности и опасности создания социализма в отсталой стране, не имеющей демократических традиций. «Нет ли основания думать,— задавался вопросом Плеханов в работе о Чернышевском,— что более или менее продолжительный процесс капиталистического развития создает такие политические, умственные и нравственные качества трудящегося класса, каких мы вовсе не найдем в народе, не покидавшем в течение всей своей истории допотопных «устоев» своего быта?» [1]

Разработка программных положений российской социал-демократии

В первые же месяцы существования группы «Освобождение труда» Плеханов подготовил для нее проект программы. После его доработки в 1885 году был создан новый вариант, предназначенный уже для российского социал-демократического движения,— «Проект программы русских социал-демократов». В этом документе в основном с марксистских позиций рассматривались цели и задачи революционного движения. Отмечая, что в России трудящиеся массы находятся под двойным гнетом — развивающегося капитализма и отживающего крепостничества,— Плеханов от имени русских социал-демократов провозглашал конечную цель борьбы пролетариата — полное освобождение труда от гнета капитала. Вместе с тем, учитывая, что царский деспотизм является серьезным препятствием на пути к этой цели, в качестве первой политической задачи революционной партии он выдвигал задачу низвержения абсолютизма и завоевания демократической конституции.

Важнейший пункт проекта программы гласил: «...русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии» [2]. Социал-демократы должны направить свою агитацию прежде всего на промышленных рабочих, а затем увлечь за собой беднейшую часть крестьянства [3]. Коренные интересы крестьянства обеспечивались требованием радикального пересмотра аграрных отношений (пересмотра условий выкупа земли и наделения ею крестьянских общин). Таким образом, в программном проекте в зародыше содержалась мысль о союзе рабочего класса и беднейшего крестьянства в социалистической революции.

Возможность осуществления конечных целей социал-демократии Плеханов, вслед за основоположниками научного социализма, связывал с завоеванием пролетариатом политической власти во всех или, по крайней мере, в нескольких наиболее развитых (цивилизованных) странах.

Программный проект Плеханова не был, однако, свободен от ошибок и непоследовательности, нечетких теоретических положений. Отчасти это может быть объяснено недостаточной тогда развитостью общественных отношений (что касается, прежде всего, оценки революционных потенций крестьянства). В других случаях сказывалось некритическое отношение к опыту социал-демократии Запада, в частности к Готской программе. Наконец, нельзя не учитывать и известного влияния народнических идей. Характерно, что

---

[1] См.: *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 288.
[2] См. там же. С. 336.
[3] См.: *Плеханов Г. В.* Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность // Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб. 1. С. 54, 55.
[4] См., например: *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 352—353.

---

[1] *Плеханов Г. В.* Н. Г. Чернышевский // Избр. филос. произв. Т. 4. С. 140 (примеч.).
[2] *Плеханов Г. В.* Проект программы русских социал-демократов // Там же. Т. 1. С. 379.
[3] См. там же. С. 379, 380—381.

эти ошибки проекта программы 1885 года Ленин считал для того времени естественными [1].

Говоря о недостатках программных проектов группы «Освобождение труда», следует принимать во внимание условия их возникновения. В России сторонники марксизма насчитывались в то время единицами. Первые русские марксисты обращались с призывом встать под знамена социал-демократии главным образом к революционерам-народникам. Для успешности такого обращения требовались определенные тактические уступки народникам, о чем впоследствии вспоминал сам Плеханов: «Когда мы обращались к ним в своих писаниях, мы, в интересах пропаганды своих идей, становились иногда на их собственную точку зрения...» [2] Полагая невозможным, писал Плеханов в 1902 году в «Заре», «не считаться с народническими симпатиями,— скажем откровеннее: предрассудками,— тогдашних русских революционеров» [3], в программу включили требование государственной помощи производительным товариществам — весьма одобряемое народниками известное лассальянское требование «Готской программы». Условное же допущение Плехановым террора как средства политической борьбы объяснялось стремлением занять компромиссную позицию в полемике с народнической интеллигенцией, в середине 80-х годов находившейся еще под обаянием героических акций «Народной воли». Необходимо отметить, что уже в книге «Наши разногласия» Плеханов в сдержанном тоне (что объяснялось тогдашним настроением значительной части демократической интеллигенции), но вполне определенно выяснил несостоятельность террористической тактики «Народной воли». Она, по словам Плеханова, не способствовала расширению освободительного движения, сводила его к «героическим действиям небольших партизанских кучек» [4].

В «Проекте программы русских социал-демократов» (1885) впервые в концентрированном виде были сформулированы идеи научного социализма в применении к особенностям российского рабочего движения. Высказав в 1899 году ряд критических замечаний по поводу плехановского проекта, Ленин полагал, что этот проект может быть положен в основу программы российской социал-демократии [5]. Позднее, в период первой российской революции, Ленин положительно оценил аграрную часть программы Плеханова, считая верными ее принципы [6] и отмечая, что

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 222, 226.

[2] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 19. С. 242.

[3] См. там же. Т. 12. С. 214.

[4] См.: *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. Т. 1. С. 364.

[5] См.: *Ленин В. И.* Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 216, 217.

[6] См.: *Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов // Там же. Т. 16. С. 232.

первые русские социал-демократы «сразу дали именно ту теоретическую постановку аграрного вопроса в России, на которой они неуклонно стоят и посейчас» [1].

Защита и пропаганда Плехановым марксистских идей

В своих работах 80-х годов Плеханов с марксистских позиций освещал коренные проблемы исторического процесса, подвергал развернутой критике субъективно-идеалистические взгляды идеологов народничества. Уже в брошюре «Социализм и политическая борьба», отметив, что научный социализм изгоняет идеализм из его последнего убежища — социологии, Плеханов разъяснял, что «научный социализм предполагает «материалистическое понимание истории», т. е. он объясняет духовную историю человечества развитием его общественных отношений...» [2] Достаточно четко излагал Плеханов учение Маркса об общественно-экономических формациях, их структуре: экономическом базисе как реальной основе общества, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют известные формы общественного сознания.

Плеханов в своей брошюре защищал марксистские представления о диалектическом характере общественного развития. «История есть величайший диалектик» [3], заявлял он, отмечая, что «часто в историческом процессе следствие становится причиной, а причина оказывается следствием» [4]. Вопреки теоретикам народничества, отрицавшим применимость теории научного социализма к России, Плеханов утверждал: «Общие философско-исторические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности» [5]. Отвергая народнические обвинения марксизма в фатализме, Плеханов объяснял, что в истории действуют как объективные, так и субъективные факторы, но роль последних он иногда недооценивал.

В стремлении разъяснить полную несостоятельность народнического субъективизма Плеханов порою излишне абсолютизировал закономерный и необходимый характер исторического процесса, утверждая, что законы истории действуют «с неотразимою силой и слепою жестокостью законов природы» [6]. В условиях полемики с народниками это преувеличение было объяснимо, но оно отнюдь не свидетельствовало о фаталистическом понимании Плехановым законов общественного развития.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Пересмотр аграрной программы рабочей партии // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 242.

[2] *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. Т. 1. С. 70.

[3] Там же. С. 77.

[4] Там же. С. 77—78.

[5] Там же. С. 72.

[6] См.: *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // Там же. Т. 1. С. 289.

В книге «Наши разногласия» Плеханов в остром противоборстве со сторонниками Ткачева и народовольцев, которые непомерно преувеличивали революционную миссию интеллигенции и проповедовали заговорщические способы борьбы, развивал марксистские взгляды на роль передовых идей, классов и личности в истории.

Уже в первых своих произведениях Плеханов придавал большое значение общественному сознанию, особенно революционным идеям в науке и общественной мысли, рассматривал развитие познавательной и преобразующей деятельности людей, активность человеческого мышления, связанного с практикой, как важный источник социального и научного прогресса. Он доказывал, что передовые философские и социально-политические идеи, утверждающие необходимость качественных, революционных преобразований, могут превратиться в действительность, если овладеют сознанием масс и прежде всего самого передового класса современности — пролетариата. «Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства,— писал Плеханов,— революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире» [1].

Оригинальные взгляды развивались Плехановым и в отношении экономики будущего общества. Он подходил к мысли о том, что социализм не имеет специфически присущего ему экономического механизма, выразил сомнение в возможности прямого продуктообмена, к чему склонялись тогда марксисты. Он видел «огромную долю наивности» в толках об организации обмена без денег. Эту идею он развенчивал, указывая не только на ее источник — Прудона, но и на несостоятельность ее в практической жизни. Безденежный обмен поведет, полагал он, если не к натуральному хозяйству, то к весьма замедленному развитию экономики. По его мнению, на практике этот принцип полностью реализовать не удастся, ибо рядом со «справедливым» социалистическим обменом продуктов будет неизбежно возникать, дополняя его, старый, так сказать «языческий», обмен на деньги. Плеханов предсказывал, что подобное «уродливое денежно-безденежное хозяйство» посадит на мель все социалистические планы [2].

В какой-то мере предсказание Плеханова относительно наивных иллюзий якобы последовательно социалистического прямого обмена реализовалось в практике военного коммунизма. Оказалось

[1] *Плеханов Г. В.* Социализм и политическая борьба // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 95.
[2] См.: *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // Там же. С. 341.

верным и предвидение замедленного развития хозяйства, основанного на безденежной форме обмена, а также предсказание неэффективности сочетания денежной и безденежной форм обмена.

Для теоретического воспитания первого поколения российских марксистов немалое значение имели историко-философские произведения Плеханова «Карл Маркс о французском материализме XVIII века» (1885), «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» (1891) и фундаментальный труд о Чернышевском (1890—1892). В этих работах Плеханов стремился подчеркнуть преемственную связь русской марксистской мысли с наиболее плодотворными идеями мировой философии, с материалистическими традициями революционных демократов в России.

Ценные достижения философского наследия в России Плеханов рассматривал как источник научного мировоззрения, духовный стимул борьбы. В своих работах он ясно показал, что без знания истории философии невозможен критический подход к развитию теоретической мысли и, следовательно, нельзя понять роль революционного переворота в общественной науке, совершенного марксизмом.

Идейно-теоретическая деятельность В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода

Весомый вклад в дело пропаганды и защиты марксистской теории в России принадлежал соратникам Плеханова по группе «Освобождение труда» — В. И. Засулич (1849—1919) и П. Б. Аксельроду (1850—1928).

Первой теоретической работой, свидетельствовавшей о переходе Засулич на позиции марксизма, стало написанное ею предисловие «От переводчицы» для русского издания труда Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (Женева, 1884).

В отличие от народнических и буржуазно-либеральных авторов, воспринимавших с оговорками лишь экономическое учение Маркса, Засулич призывала революционную интеллигенцию к полному, всестороннему изучению экономических, исторических и философских воззрений научного социализма, что могло бы помочь ей найти прочную сферу деятельности в российском революционном движении [1]. Исходя из такого понимания марксистской теории, Засулич давала объективный анализ социально-экономического развития России и классовой структуры общества. Выдвигая на авансцену политической борьбы «сознательный и сильный рабочий класс», Засулич одновременно ставила вопрос о необходимости систематической пропаганды идей научного социализма среди русского пролетариата [2].

В 1886—1887 годах Засулич работала над созданием «Очерка истории Международного общества рабочих» — крупного научного труда, посвященного истории I Интернационала. Обращение Засулич к деятельности первой международной пролетарской организации, созданной и руководимой Марксом и Энгельсом, к историческому опыту борьбы основоположников марксизма с анархистскими, прудонистскими, бланкистскими теориями и раскольнической деятельностью Бакунина в Интернационале имело немаловажное значение в условиях все более обостряющегося противоборства русских марксистов с мелкобуржуазными идеологами народничества.

[1] См.: Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда» (1883—1903). С. 37.
[2] См. там же. С. 40—41.

«Очерк» Засулич охватывал почти всю историю I Интернационала (с 1864 по 1873 год), однако опубликовать его полностью тогда не удалось; в 1879 году отдельной брошюрой было издано только девять глав [1]. Как главное завоевание Интернационала Засулич выделяла идею пролетарской международной солидарности, направленную на объединение усилий рабочих разных стран в их борьбе за свои классовые интересы. «Интернационал,— отмечала она,— дал почувствовать рабочему классу... ту коллективную силу, которую придавало ему объединение» [2].

Уже в первых своих выступлениях на страницах нелегальных изданий группы «Освобождение труда» Засулич показала себя не только убежденным пропагандистом марксистских идей, но и серьезным исследователем проблем общественного развития России и стран Западной Европы.

Большой интерес представляют статьи Засулич, написанные на рубеже 80—90-х годов, среди которых выделяется работа, опубликованная в журнале «Социал-демократ» (1890, № 1), под названием «Революционеры из буржуазной среды». Впервые в русской революционной литературе Засулич с позиций марксистской науки провела анализ характера, причин и движущих сил революционных событий во Франции конца XVIII — середины XIX века и в Германии XIX века. Подробно освещая расстановку классов в эпоху великих буржуазных революций, она показала, что революции в основном делали пролетарии и другие люди труда, а плодами их всегда пользовалась буржуазия.

Значительное место в работе посвящено истории революционного движения в России, и в частности истории народничества 60—80-х годов, причинам возникновения этого течения и его идейной эволюции. Раскрывая читателю этапы этой эволюции, Засулич сумела показать ошибочность и бесперспективность террористической тактики народников в деле борьбы с самодержавием. Она считала, что «террор и все вызванное им настроение были сильной бурей, но в закрытом пространстве», которая только исчерпывала и истощала силы революционеров [3].

Отмечая слабость и противоречивость теоретической программы народничества 70-х годов, Засулич, так же как и Плеханов, высоко оценивала его боевой демократизм, героическую и самоотверженную борьбу за интересы народа. В то же время в народническом движении 80-х годов она сумела разглядеть процесс его идейной эволюции «вправо», на позиции либерально-буржуазные, и не только вскрыла социальные корни этого явления, но, вслед за Плехановым, подвергла его всесторонней критике.

Проблемам социал-демократического движения, критике буржуазных экономических теорий посвящал свои работы П. Б. Аксельрод.

В статье «Социализм и мелкая буржуазия», написанной одновременно с брошюрой Плеханова «Социализм и политическая борьба», Аксельрод разъяснял русским революционерам, что именно пролетариат «представляет собою как бы социальный фокус революционных стремлений нашей эпохи, концентрирующихся в идее социалистического переворота» [4]. Особое значение он придавал борьбе рабочего класса России, который должен выступить «во главе трудящихся классов своей родины на поле *всемирной* борьбы труда против капитала» [5].

В статье «Политическая роль социальной демократии и последние выборы в германский рейхстаг» (1890) Аксельрод на примере политической ситуации в Германии выделял роль социал-демократии как ведущей силы в борьбе за политическое господство рабочего класса [6].

В работе «Учение Джорджа» (1883), опубликованной в легальной печати под псевдонимом, Аксельрод критиковал народническую теорию «устойчивости»

[1] Первую публикацию 10—17-й глав см. сборник: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973. С. 427—548. Главы 1—9 перепечатаны в кн.: *Засулич В. И.* Избранные произведения. М., 1983. С. 41—107.

[2] *Засулич В. И.* Избранные произведения. С. 107.

[3] См. там же. С. 144.

[4] См.: Вестник Народной воли. 1884. № 2. С. 213.

[5] См.: *Аксельрод П.* Рабочее движение и социальная демократия. Ч. 1. Господство капитала и борьба против него. Женева, 1885. С. 148.

[6] См.: Социал-демократ. Кн. 4. Женева, 1892. С. 44—45.

мелкого производства, отмечая неизбежность процесса разорения мелких производителей и возникновения наемного труда [1]. В этом вопросе Аксельрод оказался близок к оценкам учения Г. Джорджа, данным Энгельсом в статье «Рабочее движение в Америке» [2].

Историческое значение деятельности группы «Освобождение труда»

Большой интерес Маркса и Энгельса к историческим судьбам России и к ее революционному движению, активная поддержка ими русского издания «Манифеста Коммунистической партии» в переводе Плеханова способствовали установлению личных контактов, а затем дружественных связей первых русских марксистов с Энгельсом.

В марте 1884 года, отвечая на сообщение Засулич о переводе ею «Нищеты философии» на русский язык, Энгельс писал: «То, что Вы мне сообщаете о растущем интересе в России к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, по-видимому, в самом деле нашла себе убежище в России» [3].

Получая издания группы «Освобождение труда», Энгельс все более убеждался, что ее основатели — последовательные и верные марксисты. Именно поэтому в письме к Засулич, переславшей ему книгу Плеханова «Наши разногласия», Энгельс в апреле 1885 года заявил: «...я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше» [4].

Дружеские отношения с Энгельсом способствовали участию Плеханова и Засулич в международной рабочей печати, содействовали установлению тесных связей с социалистами Германии, Франции и балканских стран, особенно Болгарии [5].

Активная пропаганда марксизма группой «Освобождение труда» получила признание среди видных деятелей европейских социалистических партий. В 1889 году Плеханов по инициативе П. Лафарга принял участие в учредительном конгрессе II Интернационала в Париже. Это было знаменательное событие для рабочего движения России. Тем самым российские социал-демократы заявили о своей солидарности с международным рабочим классом. От имени русских социал-демократов Плеханов выступил на конгрессе с речью, которую закончил словами: «Революционное дви-

[1] См.: Дело. 1883. № 9. С. 57.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 345—353.

[3] Там же. Т. 36. С. 104.

[4] Там же. С. 260.

[5] Для пропаганды марксизма в Болгарии большое значение имели переводы на болгарский язык ряда произведений Маркса и Энгельса, изданные в Женеве группой «Освобождение труда».

жение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может» [1].

Члены группы «Освобождение труда» прилагали много усилий для распространения марксистской литературы в России. Были установлены связи с революционными кружками в Петербурге (группы Д. Благоева и М. И. Бруснева), в Москве («Общество переводчиков и издателей»), в Вильно и других крупных городах. Поскольку в условиях подполья, в обстановке постоянных полицейских преследований этим кружкам обычно не удавалось достичь теоретической зрелости и развернуть широкую литературно-издательскую деятельность, группе «Освобождение труда» выпала роль не только теоретического центра зарождавшейся русской социал-демократии, но и заграничной издательской базы, которая снабжала местные организации революционной литературой и прежде всего переводами произведений Маркса и Энгельса. Молодые революционеры воспитывались на этой литературе, пропагандировали марксистские идеи среди передовых рабочих и студенческой молодежи и тем самым способствовали распространению идей марксизма.

Критика утопических взглядов идеологов народничества, данная в сочинениях Плеханова и его соратников, не встретила, однако, понимания в большинстве народнических кружков; кое-где книгу «Наши разногласия» даже сжигали. Тем не менее реакция революционных народников на первые труды русских марксистов не была однозначной.

В России стали появляться кружки, где с одобрением воспринимали критику народовольчества, появившуюся в момент широкого разочарования результатами этого движения, с интересом знакомились с новыми для них положениями марксистской теории. Так, в 1884 году о «прекрасной цели» группы «Освобождение труда» по «разработке социалистических теорий школы Маркса и Энгельса» с сочувствием писал подпольный белорусский журнал «Гомон» [2]. Положительно откликнулся на брошюру «Социализм и политическая борьба» и «Московский общестуденческий союз» в своем обращении «К товарищам» (январь, 1884) [3] — самом раннем из дошедших до нас откликов на программное выступление Плеханова. Еще более одобрительная оценка влияния Плеханова на образ мыслей народнических групп содержалась в вышедшем в Казани сборнике «Социальный вопрос» (1888. № 1), где прямо заявлялось о том, что труды Плеханова сделали неизбежным превращение некоторых народников в социал-демократов [4].

От резкой критики и нападок в адрес «самозваных марксистов» некоторые деятели народнического движения шли к полупризнанию, а позднее и к полному признанию теоретических работ Плеханова. Именно такую эволюцию претерпели взгляды В. Курнатовского, М. Ольминского и многих других революционеров, ставших позднее видными большевиками.

Идейно-теоретической деятельности Плеханова и его товарищей посвящено немало работ советских и зарубежных обществоведов. В 20-е годы XX века дискуссии вокруг имени первого русского марксиста принимали достаточно острые формы. Только после XX съезда КПСС стало возможным объективное исследование теоретических взглядов Плеханова и членов его группы, что нашло отражение в обширной научной литературе [1]. Вместе с тем в некоторых работах, появившихся в 60—70-х годах на Западе, идейный облик Плеханова существенно искажался, поскольку он изображался типичным поборником буржуазной европеизации России, а его философские взгляды объявлялись примитивными [2].

В последние годы некоторые западные историки отходят от подобных ложных концепций. Это относится, например, к прогрессивным исследователям из ФРГ В. Гайерхосу и Т. Цимке, в книгах которых использован широкий круг источников, в том числе документальные материалы из советских архивов, современная советская научная литература [3]. Посвященные Плеханову и группе «Освобождение труда» исследования появились в Болгарии (А. Веков) [4], в ГДР (Д. Иена, Э. Мит) и в других социалистических странах.

Наметившиеся среди советских исследователей разногласия по отдельным, нередко существенным вопросам деятельности Плеханова получили отражение в журнальной полемике, участники которой старались опираться на ленинскую концепцию возникновения российской социал-демократии [5].

Историческую заслугу деятелей группы «Освобождение труда» Ленин видел в том, что они «восприняли теорию Маркса, выработали в приложении к России теорию рабочего социализма, теорию русских социал-демократов» [6]. Помогая российским революционерам овладеть теорией научного социализма, освободиться от народнических иллюзий, анархистских и бланкистских взглядов на методы и формы борьбы, группа «Освобождение труда» «сделала первый шаг навстречу рабочему движению» [7]. Литературные произведения группы «стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи» [8]. Труды группы «Освобождение труда», в особенности произведения Плеханова, сохраняют свое значение как составная часть наследия марксистской мысли и сегодня.

---

[1] Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8, ч. 1. С. 86.
[2] См.: Каторга и ссылка. 1933. № 10. С. 135.
[3] См.: Историко-революционный сборник. Л., 1924. Т. 2. С. 172—181.
[4] См.: Каторга и ссылка. 1933. № 10. С. 137.

---

[1] См., например: *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России. 1883—1894. М., 1959; *Иовчук М. Т.* Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М., 1960; *Чагин Б. А.* Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.; Л., 1963; *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975; Марксистская философия в XIX веке. Кн. 2. М., 1979; *Курбатова И. Н.* Начало распространения марксизма в России. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». М., 1983; Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903. Л., 1985 и ряд других работ.

[2] См., например: *Baron S. H.* Plekhanov — The Father of Russian Marxism. Stanford, 1963; *Kolakowski L.* Die Hauptströmungen des Marxismus: Entstehung — Entwicklung — Zerfall. München; Zürich, 1977—1979. Bd. 2.

[3] *Geierhos W.* Vera Zasulič und die russische revolutionäre Bewegung. München, 1977; *Ziemke Th.* Marxismus und Narodničestwo. Entstehung und Wirken der Gruppe «Befreiung der Arbeit». Frankfurt am Main, 1980.

[4] *Веков А.* Г. В. Плеханов и социалистическото движение в България. София, 1978.

[5] См.: К вопросу об оценке группы «Освобождение труда» // Вопросы истории КПСС. 1986. № 6. С. 135—145.

[6] См.: *Ленин В. И.* Попятное направление в русской социал-демократии // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 245.

[7] См.: *Ленин В. И.* Идейная борьба в рабочем движении // Там же. Т. 25. С. 132.

[8] См.: *Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России // Там же. С. 95.

Возникновение социал-демократических кружков и групп в России

Вслед за группой «Освобождение труда» социал-демократические кружки стали возникать в самой России. Интеллигенты и рабочие, входившие в эти кружки, далеко не всегда разделяли последовательно марксистские взгляды, продолжали сохранять некоторые народнические иллюзии. Тем не менее марксизм за 10—12 лет (1883—1895) прочно укоренился в передовых слоях интеллигенции и рабочего класса. Этому способствовало и широкое распространение марксистской литературы в российских революционных кружках социал-демократического направления.

Первая попытка наладить издание трудов основоположников научного социализма внутри России была предпринята нелегальной группой, назвавшей себя «Обществом переводчиков и издателей».

Организаторами этой группы, возникшей в Москве в конце 1882 года, были студенты университета (В. И. Распопин и др.). «Общество» поддерживало контакты с группой «Освобождение труда», переиздало работу Плеханова «Социализм и политическая борьба», выпустило отдельной брошюрой полученное из Женевы «Письмо к товарищам».

За два года своей деятельности «Общество» нелегально издало целый ряд трудов Маркса и Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал» [1], «Гражданская война во Франции», «К жилищному вопросу». Кроме того, в трех сборниках «Социалистическое знание», выпущенных «Обществом» в 1883—1884 годах, были помещены произведения Энгельса: «Развитие социализма от утопии к науке» (с примечаниями переводчиков), Введение и первые четыре главы книги «Положение рабочего класса в Англии», отрывки из «Анти-Дюринга».

О стремлении отдельных членов «Общества» к усвоению экономического учения Маркса свидетельствовала опубликованная позднее в «Юридическом вестнике» (1887. № 11 и 12) статья Распопина «Частновладельческое хозяйство в России. (По земским статистическим данным)», ставшая первым опытом марксистского анализа процесса капиталистической перестройки помещичьего хозяйства. Это исследование Ленин широко использовал в книге «Развитие капитализма в России» [2].

С целью расширения издательской деятельности «Общество переводчиков» установило непосредственную связь с Энгельсом [3], но дальнейшие планы издания произведений Маркса и Энгельса не осуществились — в 1884 году «Общество» было разгромлено полицией.

В поисках правильной революционной теории, в идейном развитии к марксизму более зрелыми оказались революционные группы Благоева, Точисского и Бруснева. Первая из них возникла в Петербурге в декабре 1883 года, позднее стала называться «Партия русских социал-демократов».

Инициаторами ее создания явились несколько революционно настроенных студентов Петербурга. Видную роль среди них сыграл студент университета

[1] «Манифест Коммунистической партии» был напечатан в переводе Плеханова (по женевскому изданию 1882 года), работа Маркса «Наемный труд и капитал» — в переводе Дейча (по женевскому изданию 1883 года).

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 191, 214, 232, 263, 286; ср.: Там же. Т. 1. С. 515.

[3] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 501—504.

Димитр Благоев (1856—1924), будущий основатель Болгарской коммунистической партии и выдающийся деятель международного рабочего движения.

В своей пропаганде среди рабочих благоевцы критиковали народническую тактику заговора и террора, доказывали, что успешная освободительная борьба возможна лишь в результате активных действий народных масс, путем общенародной революции крестьян и рабочих [1]. Вслед за группой «Освобождение труда» они пришли к пониманию того, что социальная революция в России должна пройти через два этапа — буржуазно-демократический и социалистический [2]. Однако в программных установках благоевской группы содержались и непреодоленные элементы лассальянства, возникшие под влиянием Готской программы Германской социал-демократии, служившей в то время примером для деятелей социалистического движения многих стран.

«Партия русских социал-демократов» внесла новую страницу в историю рабочей печати в России, создав свой печатный орган — газету «Рабочий» (вышло всего два номера — в январе и июле 1885 года). Издание ее Ленин считал «едва ли не единственной попыткой создать с.-д. рабочую печать в России», в период с 1883 по 1895 год [3].

Заметное место в истории рабочего и социал-демократического движения в России принадлежит петербургскому «Рабочему союзу», больше известному как брусневская группа, по имени одного из своих руководителей М. И. Бруснева (1866—1937).

Петербургский «Рабочий союз» был основан революционно настроенной студенческой молодежью и рабочими-социалистами и действовал с конца 1887 до лета 1893 года. В мрачные годы реакции, под непрерывными угрозами полицейских репрессий он на протяжении почти шести лет способствовал выработке марксистского мировоззрения передовых рабочих и вел последовательную идейную борьбу с эпигонами «Народной воли», являясь наиболее разветвленной и значительной в то время из существовавших до «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» пролетарских организаций. Заслугой руководителей «Союза» явилось и то, что они стремились выйти за рамки только кружковой пропаганды, пытались оказывать посильное влияние на стихийно развивавшееся рабочее движение, внося в него элементы агитации. Организация петербургским «Рабочим союзом» политической манифестации на похоронах писателя-демократа Н. В. Шелгунова (1891) и первомайских сходок (1891, 1892) положила начало политическим демонстрациям рабочих под флагом социал-демократизма.

Характерной особенностью в деятельности «Рабочего союза» была его приверженность идее пролетарского интернационализма. Открытым вызовом царизму и политической реакции явились публичные заявления «Союза» о своей солидарности с венгерским и польским социал-демократическим движением [4]. Благодаря же непосредственному участию польских социал-демократов во многих делах петербургской организации, идея русско-польского революционного союза получила свое реальное воплощение.

Важнейшей задачей брусневская группа считала подготовку из рабочей среды сознательных социал-демократов — вожаков, организаторов и пропагандистов,— «будущих российских Бебелей», способных самостоятельно вести революционную работу среди своих товарищей [5].

Бруснев и многие члены его группы были убежденными социал-демократами, разделяли взгляды группы «Освобождение труда». Однако, как вспоминал впо-

[1] См.: Программа первого в России с.-д. кружка // Былое. 1918. № 13. С. 48.

[2] См. там же. С. 43—45.

[3] См.: *Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 95—96.

[4] См.: *Орехов А. М.* Первые марксисты в России. Петербургский «Рабочий союз» 1887—1893 гг. М., 1979. С. 165—166, 177.

[5] См.: *Бруснев М. И.* Возникновение первых социал-демократических организаций (Воспоминания) // Пролетарская революция. 1923. № 2 (14). С. 20.

следствии участник «Рабочего союза», известный деятель партии Л. Б. Красин, мировоззрение у бruсневцев, конечно, не было таким стройным и законченным, какое «в это время, несомненно, было у Г. В. Плеханова и его товарищей»[1]. И все же осознанием необходимости «объединения, обучения и организации рабочего класса»[2], популяризацией этой идеи в пролетарской среде брусневцы вносили реальный вклад в процесс слияния социализма с рабочим движением.

Одновременно с «Рабочим союзом» в Петербурге в 1891—1892 годах существовал студенческий социал-демократический кружок, во главе которого стоял Ю. О. Цедербаум (Мартов). Кружок установил связи с Плехановым, послал ему мандат на конгресс II Интернационала и даже принял название «Петербургская группа «Освобождение труда»»[3].

Социал-демократическое направление в революционных кружках зарождалось с конца 80-х годов не только в столицах, но и на периферии, в том числе в промышленных городах Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, Поволжья.

В Казани началась деятельность одного из первых пропагандистов марксизма в России Н. Е. Федосеева (1871—1898).

Решающее влияние на идейное формирование Федосеева оказали произведения Маркса и Энгельса, а также некоторые работы Бебеля, Либкнехта, Каутского, Лафарга, Геда. Большую роль в становлении марксистских взглядов Федосеева сыграла книга Плеханова «Наши разногласия».

Федосеев в 1887 году установил связи с передовыми рабочими Казани, горячо выступал на тайных рабочих собраниях против народнической идеологии, тактики народовольцев. Федосееву и его товарищам удалось создать несколько кружков, на собраниях которых изучались произведения Маркса, Энгельса, Плеханова, обстоятельно разбирались программы различных революционных партий и организаций. Однако выработать собственную программу в кружках Федосеева не удалось. Не успели кружковцы наладить и выпуск марксистской литературы: из подготовленных к печати книг Маркса («Нищета философии», «К критике политической экономии») и Энгельса в начале 1889 года было выпущено только гектографированное издание брошюры Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». Начавшиеся летом 1889 года аресты прервали революционную деятельность Федосеева и образованных им кружков. После освобождения из тюрьмы Федосеев был выслан под надзор полиции во Владимир, где возобновил революционную работу.

Характеризуя деятельность этого пламенного революционера, Ленин впоследствии писал: «Во всяком случае, для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»[4].

---

[1] См.: *Красин Л. Б.* Дела давно минувших дней // Пролетарская революция. 1923. № 3 (15). С. 9.

[2] См.: М. И. Бруснев — Н. П. Сивохину, 22 января 1892 г. // Вопросы истории КПСС. 1968. № 11. С. 109.

[3] См.: *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». С. 245.

[4] *Ленин В. И.* Несколько слов о Н. Е. Федосееве // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 325.

Начало революционной деятельности Ленина

С конца 80-х годов начинается революционная биография Владимира Ильича Ульянова (Ленина). Поступив в августе 1887 года в Казанский университет, Владимир Ульянов стал активным участником нелегального самарско-симбирского землячества, включился в деятельность революционного студенческого кружка. Члены этого кружка, по определению полиции — «крайне вредного направления», изучали марксистскую литературу, налаживали связи с рабочими.

4 декабря 1887 года в Казанском университете состоялась сходка, имевшая политическую направленность. В ее подготовке и проведении принимал деятельное участие студент Владимир Ульянов. Сходка стала для него первым боевым крещением на революционном пути. Как активный организатор студенческого выступления он был арестован и заключен в тюрьму, а затем исключен из университета и выслан в деревню Кокушкино Казанской губернии под негласный надзор полиции.

В ссылке Владимир Ульянов усердно изучал общественно-политическую литературу, произведения революционных демократов, в особенности труды Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. С увлечением прочитал он и роман Чернышевского «Что делать?», в котором его привлекли художественно яркие образы революционеров, пафос борьбы за социалистические идеалы.

По возвращении в Казань из ссылки осенью 1888 года Владимир Ильич вступает в один из нелегальных кружков марксистского направления, созданных Федосеевым. В это время вполне определилось критическое отношение Владимира Ульянова к идеологии народничества. В кружках горячо обсуждались работы Плеханова, особенно книга «Наши разногласия». Плехановская критика народнических идей сыграла крупную роль в идейном развитии молодого Ленина.

Еще большее значение в начале революционной деятельности Ленина имел самарский период — с мая 1889 по август 1893 года. Именно в эти годы его настольными книгами стали первый и второй тома «Капитала», на страницах немецких и русских изданий которого остались многочисленные пометки и подчеркивания — свидетельство его упорной работы по овладению теорией научного социализма, тщательного изучения главного труда Маркса[1]. В Самаре Ленин перевел «Манифест Коммунистической партии»; к сожалению, эта рукопись не сохранилась[2].

Документом, подтверждающим огромный интерес молодого Ленина к трудам основоположников марксизма, изданным на языке оригинала, является и недавно опубликованное письмо Владимира Ильича от 27 декабря 1889 года (посланное из Самары в Лейпциг книготорговой фирме Ф. А. Брокгауза), в котором содержится просьба прислать ему второе немецкое издание I тома

---

[1] См.: Ленинский сборник XL. С. 160.

[2] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. 1870—1905. М., 1970. С. 46.

«Капитала» и книгу «К критике политической экономии» Маркса, а также произведение Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и ряд других его сочинений [1].

В Самарский период завершилось идейное развитие молодого Ленина. Когда в 1893 году Владимир Ульянов приехал в Петербург, он, по воспоминаниям Н. К. Крупской, поразил тогдашних марксистов своим знанием произведений Маркса и Энгельса [2].

* * *

В 80—90-е годы социал-демократия в России существовала еще только как идейное течение, как марксистское направление общественной мысли; она действовала без рабочего движения, отдельно от него. Разобщенность рабочего и социал-демократического движений обусловила слабость того и другого. Научный социализм, не слитый с борьбой пролетариата, оставался учением, не влиявшим активно на революционную практику, а стихийное рабочее движение, без научной теории, не могло вылиться в сознательную и организованную классовую борьбу пролетариата.

Задача соединения научного социализма с рабочим движением России начала решаться только в середине 90-х годов XIX века. Труды Плеханова подготовляли этот процесс, содействовали формированию российской социал-демократии, разработке первой программы нашей партии. Поворот в развитии социал-демократического движения был связан с превращением пролетариата в главную политическую силу общества, с теоретической и практической деятельностью Ленина и созданного им «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

[1] См.: Новый документ Владимира Ильича Ленина // Коммунист. 1986. № 1. С. 3.

[2] См.: *Крупская Н. К.* О Ленине. М., 1960. С. 305.

Глава девятая

МАРКСИСТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ВО II И III ТОМАХ «КАПИТАЛА»

Смерть автора в 1883 году прервала работу над «Капиталом», который и Маркс и Энгельс рассматривали как важнейшее, во многом итоговое произведение разработанного ими революционного учения. У Энгельса не было ни малейших сомнений в том, что отныне его главной задачей в области развития и пропаганды марксистской теории должна стать работа по подготовке к изданию следующих томов «Капитала».

Если после выхода в свет I тома «Капитала» реакция на него была более чем сдержанной, то в 70 — начале 80-х годов в научной периодике, монографической и учебной литературе «Капитал» выступает как предмет критики в прямой или косвенной форме около ста раз. В ход пущена версия о мнимом плагиате со стороны Маркса у теоретика «государственного социализма» Карла Родбертуса — версия, которую Энгельс позже опроверг в предисловии ко II тому «Капитала» [1]. Предпринимаются и попытки изобразить Маркса простым учеником классиков буржуазной политической экономии [2].

Представители разных школ и течений буржуазной экономической науки выступили единым фронтом против Марксова пони-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 10—24.

[2] «Как бы реагировали некоторые из сегодняшних его почитателей,— писала, например, либеральная «Kölnische Zeitung» в связи с кончиной Маркса,— если бы узнали, что свою теорию о труде и даже об общественно необходимом рабочем времени как мере стоимости он взял у Адама Смита?» (Их имена переживут века: Международные отклики на смерть Карла Маркса и Фридриха Энгельса. М., 1983. С. 107—108). Буржуазный экономист Адольф Хельд противопоставлял «правильный метод» всей немецкой политической экономии, заключающийся прежде всего в том, что меновая стоимость трактуется как «субъективное представление», объективному методу Рикардо и Маркса (*Held A.* Sozialismus, Sozialdemokratie und Sozialpolitik. Leipzig, 1878. S. 66).

после него прочно вошел в структуру марксистского философского мышления и получил впоследствии особое развитие в философских трудах Плеханова, Ленина и других марксистов.

2. РАЗВИТИЕ ЭНГЕЛЬСОМ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

По мере того как идеи марксизма приобретали более широкое влияние, к ним стали обращаться представители самых разных идейных направлений, вплоть до откровенных противников социализма. Этот процесс ассимиляции отдельных идей и положений марксизма буржуазной общественной мыслью, начавшийся в 90-е годы, не мог не быть крайне противоречивым. С одной стороны, укреплялся научный авторитет марксизма, с другой — сама суть его неизбежно искажалась, поскольку отдельные марксистские положения, вырванные из общей связи и включенные в контекст немарксистских теорий, приобретали смысл, чуждый позициям Маркса и Энгельса. Представление о марксизме вследствие этого теряло четкость, размывалось, а широкой общественности под этим именем зачастую предлагались идеологические суррогаты, не имеющие ничего общего с революционным мировоззрением его основоположников.

Раньше всего и, вероятно, в наибольшей степени данный процесс проявился в трактовке вопроса о роли экономики в жизни общества.

Широкое распространение получили попытки представить марксизм как чисто социологическую доктрину, а эту последнюю свести к «экономическому материализму». Примером такого подхода могут служить работы современников Маркса и Энгельса — крупных буржуазных социологов и экономистов П. Барта, Р. Штаммлера, Л. Брентано, обвинявших исторический материализм в забвении активной, созидательной роли человека, личности в истории. Приписывая Марксу и его последователям стремление доказать, что деятельность человека определяется исключительно экономическими отношениями, эти критики характеризовали марксизм как созерцательно-фаталистическую доктрину, как механически жесткий «экономический автоматизм» [1].

Отождествление учения Маркса с «экономическим материализмом» создавало благоприятную почву для возникновения вульгарного социологизма — своеобразной идеологической конструкции, позволяющей использовать отдельные положения марксизма для теоретического обоснования идей непролетарского революционаризма, прежде всего мелкобуржуазного. Одну из первых попыток такого рода еще в конце 60-х годов сделал известный теоретик бланкистского направления в русском народничестве П. Н. Ткачев.

[1] См., например: *Барт П.* Философия истории как социология. Спб., 1903. С. 309.

В процессе образования массовых рабочих партий, неизбежно захватывавших в сферу своего влияния также и непролетарские слои, влияние вульгарного социологизма стало отчетливо ощущаться и в социал-демократических кругах. Отражая эти настроения, К. Шмидт, в то время один из членов редакции социал-демократической газеты «Volks-Tribüne» (впоследствии он примкнул к буржуазным критикам марксизма), писал в октябре 1890 года Энгельсу, что если сведение всех общественных процессов к экономике невозможно, то «Марксово понимание истории в его самом строгом смысле нельзя будет отстоять» [1].

В 80—90-е годы вульгарный социологизм особенно рельефно проявился во взглядах деятелей немецкой социал-демократии, объединившихся в самом начале 90-х годов в группу «молодых» (Б. Вилле, Г. Мюллер, П. Кампфмейер, П. Эрнст). Однако его влияние в той или иной мере испытали на себе в конце 80-х — 90-е годы большинство из учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса — Бебель, Лафарг, Либкнехт, Каутский и др.

Анализируя степень освоенности основных теоретических положений марксизма молодыми членами партии (а быстрое расширение социал-демократического движения делало эту категорию чрезвычайно массовой), Энгельс в 1892 году вынужден был констатировать, что в течение двадцати лет материалистическое понимание истории оставалось в их работах «только трескучей фразой» [2]. Истоки сложившейся ситуации, по мнению Энгельса, могут быть поняты лишь на основе конкретного анализа процесса развития марксизма, в ходе которого «приходилось, возражая... противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали», то есть акцентировать основное внимание на определяющей роли материального производства в общественной жизни.

Энгельс признал, что, не находя «время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии» [3], он и Маркс отчасти сами подали повод к упрощенным истолкованиям их учения. В связи с этим он вновь обратился к углубленной проработке и разъяснению материалистической теории общественного развития, в ряде случаев обогащая высказанные ранее им и Марксом положения. Стремлением внести необходимую ясность в понимание марксистского подхода к обществу и его истории, помочь глубоко и всесторонне осмыслить его методологические функции пронизана вся его переписка конца 80—90-х годов, в частности так называемые «письма об истори-

[1] Цит. по кн.: Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. М., 1982. С. 462.

[2] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 16 марта 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 268.

[3] См.: Энгельс — Йозефу Блоху, 21—22 сентября 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 396.

7 Заказ 214

ческом материализме»[1], а также ряд писем, посвященных проблемам духовной жизни общества и истории общественной мысли.

Проблема социального детерминизма в работах Энгельса конца 80—90-х годов

Главная мысль, которая проводится во всех этих письмах, состоит в утверждении диалектического характера социального детерминизма. Энгельс показывает, что с позиций исторического материализма причинно-следственная связь в развитии общества предстает как сложная система взаимодействий всех без исключения компонентов социального целого — экономики, политики, идеологии, нравственности, религии, искусства и т. п. Другими словами, общественное развитие выступает как единство взаимосвязей и взаимозависимостей общественной жизни во всем их многообразии, как такое развитие, которое детерминировано нелинейно и включает в себя альтернативность исторического процесса.

В истории общественной мысли неоднократно имели место попытки истолковать эту мысль как «отход» Энгельса от разработанной ранее им совместно с Марксом концепции исторической закономерности, основанной на признании зависимости идеологических, политических явлений от экономической структуры общества[2]. Эта интерпретация, однако, совершенно не соответствует действительному смыслу тех текстов, на которые она пытается опираться. На самом деле и в конце жизни Энгельс отнюдь не считал нужным пересматривать те принципиальные позиции, на которых он и Маркс стояли, начиная еще с середины 40-х годов. Энгельс говорит о том, что любой элемент социального целого является воздействующей на другие элементы величиной, что ни один из них, следовательно, не выступает в роли только причины или только следствия; он отвергает «шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих друг другу полюсах» и указывает, что всякое историческое явление «коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины»[3]. Но это отнюдь не тождественно утверждению, будто все элементы социального целого равнозначны. По этому поводу Энгельс выражается совершенно определенно: хотя ход истории нельзя полностью и исчерпывающим образом вывести из экономического положения, все же роль «экономического момента» в общественном развитии остается решающей. Социальный детерминизм — это «взаимодействие на основе экономической необходимости»[1].

Другое дело, что, отмежевываясь от различных вульгаризаций марксизма, автор «писем об историческом материализме» значительно более детально и настойчиво, чем раньше, стремится показать, что экономический фактор, выступая в качестве первичной, «базисной» социальной причины, сам испытывает обратные (но уже вторичные) воздействия и определяет итоговый ход событий лишь в самой общей форме и притом неоднозначно. Разъясняя это И. Блоху, который спрашивал, «являются ли экономические отношения *единственным* определяющим моментом или же они образуют в известном смысле только прочную основу всех других отношений, которые затем и сами могут оказывать действие»[2], Энгельс, в частности, писал, что согласно материалистическому пониманию истории производство и воспроизводство действительной жизни выступают как определяющий момент в конечном счете. «Ни я, ни Маркс,— продолжает он,— большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм»[3]. Далее Энгельс указывает на взаимодействие всех этих моментов, в котором «экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует)»[4].

---

[1] Термин, предложенный В. В. Адоратским, для обозначения серии ответов Энгельса ряду его корреспондентов, в которых сжато излагалась сущность марксистского метода анализа исторического процесса. В нее обычно включают письма П. Эрнсту от 5 июня 1890 г., К. Шмидту от 5 августа и 27 октября 1890 г., Й. Блоху от 21—22 сентября 1890 г., Ф. Мерингу от 14 июля 1893 г., В. Боргиусу от 25 января 1894 г.

[2] См., например: *Бернштейн Э.* Предпосылки социализма и задачи социал-демократии (1898); *Вольтман Л.* Исторический материализм (1900); *Vorländer K.* Marx, Engels und Lassale (1903); *Adler M.* Engels als Denker (1920); *Lukács G.* Geschichte und Klassenbewusstsein (1922); *Vranizki P.* Geschichte des Marxismus (1964); *Kołakowski L.* Die Hauptströmungen des Marxismus (1977).

[3] См.: Энгельс — Францу Мерингу, 14 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 84.

---

[1] См.: Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 175.

[2] Й. Блох — Энгельсу, 3 сентября 1890 г. // Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. С. 459.

[3] Энгельс — Й. Блоху, 21—22 сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394—395.

[4] Там же. С. 395.

Отстаивая принцип первичности производства и воспроизводства материальной жизни против идеалистического истолкования истории, Энгельс использует понятие идеологии, разработанное им и Марксом еще в 40-х годах. «Идеология,— писал он Ф. Мерингу 14 июля 1893 года,— это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом» [1]. Такой конкретно идеологической формой и является идеализм в понимании истории, сводящий ее движение к процессу, протекающему «в сфере человеческой мысли». У идеалистов, продолжал Энгельс, обычно возникает иллюзия, будто идеологические представления, право, государственные формы обладают абсолютной самостоятельностью, а воздействие их на экономическую жизнь является не обратным, а исходным, изначально определяющим. Эта иллюзия и дает почву для обвинения марксизма в отрицании им всякого воздействия идей на историю. На самом же деле, указывал Энгельс, исторический материализм отрицает не само это воздействие, а лишь его абсолютный характер.

Конкретизируя марксистское понимание социального детерминизма, Энгельс уточнил и развил целый ряд важнейших положений материалистического понимания истории, характеризующих главные моменты диалектики общественного развития.

Диалектика взаимодействия базиса и надстройки

Особенно большое внимание при этом было уделено ключевому для материалистической теории истории соотношению базиса и надстройки. Энгельс, детально проанализировав эти понятия, конкретизировал их содержание.

Социальная реальность, отражаемая в категории «надстройка», предстает в письмах Энгельса 90-х годов как иерархически организованная целостность, как структура элементов, каждый из которых испытывает определяющее воздействие базиса в различной степени и в разных формах. Более подробно рассматривается и степень обратного воздействия элементов надстройки на базис. В этой связи Энгельс особо подчеркивает практическую роль науки, непосредственно влияющей на совершенствование производительных сил общества, разъясняет воздействие на хозяйственную жизнь правовых форм, а также разнообразных политических факторов.

Энгельс показывал, что определяющее значение для характеристики базиса имеет анализ способа производства, и подробно раскрыл, что это означает. Отвечая на вопрос В. Боргиуса, Энгельс писал: «Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющим базисом истории общества, мы понимаем тот

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 83.

способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит *вся техника* производства и транспорта. Эта техника, согласно нашим взглядам, определяет также и способ обмена, затем способ распределения продуктов и тем самым после разложения родового строя также и разделение на классы, отношения господства и подчинения, государство, политику, право и т. д.» [1]. Энгельс характеризует базис как исторически формирующееся сложное образование, включающее в себя как господствующие на данном этапе общественного развития экономические формы, так и сохранившиеся от предшествовавшего экономического развития.

В работах Энгельса 90-х годов решается и вопрос о воздействии на экономический базис общества также и природно-географических факторов, которые втягиваются в систему социально-экономических связей и опосредствований, обеспечивая наличие и доступность предметов труда, благоприятные и неблагоприятные климатические условия, удобство (или, наоборот, неудобство, невозможность) коммуникаций и т. д.

«В понятие экономических отношений,— указывал Энгельс в письме Боргиусу,— включается... и *географическая основа*, на которой эти отношения развиваются... а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму» [2]. Природные условия, отмечает в других работах Энгельс, во многом помешали, например, закрепощению норвежского крестьянства; они же в немалой мере помогли возвышению Бранденбурга и т. д.

Касаясь диалектики базиса и надстройки, Энгельс противопоставляет вульгаризаторской точке зрения «экономического материализма» положение об относительной самостоятельности надстроечных явлений. Эта самостоятельность базируется на открытых Марксом и им законах духовного производства, на движении того мыслительного материала, который накапливается в той или иной области надстройки, обобщая результаты деятельности последовательно сменявших друг друга поколений, передающих потомкам свои идеи и открытия. Энгельс говорит об особом специфическом характере законов духовного производства, ибо оно требует решения таких задач, которые с целями экономической деятельности прямо не связаны (такова, например, задача логической систематизации знания). Кроме того, духовный опыт человечества мигрирует через многие века и страны, и в этом смысле его надо рассматривать не как простой «слепок» с наличных социально-экономических условий, а как концентрированный результат всего исторического развития. Этим, по Энгельсу, объясняется тот парадоксальный с точки зрения «экономического материализма» факт, что относительно отста-

[1] Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 174.

[2] Там же.

лые в экономическом отношении страны могут играть ведущую роль в развитии тех или иных областей духовной культуры.

Опираясь на эти идеи, Энгельс конкретизировал общее положение об определяющей роли экономики в жизни общества анализом самого механизма ее воздействия на политику и идеологию. Свое понимание этого вопроса он наиболее полно сформулировал в письме к К. Шмидту от 27 октября 1890 года. Экономическое развитие, писал он, определяет развитие надстройки в рамках условий, которые предписываются этой последней. «Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала» [1], причем «даже и это она производит по большей части косвенным образом» [2], поскольку ее воздействие по большей части опосредствуется внутренними взаимодействиями надстроечных явлений.

Сложное, опосредствованное по характеру взаимодействие базиса и надстройки является, по Энгельсу, диалектическим. Его характеристика поэтому не может быть односторонней: скажем, не следует рассматривать духовное развитие как простой коррелят соответствующих экономических условий, но нельзя и сводить его лишь к имманентному движению идей, забывая о том, что само наличие внутренних законов развития различных «секторов» надстройки и относительная самостоятельность этих последних стали возможными только в силу экономических причин, обусловивших в свое время отделение умственного труда от физического.

Разъясняя свое понимание этого вопроса в письмах Ф. Мерингу и В. Боргиусу, Энгельс высказал имеющее принципиальное значение для методологии исторического материализма положение об условиях, в которых материалистическое понимание истории наиболее полно обнаруживает свою правоту и действенность: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем... тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет» [3]. При рассмотрении какого-то одного кратковременного, пусть даже значительного исторического эпизода зачастую трудно выявить опосредованные экономические причины событий; нередко это означало бы просто искусственную натяжку, ибо **непосредственные** интересы классов, действующие

[1] Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 420.
[2] Там же.
[3] Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 176.

в тех или иных ситуациях, далеко не всегда позволяют выявить эти конечные, глубинные причины, действие которых обнаруживается в полной мере лишь на протяжении крупных периодов истории.

Во введении к новому изданию Марксовой «Классовой борьбы во Франции с 1848 по 1850 г.» (1895) Энгельс не только подтверждает данную мысль, но и идет дальше, формулируя ее уже не только как принцип анализа надстройки, но и как принцип теоретического осмысления истории в целом. Энгельс здесь не отказывается от идеи экономической обусловленности развития всех сфер общественной жизни, но теперь он отмечает, что понимание этой обусловленности зависит от объективно возможной «точки наблюдения», связанной с известным масштабом рассмотрения исторических событий, и должно рассматриваться не абстрактно, а в рамках определенной познавательной ситуации.

Представляя читателю работу Маркса как первую попытку «объяснить определенную полосу истории, исходя из данного экономического положения» [1] (в «Коммунистическом манифесте» этот подход был применен в общих чертах ко всей новой истории в целом, в статьях же, написанных для «Новой Рейнской газеты», он использовался при анализе текущих политических событий), Энгельс подчеркивает, что соответствие между экономикой и другими сторонами общественной жизни наиболее полно и определенно выявляется в крупномасштабном ретроспективном анализе. При исследовании же событий текущей истории и тем более при прогнозировании их хода «никогда не удается дойти до *конечных* экономических причин» [2]. Это связано с тем, что изменения в хозяйственной жизни обычно выявляются с некоторым опозданием, так что «ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями» [3]. В этой ситуации, отмечает Энгельс, исследователь неизбежно вынужден брать экономический фактор как постоянный, принимать экономическое положение, сложившееся к началу периода за данное и неизменное для всего периода, или же принимать в расчет лишь некоторые, достаточно очевидные его изменения. Поэтому материалистическому методу нередко приходится «ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к борьбе интересов наличных общественных классов и фракций классов, созданных экономическим развитием, а отдельные политические партии рассматривать как более или менее адекватное политическое выражение этих самых классов и их фракций» [4].

Неизбежное при исследовании текущих исторических процессов огрубление их экономической основы, игнорирование неко-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 529.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 530.

торых еще недостаточно выявившихся тенденций ее развития, как отмечал в своей работе Энгельс, создает возможность ошибок, в том числе и достаточно серьезных. Нельзя поэтому абсолютизировать получаемые выводы, рассматривать их как раз и навсегда данные, окончательные: каждый из них должен рассматриваться в качестве опорного пункта дальнейшего движения познавательного процесса к новому, более глубокому, полному и точному знанию.

Рассматривая под этим углом зрения теоретическое наследие Маркса, Энгельс показывает, что материалистическое понимание истории помогло ему видеть суть текущих исторических событий значительно глубже, чем это удавалось кому-либо из буржуазных историков (это касается, в частности, оценки перспектив нового революционного взрыва после поражения революции в 1849 году, вывода Маркса о том, что после подавления Парижской коммуны центр европейского революционного движения переместился в Германию, и др.). Вместе с тем, признает Энгельс, «неправы были и мы» [1], надежды на скорую пролетарскую революцию тогда, в конце 40 — начале 50-х годов XIX века, оказались иллюзией. Причину этого, отмечает Энгельс, исчерпывающим образом выяснила сама история, которая доказала, что состояние экономического развития Европейского континента было тогда еще не настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства. Капитализм, как показал ход промышленного развития в крупнейших европейских государствах, обладал еще значительными возможностями роста и расширения. В конце 40 — начале 50-х годов этот потенциал его будущего развития было еще трудно увидеть. Отсюда и допущенная в то время Марксом ошибочная трактовка ближайших перспектив социального развития, которую разделял и Энгельс. Но данная конкретная ошибка, отмечал Энгельс, не может поставить под сомнение тех выводов марксизма, которые выходят за пределы локальных отрезков исторического процесса и характеризуют его направленность в целом. Действительно, распространение капитализма на новые страны и регионы не только укрепляло его позиции, но и расширяло масштабы противостояния ведущих классов капиталистического общества, неизмеримо увеличивая силу пролетарского революционного движения.

Диалектика объективного и субъективного в истории

Значительный вклад работы Энгельса 90-х годов вносят и в разработку комплекса теоретических проблем, связанных с диалектикой объективного и субъективного факторов общественного развития.

«Люди сами делают свою историю» [2],— подчеркивает Энгельс.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 533.
[2] Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 175.

Основная проблема материалистического понимания истории состоит для него в том, чтобы объяснить, как можно «делать историю», если ни природа, ни находимые нами социальные условия от нас не зависят. Решение этого вопроса Энгельс ищет на путях анализа природы исторической необходимости, в ее отношении с суверенитетом наделенных волей и сознанием личностей, из действий которых и рождается то, что мы называем историческими событиями.

Прежде всего он отмечает тот факт, что деятельность людей всегда разворачивается в определенном «пространстве возможностей», обусловленном данной наличной природной и социальной средой, а также уже существующими общественными отношениями, «среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические,— являются в конечном счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию» [1]. Выбор тех или иных действий осуществляется, следовательно, на основе уже имеющейся необходимости — как выбор из конкретных уже существующих независимо от данного человека (но также созданных людьми) альтернатив.

Другой момент, выделяемый Энгельсом в связи с проблемой исторической необходимости, состоит в том, что в истории конечный результат всегда получается от столкновений интересов и стремлений множества отдельных индивидов, желания которых определяются особыми, зачастую неповторимыми жизненными обстоятельствами (личными и общественными). «Имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие» [2].

Индивидуальные желания, устремления, намерения, таким образом, исчезают в итоговой равнодействующей: ведь то, чего хочет один, встречает сопротивление со стороны другого, и в результате в конце концов обычно появляется нечто такое, чего не хотел и не предвидел никто. Это позволяет, по мысли Энгельса, при достаточно большом масштабе рассмотрения вообще абстрагироваться от стремлений отдельных индивидов и интерпретировать исторические закономерности по аналогии с природными, действующими «*бессознательно* и безвольно». Однако из того, что в массовых социальных процессах отдельные люди не достигают поставленных ими целей, а их действия не приводят к желаемому результату, вовсе не следует заключать, что воля отдельного человека ничего не значит или равна нулю. Наоборот, она «участвует в равнодействующей и постольку включена в нее» [3].

[1] Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 175.
[2] Энгельс — Й. Блоху, 21—22 сентября 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 395.
[3] См. там же. С. 396.

Проблема столкновения индивидуальных воль тесно связана у Энгельса с диалектикой необходимости и случайности, анализируя которую он развивает идеи, изложенные им ранее в «Диалектике природы», и, в частности, рассматривает генезис необходимости как взаимное наложение и соединение в едином процессе различного рода случайностей. Люди, пишет в этой связи Энгельс, до сих пор творили свою историю, не руководствуясь каким-то общим планом, и их стремления в результате этого перекрещивались. Во всех обществах, в которых механизм исторического процесса носит такой характер, «господствует поэтому *необходимость*, дополнением и формой проявления которой является *случайность*» [1]. Эта необходимость, пробивающаяся сквозь разнообразные случайности, имеет в конечном счете экономическое содержание. По сути она представляет собой, с точки зрения Энгельса, не что иное, как статистически преобладающую тенденцию в действиях людей, перекрывающую другие тенденции, в силу того что вопросы производства и воспроизводства своего материального существования являются в конечном счете решающими.

Анализ диалектики необходимости и случайности вплотную подвел Энгельса к чрезвычайно важной проблеме о роли личности в истории, в частности к вопросу о так называемых великих личностях. То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время именно в данной стране, Энгельс относит к случайному. Но исторические функции, которые он должен был выполнить, являются необходимыми. Поэтому, если по каким-либо причинам тот или иной человек, способный выполнить эти функции, устраняется, его место занимает кто-то другой, берущий на себя те же задачи, но решающий их уже по-своему. Так, «если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело и это открытие *должно* было быть сделано» [2].

Материалистическая диалектика как метод социально-исторического познания

Внимательный анализ всего комплекса социально-философских идей, развивавшихся Энгельсом с конца 80-х годов, позволяет вскрыть ошибочность распространенного в зарубежной литературе по истории марксизма мнения о том, что для Энгельса был характерен тотальный сциентизм, по сути своей противоположный «активному антропологизму Маркса» [3]. Энгельс-теоретик, активно опровергавший фаталистические доктрины «экономического

[1] Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Там же. Т. 39. С. 175.

[2] Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 176.

[3] Подробный анализ этой тенденции дан в кн.: Марксистская философия в XIX в. М., 1979. Кн. 2. С. 354—358.

материализма» и разрабатывавший диалектико-материалистическое понимание истории как человеческой деятельности, отнюдь не похож на виновника «дегуманизации» марксистской философии — роль, которую ему усиленно приписывают сторонники указанной точки зрения. Вместе с тем «письма об историческом материализме» и тематически примыкающие к ним произведения 80—90-х годов нельзя рассматривать как разрыв Энгельса с теми принципами, на которых были построены такие его работы, как «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы». Эти работы связаны общими принципиально важными идеями с социально-философскими изысканиями Энгельса в последние годы его жизни.

Прежде всего Энгельс ставит и решает проблему применения материалистической диалектики как метода теоретического исследования. В 70-е — начале 80-х годов Энгельс разрабатывал ее решение в основном применительно к естествознанию, теперь же, в последний период своей жизни, он обратился главным образом к социально-историческому знанию. Однако в целом его подход и в том и в другом случае принципиально один и тот же: поскольку диалектика как философский метод обладает предельно высокой степенью обобщения, он применяется к анализу окружающей нас действительности не непосредственно, а через методы конкретных наук, от которых, в свою очередь, требуется «внутренняя диалектичность», позволяющая схватывать связи явлений в их изменении и развитии. «Наше понимание истории,— писал Энгельс,— есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» [1]. Он прямо противопоставляет свой подход «фразам об историческом материализме», которые служат лишь для систематизации ограниченного круга данных, закрывающей путь дальнейшим изысканиям и притупляющей самую потребность этих последних.

К сожалению, приходится признать, что в плену такого рода фраз и концептуальных трафаретов оказалась и советская историческая наука, в которой в силу ряда причин социального и политического характера на долгое время утвердились схематизм и подмена изучения реальных событий их подгонкой под заранее заданную модель.

В качестве примера априорного конструирования, заменяющего изучение действительной истории, Энгельс рассматривает, в частности, взгляды членов группы «молодых», излагавшиеся

[1] Энгельс — Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 371.

ими в ходе прошедшей летом 1890 года на страницах газеты «Volks-Tribüne» дискуссии о принципах распределения при социализме. Как характерную черту их подхода к обсуждавшейся проблеме Энгельс отмечает отсутствие диалектики. Будущее социалистическое общество «молодые» рассматривали как нечто раз и навсегда заданное, застывшее, что, собственно, порождало в них иллюзию, будто конкретные черты социалистического строя можно вывести чисто дедуктивным путем. Указывая на эту особенность методологии «молодых», Энгельс в письме к К. Шмидту от 5 августа 1890 года показывает, что забвение диалектики неизбежно ведет к схоластическому теоретизированию, превращающему слова «материалистическое понимание истории» в простую фразу, которой называют все что угодно, не давая себе труда заняться конкретным изучением вопроса. Детально установить черты социалистического общества, с точки зрения Энгельса, принципиально невозможно. Руководствуясь общими представлениями о ходе общественного развития, можно лишь: «1) попытаться отыскать способ распределения, с которого будет *начато*, и 2) постараться найти *общую тенденцию* дальнейшего развития» [1]. В этих словах, по существу, сформулировано не только желательное направление дискуссии о социалистическом распределении, но и общий подход марксизма к вопросу о характере и мере научного предвидения в обществоведении.

При правильной постановке вопроса материалистическое понимание истории как материалистическая диалектика, примененная к развитию общества, выступает, по мысли Энгельса, не в виде какой-то «формальной схемы», по мере необходимости наполняемой тем или другим фактическим содержанием, а в виде конкретного воссоздания исторического процесса. Иными словами, это не возвышающаяся над исторической наукой категориальная структура, это и есть сама история, теоретически воссоздаваемая в соответствии с диалектико-материалистическим методом, который задает не схему, иллюстрируемую изучаемым процессом, а общие методологические принципы его объяснения. Образцом такого подхода Энгельс считал социально-исторические работы Маркса, такие, как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Классовая борьба во Франции», и ряд других. Оценивая же труды современных ему марксистов, он особенно выделял работы Ф. Меринга, в частности его книгу «Легенда о Лессинге». Здесь, с удовлетворением писал он А. Бебелю, «материалистическое понимание истории... наконец начинает применяться надлежащим образом — в качестве путеводной нити при изучении истории» [2].

[1] Энгельс — Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 370—371.

[2] Энгельс — Августу Бебелю, 16 марта 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 268—269.

Размышления Энгельса в последние годы его жизни над методологическими аспектами материалистического понимания истории не только вносили в него большую ясность, но и придавали ему некоторое новое качество. По сути дела, в ходе этих размышлений в рамках марксистского учения о развитии общества формировался новый структурный уровень — уровень саморефлексии, критического самоанализа теории.

Элементы такого анализа, где в качестве объекта положена не сама историческая реальность, а отношение к ней теории, описывающей и объясняющей эту реальность, разумеется, можно найти и в более ранних произведениях основоположников марксизма. Но именно с конца 80 — начала 90-х годов он становится неотъемлемым элементом марксистского социально-философского мышления. Именно с этим обстоятельством следует связывать такие характерные для последних работ Энгельса моменты (особенно отчетливо проявившиеся в написанном в 1895 году введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции»), как стремление обратить критическую функцию материалистической диалектики на собственные (свои и Маркса) выводы и показать связь этих выводов с той социально-исторической ситуацией, в рамках которой они были получены, а следовательно, осознать их неполноту и ограниченность, преодолевая которые и развивается постоянно действительное познание. Во введении Энгельс, в частности, указывает на ошибочность взглядов на перспективы пролетарской революции, которых Маркс и он придерживались в 40-е — начале 50-х годов, и отмечает, что их прогнозы были основаны на переоценке степени зрелости европейского капитализма. Анализ марксистской концепции исторического процесса, предпринятый Энгельсом, противостоял проявлявшимся уже в то время в работах целого ряда ведущих деятелей II Интернационала тенденциям к догматизации, к абсолютизации уже имеющихся положений в ущерб задачам и целям научного поиска.

Важным вкладом в развитие исторического материализма явился предпринятый Энгельсом в 80—90-е годы анализ форм общественного сознания, в частности искусства и религии.

Развитие марксистского подхода к осмыслению искусства

Вопреки весьма распространенной в 90-е годы точке зрения, согласно которой собственно марксистский подход к художественному творчеству ограничивается анализом чисто социологических аспектов и без остатка раскрывается в таких понятиях, как «идеология», «надстройка», «способ духовного производства» и т. п., эстетические проблемы, над которыми работал в этот период Энгельс, весьма многообразны и многоплановы. И хотя в контексте разработки материалистического понимания истории он действительно уделял в последние годы жизни вопросам социальной обусловленности художественного творчества исключительное внимание (как, впрочем,

и раньше), в большинстве своем рассматриваемые им проблемы носят комплексный характер и исследуются одновременно и в социальном, и в гносеологическом, и в собственно эстетическом плане.

Характерный пример этого — анализ Энгельсом реализма, который в этот период занимает одно из центральных мест в его эстетических изысканиях.

Начало разработке этой темы было положено еще в 50-е годы, когда в переписке с Лассалем и в ряде других произведений Маркс и Энгельс теоретически обосновали идеал искусства, изображающего жизнь во всей ее суровой правде, многосложности и противоречивости. Однако в этот период они уяснили себе лишь отдельные, хотя и очень важные, особенности реалистического искусства. В целом же их понимание реализма на этом этапе не было достаточно систематическим. Не достигло оно и достаточной степени обобщенности: пропагандируя в работах 50-х годов свою точку зрения на то, каким должно быть современное искусство, Маркс и Энгельс обычно шли от единичного — от художественного опыта отдельных выдающихся художников-реалистов, который они берут в качестве образца, задающего направление и ориентиры творчества (так, они советовали Лассалю писать «по-шекспировски», а не «по-шиллеровски», противопоставляли «суровые рембрандтовские краски» восторженному преображению действительности в творчестве Рафаэля).

В середине 80-х годов марксистское понимание реализма складывается в целостную теоретическую концепцию, в рамках которой Энгельсом были выделены основные «образующие» реалистического метода, его эстетические и гносеологические принципы, имеющие универсальное значение и проявляющиеся в творчестве различных представителей реалистического направления (разумеется, всякий раз в своеобразной, индивидуально неповторимой форме). Наиболее важные из этих принципов изложены Энгельсом в письме к М. Каутской (1885) и в черновике письма к М. Гаркнесс (1888).

Энгельс показывал, что реалистический метод отличается прежде всего особым, присущим именно ему подходом к изображению человека, диалектически соединяющим обобщение с четкой индивидуализацией, не допускающей «растворения личности в принципе». Реализм стремится к тому, чтобы представить каждый характер как тип и вместе с тем как определенную личность — то, что у Гегеля обозначалось термином «этот». Отсюда вытекала специфическая для реалистического метода форма выражения идейной направленности творчества: с точки зрения эстетики реализма, превращение действующих лиц в «рупоры» определенных идей, широко практиковавшееся ранее в искусстве, является недопустимым. «...Тенденция,— писал Энгельс,— должна сама по себе вытекать из обстановки и действия, ее не следует особо подчеркивать, и писатель не обязан преподносить

читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов» [1]. Главный принцип реализма — верное воспроизведение жизни. Поэтому, если, скажем, художник-реалист стоит на позициях пролетариата и стремится выразить их в искусстве, то лучше всего он выполнит эту задачу не политическими декларациями и не односторонней идеализацией представителей своего класса, а правдивым изображением окружающей жизни, которое уже само по себе говорит в пользу социалистических идеалов.

По мысли Энгельса, в общей тенденции логика воссоздания художественной правды совпадает с объективной логикой общественного развития. Поэтому реализм в искусстве может проявляться даже независимо от социальных и политических взглядов художника,— конечно, если только последний обладает достаточной мерой ума и таланта.

Примером такого рода Энгельс считал творчество Бальзака, который дал яркую картину разложения и упадка французского дворянства, хотя сам он был по своим убеждениям легитимистом и поклонником аристократии. Секрет силы и глубины бальзаковских творений, по мысли Энгельса, в том, что их автор сумел верно изобразить ключевые коллизии, основные направления жизни французского общества. Главная из них — неуклонно усиливающееся влияние буржуазии, под натиском которой старинная аристократия, несмотря на временную победу, одержанную ею при помощи иностранных армий, неотвратимо сдает свои позиции во всех сферах. Вокруг этого процесса знаменитый романист выстроил свою картину истории французского общества, отображенную настолько правдиво, что Энгельс, по его собственному замечанию, узнал из нее даже в смысле экономических деталей значительно больше, чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых [2]. Бальзак скорбит о гибели аристократического общества, кажущегося ему образцовым; его «Человеческая комедия» — нескончаемая элегия по поводу этой гибели. Но жизнь, отображенная в ее действительных закономерностях, не оставляет места для иллюзий. Вот почему сатира великого писателя никогда не была более острой, а его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставлял действовать тех, кому он больше всего симпатизировал,— дворян. И не случайно единственные люди, о которых он всегда говорит с нескрываемым восхищением,— это его самые ярые политические противники — демократы-республиканцы. В том, что, повинуясь объективной логике жизни, Бальзак непроизвольно шел против своих собственных идейно-

[1] Энгельс — Минне Каутской, 26 ноября 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 333.

[2] См.: Энгельс — Маргарет Гаркнесс, начало апреля 1888 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 36.

политических пристрастий — показывал неизбежность падения дворянства, более того,— показывал, что оно не достойно лучшей участи, Энгельс видел одну из величайших побед реализма и одно из свидетельств величия самого Бальзака как писателя.

Таким образом, проблема реализма была сформулирована и разрешена Энгельсом, по сути, как проблема объективности художественного отражения. Между такой постановкой вопроса и эстетическими идеями, высказывавшимися им и Марксом в тот период, когда их понимание реализма находилось еще в стадии становления, существует несомненная преемственность, но есть и немаловажные отличия.

В 50-е годы Маркс и Энгельс говорили о реалистичности как об адекватном воспроизведении в образном строе того или иного художественного произведения закономерностей и тенденций развития изображаемых художником явлений окружающей жизни. Теперь же анализировалось и характеризовалось само отношение к действительности, которое порождает реалистическое искусство. И, следовательно, речь шла уже об особой эстетической и гносеологической позиции субъекта, об особенностях его взаимодействия с объективным миром. Реализм представал в связи с этим как определенный способ постижения действительности, параметры которого определяют и образную структуру, и поэтику, и эстетические нормы, и идеологические функции искусства (особый тип тенденциозности, присущий реализму). Понятие художественной правды, которое ранее фигурировало в произведениях основоположников марксизма как нечто внутренне нерасчлененное, здесь уже дифференцировалось: соответственно различным элементам художественной структуры выделялись различные формы адекватности искусства действительности. Реалистичность при этом оказывалась уже не просто синонимом правдивости искусства вообще, а выступала как единство и взаимосвязь всех форм художественной правды, порождаемая особым методом постижения объективного мира. На этой идее основано то классическое определение реализма, которое было дано Энгельсом в письме к М. Гаркнесс: «...реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах» [1].

Применяя эту мысль к конкретному художественному материалу, Энгельс писал о том, что сила и глубина реалистического художественного мышления состоит в умении проследить в индивидуальных судьбах людей, в их психологии и действиях отношения и исторические судьбы социальных слоев и классов. Это, с его точки зрения, делает реалистическое искусство инструментом социальной критики, средством осмысления противоречий общественной жизни и формой самосознания передовых социальных сил. Утверждение реалистического метода в этом смысле равно-

[1] Энгельс — Маргарет Гаркнесс, начало апреля 1888 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 35.

значно освобождению искусства от превращенных форм осознания социальной реальности. Поэтому последовательный и бескомпромиссный реализм, с точки зрения Энгельса, обладает огромным революционным потенциалом. С одной стороны, правдиво изображая действительные отношения, он «разрывает господствующие условные иллюзии о природе этих отношений, расшатывает оптимизм буржуазного мира, вселяет сомнения по поводу неизменности основ существующего,— хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-либо сторону» [1]. С другой стороны, реалистическое искусство помогает революционным классам осознать свои действительные задачи и освободиться от собственных предрассудков.

Теоретические обобщения, полученные Энгельсом в ходе осмысления творческого опыта реализма, в частности, его выводы, касающиеся соотношения идеологических и познавательных аспектов реалистического искусства, использовались им в ходе дальнейшей разработки марксистских принципов анализа искусства как общественного явления.

Разъясняя эту проблему в свете проводимого им в «письмах об историческом материализме» анализа диалектики базиса и надстройки, Энгельс подчеркивал, что литературное и художественное развитие не может быть непосредственно выведено из экономики. Основанное в конечном счете на экономическом развитии, оно испытывает на себе влияние других сфер общественной жизни. Вместе с тем оно само оказывает определенное воздействие на экономический базис, составляя одно из идеологических условий, в рамках которых осуществляется экономическая деятельность людей.

Большое внимание в этой связи Энгельс уделил методологии классового подхода к художественному творчеству, критике его вульгарно-социологических интерпретаций, которые отдельные примкнувшие к социал-демократии литераторы и публицисты, в частности, члены группы «молодых», пытались выдать за марксизм.

Как вульгаризацию материалистического понимания истории Энгельс расценил, в частности, статьи П. Эрнста, посвященные норвежской литературе, где образы, созданные в произведениях ее классиков (Ибсена, Бьернсона и др.), трактовались как выражение отчаяния норвежского мещанства, бессильного остановить ход капиталистического развития, подрывающего устои его жизни и основы его экономического существования.

Разбирая взгляды П. Эрнста в письме к нему (1890), Энгельс указывал на основные методологические пороки вульгарного социологизма в эстетике — сведение всего содержания художествен-

[1] Энгельс — Минне Каутской, 26 ноября 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 333.

ного творчества к «классовым определениям»; метафизическое понимание классов как неких абстрактных универсалий, в которых, по существу, растворяется все национальное и историческое своеобразие художественной культуры; схематизм теоретического мышления, ограничивающий все задачи эстетического исследования одной — подведением рассматриваемых художественных явлений под ту или иную социологическую категорию. Материалистическое понимание истории, доказывал Энгельс, при этом превращается в свою противоположность. Оно теряет значение методологической основы исторического исследования (в данном случае — исследования художественного процесса) и превращается в набор готовых шаблонов, по которым кроятся и перекраиваются факты.

Разъясняя П. Эрнсту его ошибки, Энгельс показал, как следует применять марксистский метод к конкретным явлениям духовной жизни. Своеобразие национальной культуры, сущность определенного направления в искусстве или творчестве отдельного художника, по Энгельсу, могут быть раскрыты только в конкретно-историческом анализе. Подчеркивая основополагающее значение классового подхода для оценки художественного творчества, Энгельс в то же время указывал, что классы в данном случае надо брать не вообще (что характерно для вульгарно-социологического подхода), а как классы совершенно определенного общества (немецкого, норвежского и т. п.), взятого в известный, исторически своеобразный момент его развития.

При этом главной задачей исследователя-марксиста становится выявление не только «классового генезиса» тех или иных значительных явлений художественной культуры, но и их общечеловеческого содержания. «Мещане они или не мещане,— пишет, в частности, Энгельс, возражая П. Эрнсту, определявшему норвежскую литературу XIX века как мещанскую,— но эти люди создают гораздо больше, чем другие, и накладывают свою печать также и на литературу других народов...» [1]

Вопрос о том, как, почему и при каких условиях классовая культура оказывается способной в той или иной степени выражать общечеловеческие ценности, Энгельс также рассматривал как проблему, разрешающуюся конкретно-историческим исследованием. Так, объясняя причины, по которым мелкобуржуазная Норвегия пережила во второй половине XIX века большой подъем в области художественной культуры, тогда как, например, в Германии мелкобуржуазная среда не смогла стать питательной почвой для значительных достижений в художественном творчестве, хотя она и наложила большой отпечаток на национальную культуру в целом, Энгельс в частности ссылался на такие особенности исторического развития первой, как отсутствие крепостного права, сильные демократические традиции и т. п. Если в Германии

[1] Энгельс — Паулю Эрнсту, 5 июля 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 351.

мелкая буржуазия была плодом потерпевшей поражение революции, прерванного и обращенного вспять развития, что вело к духовной деградации данного класса, то в Норвегии она, напротив, складывалась в ходе нормального (хотя и замедленного в сравнении с ведущими европейскими государствами) поступательного движения общества.

Развивая эстетическую концепцию марксизма в контексте дальнейшей разработки материалистического понимания истории, Энгельс рассмотрел также методологически очень важный вопрос об освоении в искусстве универсальных качеств человека как суверенного деятельного существа. Эти качества, разумеется, выражены конкретными социальными типами, существующими в совершенно определенной социальной обстановке. Так, в произведениях норвежской литературы видим преимущественно жизнь мелкой и средней буржуазии. Но в данном случае для Энгельса важно не только и, может быть, не столько это, сколько то, что это мир, где действуют люди, наделенные инициативой, самостоятельностью, сильным характером. Показательно, что, характеризуя общественную среду, жизнь которой отразила норвежская литература XIX века, Энгельс специально обратил внимание на меру ее общечеловеческой универсальности. Он писал, что норвежский мелкий буржуа воспитан демократическими традициями страны, не знавшей крепостничества, «и вследствие этого он — *настоящий человек* по сравнению с вырождающимся немецким мещанином» [1]. Именно с этим, по мысли Энгельса, в значительной мере и связаны выдающиеся достижения норвежских писателей XIX века.

На конкретном материале норвежской литературы Энгельс, по сути, выявил одну из важнейших закономерностей художественного процесса вообще: взлеты художественной культуры происходят тогда, когда художник находит в социальной реальности адекватный гуманистической сущности искусства предмет отражения.

Разработка вопросов атеизма и религии

В конце 70-х, в 80—90-х годах XIX столетия Энгельс посвящает проблемам религии и атеизма несколько специальных статей. Затрагиваются эти темы и в ряде его крупных произведений. Анализ этого наследства показывает преемственность основных идей, связанных с религией и атеизмом в ранних и более позднего периода работах Маркса и Энгельса. Эти идеи получают развитие и конкретизацию прежде всего в произведениях Энгельса 70—80-х годов. В работах «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» автор останавливается на определении сущности и социальной природы религии, на выяснении ее общественных, гносеологических и психологических корней, дает классификацию религиозных форм, просле-

[1] См.: Энгельс — Паулю Эрнсту, 5 июня 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 352—353.

живает их эволюцию от первоначальных верований до развитых мировых религий, проводит исследование генезиса и развития идеи бога, становления и содержания монотеизма.

Общефилософские исследования Энгельса внесли существенный вклад в атеистическую пропаганду также разработкой категорий диалектики, раскрытием механизмов самодвижения и саморазвития мира, учением о его материальном единстве, характеристикой значения прогресса естествознания, научной картины мира для обоснования и подтверждения материалистических мировоззренческих выводов.

Характеристике раннего христианства, его идейным источникам посвящены статьи Энгельса 80—90-х годов: «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» (1882), «Книга откровения» (1883), «К истории первоначального христианства» (1894—1895). В этих произведениях Энгельс развивает и обогащает известные положения марксизма об отсутствии у религии собственной, отличной от «этого» мира истории, самостоятельного и первичного в отношении земного бытия царства трансцендентных религиозных сущностей, «вечных божественных истин» и т. п. Он рассматривает религию как особый вид идеологии, хотя и «более высокого порядка» [1], в смысле «отлета» от материальных основ жизни общества, но тем не менее генетически и функционально связанной с историческими условиями существования людей.

Останавливаясь во многих своих работах, письмах на вопросе об относительно самостоятельном характере идеологических образований, их активности, об обратном влиянии надстройки на базис, идеологии на экономику, политику, общественную жизнь, различные сферы общественного сознания, Энгельс в полном объеме относит все это и к религии. Более того, как показывает практика, подобное религиозное влияние может быть столь значительным, что внешне выглядит «определяющим», «первичным» в отношении социальной действительности. На отмеченной аберрации восприятия Энгельс не раз подробно останавливался, в частности, в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», анализируя сущность идеалистического подхода Л. Фейербаха к содержанию крупных переворотов в общественной жизни, происходящих, с точки зрения последнего, от религиозных «революций». Причины и следствия в подобной интерпретации попросту меняются местами [2].

В период 80—90-х годов Энгельс продолжает особое внимание уделять анализу значения и роли, которые в различные исторические эпохи принимают в обществе атеизм и религия. Он продолжает линию критики традиционного клерикально-теологического тезиса «все (хорошее) — от религии», обозначенную еще

[1] См.: *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 312.
[2] См. там же. С. 294.

в ранних работах его и Маркса. Этот же тезис, по существу, был принят на вооружение и многими представителями буржуазного атеизма и антиклерикализма, только знак поменялся с плюса на минус: «все общественные беды, теневые стороны жизни людей — от религии».

Энгельс на ряде конкретных примеров показывает, что «обратное влияние» религии и атеизма может носить совершенно неоднозначный характер, априорный подход к оценке которого означал бы грубое нарушение основных принципов научного исследования. Так, Энгельс прекрасно видел и учитывал то обстоятельство, что религию, религиозные средства и формы могут использовать в своих целях различные, даже противоположные классы, общественные группы и движения, как реакционные, так и прогрессивные. И так же как религия, столь же неоднозначными в своих социальных проявлениях способны стать материализм и атеизм.

Очень характерно в этом отношении введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке», написанное в 1892 году. В нем Энгельс анализирует различия в использовании религии и атеизма, а также материализма, в своих классовых интересах идеологами буржуазии Англии и Франции в эпоху их борьбы с феодальными институтами, освящаемыми церковью. Если «ставка» французских просветителей была сделана на материализм и приближающийся к атеизму деизм, то английские буржуа всецело надеялись на религиозные средства идеологической борьбы и в кальвинизме, как писал Энгельс, нашли «себе готовую боевую теорию» [1]. Вместе с тем идеи материализма и «проатеистического» деизма в Англии были тесно связаны с антибуржуазным политическим направлением аристократии, занимая в тот исторический период соответствующее место в развитии классовых битв на острове. «Вот почему,— отмечает Энгельс,— в противоположность материализму и деизму аристократии, именно протестантские секты, которые доставляли и знамя и бойцов для борьбы против Стюартов, выставляли также главные боевые силы прогрессивного среднего класса...» [2]

Материализм, перекочевав во Францию, становится там теоретическим знаменем Великой французской буржуазной революции. Она явилась именно тем «восстанием буржуазии... которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды и в котором борьба была проведена на открыто политической почве» [3].

Парадокс ситуации, таким образом, заключался в том, что один и тот же класс в различных обстоятельствах, в различных

[1] См.: *Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 308.
[2] Там же. С. 311.
[3] См. там же.

общественно-исторических и национальных условиях брал на вооружение противоположные по мировоззренческим основаниям учения. Как пишет Энгельс, «чем больше материализм становился символом веры французской революции, тем крепче богобоязненный английский буржуа держался своей религии», открыв скоро «в этой религии также средство для того, чтобы обрабатывать сознание своих естественных подданных и делать их послушными приказам хозяев» [1].

Проводя историко-философский анализ развития и преемственности идей свободомыслия и атеизма как составной части гуманистической традиции и общекультурного прогресса человечества, Энгельс прослеживает, как в XIX веке революционный характер материализма и атеизма был воспринят растущим рабочим движением на континенте, когда западноевропейская буржуазия стала решительно открещиваться от прежних материалистических философских и антирелигиозных воззрений [2]. Однако «дальновидность» английского буржуазного класса оказалась довольно относительной: с развитием рабочего движения в Британии некоторые его направления принялись успешно использовать в своих целях «привычные» религиозные формы пропаганды, а именно развивать радикальные элементы «раннехристианской классовой борьбы», что в состоянии «в один прекрасный день... доставить немало тревог богатым людям», тратящим «из года в год тысячи и десятки тысяч на проповедование евангелия низшим сословиям» [3]. Вместе с тем в ряде других своих работ данного периода Энгельс размышляет над причинами, по которым, как он считает, современное ему христианство в целом теряет способности впредь служить идеологической маскировкой для прогрессивных общественных устремлений какого-либо класса [4], по крайней мере в той степени, в какой это наблюдалось в раннем христианстве, в средневековых массовых еретических выступлениях.

В связи с этим чрезвычайно интересен анализ содержания идей первоначального христианства, исследование тех любопытных аналогий, которые оно имеет с социалистическим движением XIX века в Европе. Энгельс обнаруживает немало таких точек соприкосновения: широкая социальная база революционного движения угнетенных; основная тема — тема освобождения от рабства и нищеты; противопоставление себя «старому миру», его ценностям, объявляемым ложными; общие судьбы в преследованиях и гонениях, вопреки которым, а часто и благодаря им и христианство, и социализм победоносно прокладывали себе путь к победе;

[1] См.: *Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 313, 310.
[2] См. там же. С. 318.
[3] См. там же. С. 315, 314.
[4] См.: *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Там же. Т. 21. С. 315.

наличие сходных «бытовых» проблем, трудностей, внутренних противоречий.

Энгельс специально останавливается на проблеме эволюции идеологии рабов и угнетенных, позволившей ей на первом этапе развития стать эффективным выразителем массового протеста против гнетущих общественных условий, а впоследствии переродиться до такой степени, чтобы оказаться признанной государственной религией римской мировой империи: ценой этого была утеря христианством первоначального революционно-демократического настроя, радикального социального критицизма.

При всей внешней схожести и даже близости духу социализма ранняя христианская религия принципиально отличалась от него в определении путей осуществления задач освобождения. «...Это христианство...— пишет Энгельс,— хотело осуществить социальное переустройство не в этом мире, а в мире потустороннем, на небе, в вечной жизни после смерти, в «тысячелетнем царстве», которое должно-де было наступить в недалеком будущем» [1]. Проведя содержательный социально-исторический анализ состояния Римской империи эпохи первых христиан, Энгельс приходит к заключению, что тогда и даже гораздо позднее, вплоть до XVII века, утешение могло выступить только в религиозной форме [2]. Особое внимание Энгельс уделяет разбору одного из самых первых, как он пишет (опираясь на данные современных ему ученых), источников христианства — Откровения Иоанна Богослова. Этот документ ясно показывает, насколько далеко отстоит первоначальная христианская идеология от ее победившего в империи варианта. Его автор не имеет даже отдаленного понятия о том, что он «представитель совершенно новой фазы развития религии, фазы, которой предстояло стать одним из революционнейших элементов в духовной истории человечества», «одним из величайших элементов революции» [3]. В Откровении «нет ни догматики, ни этики позднейшего христианства; но зато есть ощущение того, что ведется борьба против всего мира и что эта борьба увенчается победой; есть радость борьбы и уверенность в победе, полностью утраченные современными христианами и существующие в наше время лишь на другом общественном полюсе — у социалистов» [4].

Не меньше, чем анализ «взаимоотношений» христианства и социализма в ретроспективном, историческом плане Энгельса занимает вопрос о перспективах эволюции и судьбе христианства, вообще религии в будущем социалистическом обществе. Эта проб-

[1] *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 468.
[2] См.: *Энгельс Ф.* Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Там же. Т. 19. С. 313.
[3] См.: *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 478; *Энгельс Ф.* Книга Откровения // Там же. Т. 21. С. 10.
[4] *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства // Там же. Т. 22. С. 478.

лема приобретала чрезвычайную актуальность и важность потому, что некоторые идеологи мелкобуржуазного социализма (О. Бланки, Е. Дюринг и др.), восприняв худшие традиции буржуазного атеизма и антиклерикализма, настойчиво пропагандировали в рабочем движении тезис об административном насильственном «запрещении» религии социалистическим государством, о необходимости проведения «политической войны» с религией и т. п.

Несомненен вред подобных установок, игнорирующих существование социальной базы воспроизводства религии и при социализме, и способных при их проведении только укрепить религиозные настроения в массах, увенчивая религию ореолом мученичества [1]. Энгельс поэтому высоко оценил такие решения Парижской коммуны, как проведение в жизнь принципа свободы совести, гласящего, что *«по отношению к государству* религия является просто частным делом» [2], и отстаивал положение о необходимости полного отделения церкви от государства и школы от церкви [3]. Другим центральным принципом научного отношения социалистов к религии ставилось требование подчинения атеистической воспитательной работы общим целям общепролетарского дела, объединения для его успеха верующих и неверующих людей, что получило впоследствии дальнейшее развитие в известных работах Ленина, посвященных анализу темы «социализм и религия».

3. АНАЛИЗ ЭНГЕЛЬСОМ НОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ КАПИТАЛИЗМА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В конце XIX века в развитии экономики капитализма наметились новые черты: получили широкое и повсеместное распространение акционерные общества, происходило образование капиталистических монополий, усилилась роль биржи. В то же время наряду с этими изменениями в экономическом строе буржуазного общества и в связи с ними возрастала неравномерность экономического развития капиталистических стран, обострялась конкуренция на мировом рынке. В последние десятилетия XIX века отмеченные тенденции экономического развития приобрели достаточно отчетливый характер, ясно обозначились рост их значения в жизни капиталистического общества, усиление их влияния на отношения классов буржуазии и наемных рабочих. Стало настоятельной необходимостью исследование этих явлений с позиций научного мировоззрения, под углом зрения перспектив развития революционной борьбы рабочего класса. Разработка

[1] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. Т. 20. С. 330.

[2] *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 195.

[3] См.: *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Там же. С. 240.

этих сложнейших проблем Энгельсом — его выдающийся вклад в творческое развитие пролетарской политической экономии.

Важно отметить, что Энгельс анализировал эти изменения, рассматривая их как бы с двух сторон. С одной стороны, и это главное направление анализа, он исследовал их, выявляя то новое, что появляется в экономической системе капитализма и развивается в экономике всех крупнейших буржуазных держав того времени; с другой — он анализировал новые явления, возникшие в международных экономических отношениях, в частности, в отношениях этих держав на мировом рынке. В этих двух аспектах рассмотрения изменений в экономике нашли отражение две стороны объективного процесса развития капитализма в конце XIX века.

Развитие акционерных обществ и изменение роли капиталистов

Энгельс в произведениях 80—90-х годов глубоко исследовал новое в распространении акционерной формы предприятий, уделив особое внимание росту значения акционерных обществ в социально-экономической жизни буржуазного общества.

Следует отметить, что Маркс и Энгельс и ранее анализировали образование и роль акционерных обществ. Наибольший вклад в разработку этих проблем внес Маркс, подытожив свои исследования акционерной формы в рукописи 1864—1865 годов. Маркс глубоко раскрыл сущность акционерных обществ как формы централизации капитала, позволяющей достичь такого колоссального расширения масштабов производства и создать такие крупные предприятия, которые были бы невозможны для отдельного капитала [1]. Зарождение акционерных обществ Маркс связывал с развитием кредита, в особенности подчеркивая значение развития государственных займов, торговли ценными бумагами и возникновения на этой основе крупной денежной буржуазии, финансовой аристократии. Выявляя основы распространения акционерной формы предприятий, он указывал на необходимость громадных капиталовложений в связи с развитием железнодорожного транспорта, морского судоходства и т. д. Маркс считал важнейшей экономической особенностью акционерных обществ то, что в последних функционирующие капиталисты превращаются в простых управляющих, которые распоряжаются чужими капиталами, а собственники капитала — в чистых собственников, в чистых денежных капиталистов, и, таким образом, капитал как собственность совершенно отделяется от капитала-функции. Он доказывал, что в акционерных компаниях капитал, покоящийся на общественном способе производства и предполагающий общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, приобретает непосредственную форму общественного капитала в противоположность частному капиталу [2]. В этом он видел «упразднение

[1] См.: *Маркс К.* Капитал. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 641—642; *Маркс К.* Капитал. Том третий // Там же. Т. 25, ч. 1. С. 479.

[2] См. там же. Т. 25, ч. 1. С. 479.

капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства»[1].

Подытоживая свой анализ акционерных обществ, Маркс сделал важнейший вывод о том, что они составляют «необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции»[2]. Основное содержание этих идей было известно Энгельсу еще до начала его работы над изданием II и III томов «Капитала». В ряде произведений, опубликованных в 80-е годы и позднее, Энгельс высказывал аналогичные положения, развивая Марксово и свое понимание акционерных обществ. Вместе с тем он также рассмотрел и возникавшие в эти годы новые особенности их развития.

Энгельс анализировал проблемы, связанные с распространением акционерных обществ, в ряде произведений, среди которых «Социализм г-на Бисмарка» и «Развитие социализма от утопии к науке» (1880), «Общественные классы — необходимые и излишние» и «Хлопок и железо» (1881), «Протекционизм и свобода торговли» (1888), «Отставка буржуазии» (1889), «К критике проекта социал-демократической программы» (1891), «Биржа» (дополнительные замечания к III-му тому «Капитала», 1895) и др.

Рассматривая распространение акционерных обществ в крупнейших державах того времени, Энгельс с особым вниманием изучал связь этого процесса с другими явлениями в капиталистической экономике. Он показывал, что предпосылкой роста акционерных компаний является наличие масс свободного денежного капитала, в связи с чем организация этих компаний сопровождается учредительской и спекулятивной горячкой, что ведет к перераспределению капитала между капиталистами и к усилению роли крупнейших банкиров.

В частности, Энгельс показал это на примере Германии, где в начале 70-х годов в условиях циклического подъема крупные массы свободного в денежной форме капитала, размеры которого дополнительно были увеличены за счет миллиардов французской контрибуции, «попали в руки крупных финансистов, поспешивших извлечь из них выгоду на бирже»[3]. В результате возникла настоящая горячка учредительства акционерных обществ

[1] *Маркс К.* Капитал. Том третий // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1. С. 479.
[2] Там же. С. 480.
[3] *Энгельс Ф.* Социализм г-на Бисмарка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 177.

в промышленности и транспорте, акционерных банков и кредитных учреждений, «для которых внешняя форма промышленных предприятий была в действительности только предлогом для самого бесстыдного ажиотажа»[1], то есть для биржевой спекуляции крупнейших банкиров, и в итоге «непомерная спекуляция завершилась всеобщим крахом»[2]. На примере этих событий Энгельс указал на неизбежность кризиса и раскрыл механизм воздействия горячки учредительства акционерных обществ на подготовку кризиса. В частности, он писал об увеличении в короткий срок средств производства и сообщения, заводов и железных дорог, созданных для того, чтобы биржевики имели возможность спекулировать акциями этих предприятий, прикрываясь так называемой общественной потребностью в расширении промышленности и транспорта. В результате этого раздувания производства в интересах спекуляции акциями в ходе разразившегося кризиса «оказалось, что далеко превзойдены пределы той общественной потребности, которая служила предлогом для этого; что за четыре года было создано больше железных дорог, заводов, копей и т. д., чем было бы создано при нормальном развитии промышленности за четверть века»[3]. Таким образом, горячка учредительства и соответственный форсированный рост акционерных предприятий ведут, как показал Энгельс, к усилению диспропорций между капиталистическим производством и потреблением[4].

Вместе с тем он разъяснял, что акционерные общества являются необходимой формой развития производительных сил, в особенности железнодорожного транспорта, морского пароходства, а также горнодобывающей и металлургической промышленности. Рассматривая рост акционерных предприятий и увеличение их размеров, Энгельс писал в 1881 году, что «учреждение акционерных компаний — превращение крупных частных предприятий в общества с ограниченной ответственностью стало лозунгом дня в последнее десятилетие и даже раньше»[5]. Он показывал, что экономическое развитие буржуазного общества ведет к концентрации, к обобществлению производства в огромных акционерных предприятиях, и на этой основе делал вывод о том, что «производство, которое ведется *отдельным* предпринимателем... уже все больше и больше становится исключением»[6]. Позднее,

[1] *Энгельс Ф.* Социализм г-на Бисмарка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 178.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] См. там же. С. 177—178.
[5] *Энгельс Ф.* Общественные классы — необходимые и излишние // Там же. С. 298.
[6] *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Там же. Т. 22. С. 234.

уточнив, что со времени кризиса 1866 года происходило быстрое распространение акционерной формы предприятия в промышленности, Энгельс развернул это положение. Он, в частности, указывал на опережающий рост накопления капитала по сравнению с увеличением размеров производства, что высвобождало массы денежных капиталов и было конкретной причиной ускорившегося образования акционерных обществ, явившихся формой применения этих капиталов в промышленности, транспорте, торговле и банках. Он также отметил такой важный фактор развития этого процесса, как повсеместное распространение новых законодательных форм для общества с ограниченной ответственностью акционеров. Осмысливая эти новые стороны прогресса акционерной формы, Энгельс обосновал вывод о том, что «единоличная фирма все более и более становится только предварительной ступенью, подготовляющей предприятие к тому моменту, когда оно будет достаточно велико, чтобы на его основе «учредить» акционерное общество» [1].

Анализируя распространение акционерной формы предприятий, Энгельс сформулировал важнейшую проблему изменения экономической функции капиталистического класса. Он, в частности, ставил вопрос о том, продолжает ли этот класс выполнять свою «функцию руководителя общественного производства, расширяющего его в интересах всего общества в целом?» [2]

Отмечая, что все большее число различных промышленных, транспортных и торговых предприятий, все большая часть производительных сил общества переходит в собственность акционерных компаний, он обосновывал вывод о том, что размер огромных предприятий достиг такого уровня, когда отдельные капиталисты уже не могут ими руководить. Он показывал, что в акционерных компаниях управление находится в руках наемных служащих, к которым перешло выполнение экономической функции капиталистов как руководителей производства [3], и тем самым капиталист вытесняется из производства как олицетворение капитала-функции. Энгельс пояснял, что «акционерные общества уже доказали, до какой степени лишним является буржуа как таковой, потому что все управление ведется наемными служащими» [4].

В связи с этим Энгельс исследовал изменения, происходившие внутри буржуазного класса, проанализировал новые черты капиталиста как собственника. В частности, он разъяснял, что вследствие перехода предприятий в собственность акционерных обществ капиталист становится акционером, собственником акций. В соответствии с этим капиталист приобретает новые

[1] *Энгельс Ф.* Биржа // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 485—486.
[2] *Энгельс Ф.* Общественные классы — необходимые и излишние // Там же. Т. 19. С. 297.
[3] См. там же. С. 297, 298.
[4] Энгельс — Августу Бебелю, 16 мая 1882 г. // Там же. Т. 35. С. 268.

функции: во-первых, получение доходов по акциям, то есть дивидендов, и, во-вторых, еще одну — «спекулировать своими акциями на бирже» [1]. В своем анализе Энгельс наряду с этими изменениями показал связанное с ними сосредоточение огромных капиталов в собственности крупнейших денежных капиталистов, влияние которых все более расширялось и повышалось на основе развития акционерных обществ. Рассматривая конкретные данные как доказательство быстрого роста концентрации капитала в Америке, он на этой основе делал выводы об усилении власти богатства, упрочении союза биржи и правительства, возрастании могущества «денежных тузов», крупнейших финансистов [2].

Анализ Энгельсом образования капиталистических монополий

В дополнениях к 4-му немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» (1891), в добавлениях и примечаниях к III тому «Капитала», вышедшему в свет в 1894 году, а также в ряде статей и писем Энгельс, проанализировав новые явления в экономике капитализма конца XIX века, уделил особое внимание образованию капиталистических монополий. Монополии стали одной из основ хозяйственной жизни капиталистического общества в начале XX века, переход от капитализма свободной конкуренции к империализму при жизни Энгельса еще не завершился, и поэтому он не мог дать теоретического исследования новой монополистической стадии развития капитализма. Эта задача была решена впоследствии Лениным, творчески развившим учение марксизма применительно к условиям новой эпохи. Вместе с тем, Энгельс, внимательно изучавший процессы, происходившие в экономической жизни капиталистического общества, глубоко исследовал видоизменения капитализма в конце XIX века и сумел поэтому предугадать в известной степени некоторые черты империалистической эпохи [3].

Раскрывая значение промышленных монополий — картелей и трестов, Энгельс видел в них выражение того факта, что «быстро и значительно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которых должно совершаться их движение» [4]. Объективно оценивая недостаточную прочность картелей и трестов того времени, нередко распадавшихся в ходе кризисов перепроизводства, он вместе с тем верно указал, что образование монополий — процесс, соответ-

[1] *Энгельс Ф.* Общественные классы — необходимые и излишние // Там же. Т. 19. С. 298.
[2] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 172; Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 3 мая 1882 г. // Там же. Т. 35. С. 263.
[3] См.: *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 67.
[4] *Маркс К.* Капитал. Том третий // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1. С. 133—134 (примеч.).

ствующий законам капиталистического производства, и, в частности, писал о трестах как «новой форме производства»[1].

Энгельс рассматривал монополии конца XIX века как результат и форму развития обобществления производства при капитализме. Он показал, что картели и тресты возникали и развивались вследствие усиления противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением, проявляющегося в кризисах перепроизводства. Углубление этого противоречия между уровнем развития производительных сил и капиталистическими производственными отношениями приводит к тому, что мощно растущие производительные силы делают все более настоятельной необходимостью фактическое признание их общественного характера, принуждают класс капиталистов обращаться с ними как с общественными производительными силами. Показав, что это ведет к обобществлению больших масс средств производства в форме акционерных обществ[2], Энгельс обосновывал вывод о том, что «на известной ступени развития становится недостаточной и эта форма; все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один «трест», в союз, с целью регулирования производства»[3].

Таким образом, образование картелей и трестов рассматривалось им как выражение более высокого уровня обобществления производства, по сравнению с акционерной формой предприятий. В частности, картели и тресты оценивались как «новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества»[4].

Анализируя такую форму монополии, как картель, в которой объединяются крупные промышленники определенной отрасли для регулирования производства, Энгельс подметил также и закономерность замены этой формы монополий более высокой. Он разъяснял, что «этой формы обобществления производства (картелей.— *Ред.*) оказалось мало. Противоположность интересов отдельных фирм слишком часто взрывала их союз и снова восстанавливала конкуренцию. Тогда пришли к тому, что в отдельных отраслях, где это позволяла данная ступень развития производства, стали концентрировать все производство этой отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество под единым руководством»[5]. Разъясняя свой вывод, он ссылался, как на пример такой концентрации, на организацию треста в химической промышленности Англии. Энгельс отмечал, что тенденция движения централизации капитала к своему пределу — соединению всех капиталов отрасли в один капитал, находит выражение в трестах, которые «стремятся к этой цели, стараясь объединить, по меньшей мере, все крупные предприятия той или иной отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество с фактической монополией»[1].

[1] *Энгельс Ф.* Предисловие к четвертому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 213.
[2] *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Там же. Т. 19. С. 220—221.
[3] См. там же. С. 221.
[4] *Маркс К.* Капитал. Том третий // Там же. Т. 25, ч. 1. С. 480.
[5] Там же. С. 481.

Выявляя причины возникновения монополий, Энгельс конкретно исследовал различные факторы образования картелей и трестов. В частности, он отмечал усиливавшееся несоответствие быстро растущего производства и непоспевающего за ним объема рынка, показал присоединившееся к этому действие запретительных пошлин, что дополнительно повышало объем производства. Энгельс писал, что «следствием этого являются общее хроническое перепроизводство, низкие цены, падающая и даже вовсе исчезающая прибыль; словом, издавна прославленная свобода конкуренции находится при последнем своем издыхании и должна сама признаться в своем явном скандальном банкротстве»[2]. Банкротство свободной конкуренции выразилось, по мысли Энгельса, в том, что промышленники целых крупных сфер производства стали объединяться в картели и тресты для регулирования производства, а следовательно и для того, чтобы регулировать цены и прибыль[3]. Монополии возникают, таким образом, потому, что производство нуждается в регулировании, а свободная конкуренция оказывается уже неспособной обеспечить его функционирование. В своем анализе Энгельс раскрывал сущность замены конкуренции монополией в картелях и трестах. Он писал, что «в трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов»[4]. В дальнейшем Энгельс развил это положение, разъяснив, что когда переходят «к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство*, но и *отсутствие планомерности*»[5]. Именно это положение Энгельса высоко оценил Ленин, указывая, что «здесь взято самое основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т. е. империализма, именно, что капитализм превращается в монополистический *капитализм*»[6].

[1] *Маркс К.* Капитал. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 641 (примеч.).
[2] *Маркс К.* Капитал. Том третий // Там же. Т. 25, ч. 1. С. 480—481.
[3] См. там же. Т. 25, ч. 1. С. 134 (примеч.).
[4] *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Там же. Т. 19. С. 221.
[5] *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Там же. Т. 22. С. 234.
[6] *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 67—68.

Исследуя взаимоотношение конкуренции и монополии, Энгельс показал связь развития монополии из конкуренции с кризисами. Он доказывал, что отступление конкуренции на рынке перед картелями и трестами, иными словами, образование монополий и рост их значения является одним из элементов, противодействующих повторению кризисов, но в то же время носит зародыш более сильного кризиса в будущем [1].

Энгельс также глубоко и всесторонне исследовал то стимулирующее воздействие на процесс образования монополий, которое оказывали система запретительных пошлин и обострение конкуренции на мировом рынке, развивавшиеся в конце XIX века в связи с усилением неравномерности экономического развития капиталистических стран. Он отмечал, что неравномерность экономического развития капиталистических стран проявилась в тот период в потере Англией промышленной монополии, замедленном развитии Франции и в бурном росте промышленности США, а также Германии [2]. Он указывал на обострение конкуренции между капиталами этих стран, обращая внимание на то, в частности, что американский капитал начал проникать в сферы влияния старых капиталистических стран — Англии и Франции. В связи с этим он подчеркивал, что конкуренция между державами приведет к еще небывалой промышленной борьбе [3]. Энгельс не только показал, что протекционизм способствовал монополизации производства и обмена, но также исследовал усиливающиеся противоречия как между разоряющимися мелкими производителями и растущими монополиями, так и между последними и потребителями [4]. Энгельс писал в конце 1892 года, что «протекционистская система служила последние годы лишь средством разорения мелких производителей под давлением крупных, объединившихся в картели и тресты, и предоставляла этим последним, то есть организованной монополии, распоряжаться рынком и тем самым — эксплуатировать потребляющую часть нации» [5]. Свидетельством глубины понимания Энгельсом сущности процессов монополизации, развернувшихся в конце XIX века, является то, что он уже в конце 80 — начале 90-х годов указывал на появление международных монополий, которые едва только наметились в тот период [6].

[1] См.: Энгельс — Рудольфу Мейеру, 19 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 89; *Маркс К.* Капитал. Том третий // Там же. Т. 25, ч. 2. С. 32.

[2] См.: Энгельс — Генри Демаресту Ллойду, 27 мая 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 50. С. 484.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Президентские выборы в Америке // Там же. Т. 22. С. 347.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Протекционизм и свобода торговли // Там же. Т. 21. С. 383—386.

[5] *Энгельс Ф.* Президентские выборы в Америке // Там же. Т. 22. С. 347.

[6] См.: *Энгельс Ф.* Протекционизм и свобода торговли // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 383; *Маркс К.* Капитал. Том третий // Там же. Т. 25, ч. 1. С. 481.

Следующую за монополизацией более высокую ступень обобществления производства Энгельс видел в огосударствлении средств производства и сообщения, в превращении их в собственность буржуазного государства. Он считал, что в конце концов следом за монополиями «государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство производством» [1]. Превращение производительных сил в собственность буржуазного государства, экономическая неизбежность их огосударствления возникают лишь когда средства производства действительно перерастут управление акционерных обществ, монополий. И только тогда огосударствление «будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы» [2]. Энгельс прозорливо решал вопрос об огосударствлении средств производства, возникающем уже при капитализме, в связи с необходимостью для класса капиталистов охранять общие внешние условия капиталистического способа производства от посягательства как рабочих, так и отдельных капиталистов [3].

Энгельс доказывал, что огосударствление не меняет системы эксплуатации наемных рабочих капиталистами, что капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до высшей точки. Он разъяснял, что в монополиях, как затем и в огосударствлении производства, эксплуатация наемного труда усиливается, в связи с чем противоречия буржуазного общества обостряются [4]. Из этого Энгельс делал верный вывод о необходимости социалистической революции. Он предполагал, что трудящимся будет нестерпима власть финансовой олигархии, паразитирующей на процессе централизации капитала. Он полагал, что «ни один народ не согласился бы долго мириться с производством, руководимым трестами с их неприкрытой эксплуатацией всего общества небольшой шайкой лиц, живущих стрижкой купонов» [5].

История, однако, показала, что прогноз Энгельса не оправдался. Капитализм в XX веке еще не исчерпал до конца своих возможностей развития, которые позволяют смягчать до определенной степени социальную напряженность.

Повышение роли биржи в капиталистической экономике конца XIX века

Энгельс предполагал дать обобщенную картину изменений капитализма в конце XIX века, дополнив III том «Капитала» анализом новой роли биржи, «учтя некоторые изменения в экономических отношениях после 1865 г., привести его в соответствие с современным положением» [6]. Об

[1] *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 221—222.

[2] Там же (примеч.).

[3] Там же. С. 222.

[4] См. там же. С. 223.

[5] Там же. С. 221.

[6] Энгельс — Конраду Шмидту, 6 апреля 1895 г. // Там же. Т. 39. С. 381.

основном содержании задуманного дополнения дает достаточно полное представление небольшой план-конспект статьи «Биржа» (1895, опубликован в 1932 году), которую Энгельс не успел написать. Этот план-конспект является как бы абрисом, общим контуром теоретического осмысления комплекса новых явлений в развитии экономики капитализма в тот период. В нем намечены основы научного обобщения новых форм и выявлены существенные связи главных изменений в буржуазном экономическом строе в преддверии XX столетия.

Первое, на что указал Энгельс,— это кардинальное изменение роли биржи, значение которой выросло в огромной мере после 1865 года. Он разъяснял, что тенденция повышения роли биржи, переставшей быть второстепенным элементом в капиталистической системе, состоит в концентрации в руках биржевиков всего производства и всего обращения, а также и собственности на землю через акции ипотечных банков. Таким образом, «биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства» [1]. Энгельс глубоко обосновал это положение, указав на значительный рост акционерных обществ и соответственное гигантское увеличение массы биржевых ценностей, среди которых существенно возросла доля акций.

Его анализ в какой-то мере предварил оценку новой роли банков и растущего значения банковских операций с ценными бумагами, что стало характерным позднее, когда завершился переход к империализму и когда сформировалось господство финансового капитала. Тем не менее его выводы относительно функций биржи во многом оправдались. Ленин высоко оценивал вклад Энгельса в разработку этого вопроса, и, в частности, указывал, что при империализме «власть биржи усиливается» [2]. Далее, развивая понятие финансового капитала как монополистического промышленного капитала, слившегося с банковым, Ленин специально разъяснил смысл положения об усилении роли биржи. Он писал, что «крупные банки сливаются с биржей, поглощая ее» [3], и когда говорят о падении роли биржи при империализме, то только в том смысле, что «всякий гигантский банк сам есть биржа» [4].

Исследованию роли биржи в буржуазной экономике в плане-конспекте предшествовал глубокий анализ этого вопроса, проведенный в других произведениях основоположников научного социализма. В частности, Энгельс в некоторых произведениях 80—90-х годов изучал различные стороны этой проблемы, а также сформулировал ряд важных положений о роли биржи в письмах этого периода.

[1] *Энгельс Ф.* Биржа // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 484.

[2] *Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 98.

[3] Там же.

[4] Там же.

Он показал связь развития акционерных обществ в промышленности и транспорте с превращением последних в объект биржевой спекуляции акциями. Он разъяснял, что биржа становится средоточием акционерных обществ и центром спекуляции, что в связи с этим изменением роли биржи усиливается власть богатства, упрочивается союз биржевиков и правительства [1].

Энгельс сформулировал также некоторые важные положения о функциях и значении биржи в ряде писем, разъясняя свое понимание этих вопросов. Он характеризовал биржу как «представленную во всей своей чистоте вершину нынешнего хозяйства», оценивая ее «как крайнее проявление капиталистической наживы» [2]. Особенно важным является глубокое осмысление Энгельсом сложнейших взаимосвязей производства и обращения, в особенности, соотношения развития капиталистической промышленности и процессов, происходящих на денежном рынке. Конкретно раскрывая их связь, он писал: «Как только торговля деньгами отделяется от торговли товарами, она приобретает — при известных условиях, определяемых производством и торговлей товарами, и в этих пределах — свое собственное развитие, имеет особые законы и фазы, которые определяются ее собственной природой» [3]. Разъясняя эту диалектическую взаимосвязь действительного капитала и денежного, он показал, что хотя денежный рынок, движение денежного капитала отражают движение промышленного рынка, выражают динамику производства и торговли, но отражают превратно, перевертывая действительные причинно-следственные связи, и это не только иллюзия восприятия или обман зрения. На определенном уровне развития торговли деньгами она начинает действовать как самостоятельная сила наряду с той основой, в виде функционирующего капитала, на которой она возникла и развилась. В связи с этим Энгельс писал о торговле деньгами, что она, как «новая самостоятельная сила, правда, в общем и целом должна следовать за движением производства, но она, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на условия и ход производства» [4] на основе постепенно развивавшейся ее относительной самостоятельности.

Важным вкладом в разработку этих проблем явился глубокий анализ Энгельсом взаимодействия производства и обращения, дви-

[1] См.: *Энгельс Ф.* Социализм г-на Бисмарка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 177—178, 181; *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. Т. 21. С. 172—173; *Энгельс Ф.* О содержании третьего тома «Капитала» // Там же. Т. 22. С. 456.

[2] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 10 февраля 1883 г. // Там же. Т. 35. С. 360.

[3] Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 415—416.

[4] Там же. С. 416.

жения функционирующего капитала и торговли деньгами, в котором учитывались изменения, происходившие в этой сфере буржуазной экономики в конце XIX века. Отмечая, что в дальнейшем развитии торговли деньгами последняя расширяется до торговли ценными бумагами, он рассмотрел последствия увеличения акций в составе ценных бумаг наряду с государственными бумагами.

Осмысливая это важное изменение в торговле ценными бумагами, Энгельс сформулировал вывод о том, что «торговля деньгами завоевывает, таким образом, прямое господство над частью производства, которое в общем и целом господствует над нею», и в связи с этим отмечал, что «обратное действие торговли деньгами на производство становится еще сильнее и сложнее» [1]. Значение этих положений проявляется в особенности в том, что Энгельс их высказал, принимая во внимание сравнительно новое обстоятельство, а именно то, что собственниками акционерных предприятий в промышленности и транспорте являются торговцы деньгами, то есть банкиры и биржевики. На этой основе он глубоко осмыслил двоякий характер, который приобрели средства производства, оказавшись в собственности «денежных тузов». Раскрывая эту двойственность средств производства, он писал: «...их работа должна приспособляться то к интересам непосредственного производства, то к потребностям акционеров, поскольку они же являются банкирами» [2]. Указывая на североамериканские железные дороги как на яркий пример этого двоякого характера предприятий, Энгельс высказался еще более определенно, отметив, что вся их работа зависит от биржевых операций крупнейших финансистов, то есть от «операций, совершенно чуждых деятельности отдельной дороги и ее интересам как средства сообщения» [3]. Такое новое положение и новые условия функционирования средств производства, ставших собственностью акционерных обществ и, соответственно, биржевиков и банкиров, могут вести — и на практике ведут,— как показывал Энгельс, к растрате колоссальных денежных капиталов «не в интересах производства и транспорта, а исключительно в силу соперничества, преследовавшего большей частью лишь цель облегчить биржевые операции торговцев деньгами, владеющих акциями» [4]. В связи с этим, развивая ранее сформулированные положения о превращении капиталиста в акционера, Энгельс в плане-конспекте статьи о бирже указал на рост массового слоя капиталистов, живущих доходами от ценных бумаг, то есть на рост слоя рантье [5].

Развивая эти положения об усилении роли биржи, ставшей

[1] Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 416.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] См.: *Энгельс Ф.* Биржа // Там же. Т. 25, ч. 2. С. 485.

средоточием акционерных обществ и центром спекуляции ценными бумагами, Энгельс показал рост ее воздействия на промышленность и торговлю товарами и, таким образом, фактически предвидел усиление паразитизма в ходе дальнейшего развития капитализма. Разумеется, Энгельс не мог дать анализа той роли финансистов и рантье, которую они приобрели в условиях господства финансового капитала. Но Энгельс предвосхитил многое в понимании этого явления в той мере, в какой наметились черты, характеризующие переход к империализму, как паразитическому капитализму.

В ряде писем Энгельс развивал свое понимание функций биржи, подчеркивая, что последняя изменяет распределение капиталов в сторону централизации. В частности, он писал, что «биржа мобилизует все полностью или наполовину бездействующие капиталы, притягивая их и быстро концентрируя в немногих руках» [1]. В дальнейшем, более подробно характеризуя биржу как учреждение, в котором капиталисты эксплуатируют не рабочих, а друг друга, он разъяснял, что «прибавочная стоимость, переходящая на бирже из рук в руки, является уже *произведенной* прибавочной стоимостью» [2], показывая тем самым, что биржа изменяет только распределение уже созданной прибавочной стоимости. Особенно важным высказыванием Энгельса по этим вопросам является его общая оценка исторической роли биржи, обосновывающая отношение пролетариата к ней. С этой стороны биржа рассматривалась Энгельсом «как ни с чем не сравнимый элемент разрушения и могущественнейший ускоритель грядущей революции» [3].

Анализируя тенденции развития капитализма конца XIX века, Энгельс также отмечал рост приложения капитала за границей в форме акций, распространение европейского капитала по всему миру, подчеркивал роль банков в этом процессе [4]. Он обратил внимание и на расширение колониальных захватов в конце XIX века. Так, в 1895 году Энгельс отмечал, что колонизация «ныне находится просто на службе биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку» [5]. Такая колонизация была характерна для 80-х и отчасти 90-х годов XIX века, она велась в интересах крупнейших биржевиков, финансовых спекулянтов, которые одновременно были нередко и

[1] Энгельс — Августу Бебелю, 7 марта 1883 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 378; ср.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 8 февраля 1883 г. // Там же. С. 359.
[2] Энгельс — Августу Бебелю, 24 января 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 12.
[3] Там же. С. 13.
[4] См.: *Энгельс Ф.* О некоторых особенностях экономического и политического развития Англии // Там же. Т. 22. С. 343; *Энгельс Ф.* Биржа // Там же. Т. 25, ч. 2. С. 486.
[5] *Энгельс Ф.* Биржа // Там же.

крупнейшими собственниками акционерных компаний [1]. Однако уже в 90-е годы началось усиление влияния крупнейших компаний, то есть монополий, на колониальную экспансию. В связи с этим Энгельс отмечал, что Африка, колонизованная европейскими державами, «прямо сдана в аренду» крупнейшим акционерным компаниям [2].

* * *

Своим замечательно глубоким и творческим исследованием некоторых тенденций развития капитализма конца XIX века Энгельс дал образец применения марксистского метода к анализу новых явлений в экономической жизни общества, продемонстрировал органически присущую марксизму способность развиваться, отвечая на новые проблемы, вставшие перед теорией.

Общая направленность Энгельсова исследования тенденций изменения экономики капиталистического общества выражена в том, что он анализировал обострение и углубление противоречий капитализма с точки зрения перспектив революционного преобразования последнего, однако эти перспективы он оценивал неверно, чересчур оптимистично.

За происходившими в конце XIX века видоизменениями в экономическом строе капитализма Энгельс с гениальной прозорливостью сумел разглядеть не только некоторые основные черты нарождавшейся эпохи империализма, но и создание материальных предпосылок социализма.

4. РАЗВИТИЕ ЭНГЕЛЬСОМ УЧЕНИЯ О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Развитие теории революционного перехода к социализму

В произведениях 90-х годов Энгельс уделял большое внимание теоретическим проблемам пролетарской революции, развитию ее предпосылок, формам революционной борьбы. В работах «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года», «Введение к «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.»» (1895), в обширной переписке с деятелями международного социалистического движения он конкретизировал свое и Маркса понимание перспектив революционного перехода к социализму.

Энгельс исходил из того, что развитие новых тенденций в капиталистической экономике, быстрый рост социалистического рабочего движения ускоряют процесс созревания объективных и

[1] См.: Энгельс — Карлу Каутскому, 18 сентября 1883 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 53; Энгельс — Августу Бебелю, 4 апреля 1885 г. // Там же. С. 251; Энгельс — Паскуале Мартиньетти, 30 марта 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 313.

[2] *Энгельс Ф.* Биржа // Там же. Т. 25, ч. 2. С. 486.

субъективных предпосылок социалистической революции. Исходя из этого, он допускал, что сама революция может произойти в ближайшие годы [1], подчеркивая, однако, что только совокупность всех необходимых объективных и субъективных предпосылок может привести к ней [2]. Оценивая перспективы социалистического переустройства общества в ближайшие годы, Энгельс констатировал: «...старое буржуазное общество может продолжать еще некоторое время свое существование, пока толчок извне не разрушит это гнилое здание. Такое прогнившее старое сооружение может еще продержаться несколько десятков лет после того, как по существу уже отживет свой век, если воздух останется спокойным» [3].

Подход Энгельса к анализу тенденций грядущей социалистической революции в 90-е годы свидетельствует о том, что ему была глубоко чужда идея «автоматического краха» капитализма. Именно в эти годы он обратился к детальному исследованию субъективных предпосылок пролетарской революции, связанных с готовностью широких масс к революции, их сплоченностью, сознательностью и организованностью.

В своем политическом завещании — «Введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»» (1895) [4] он специально рассмотрел вопрос об условиях успешности пролетарской революции. Ее успех, подчеркивал Энгельс, будет зависеть в первую очередь от того, удастся ли социалистам привлечь на свою сторону большинство рабочего класса, трудящегося крестьянства; пробудить в них сознание необходимости революционного переворота. «Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом

[1] См.: Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 16 января 1895 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 319—320.

[2] Видя нарастание элементов революционного кризиса в Европе, в частности разложение и противоречия в среде правящих классов, их вялость, нерешительность, растерянность властей, «расхлябанность управления» (см.: Энгельс — Августу Бебелю, 12 октября 1893 г. // Там же. С. 121), Энгельс не исключал возможности того, что в обстановке быстрого развития и серьезных успехов социал-демократии и рабочего движения эти явления могут уже в обозримом будущем создать благоприятные условия для победы пролетариата. Он советовал руководителям социалистических партий учитывать создавшиеся условия в своей практической деятельности (см.: Энгельс — Виктору Адлеру, 11 октября 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 116—117; Энгельс — Полю Лафаргу, 18 декабря 1894 г. // Там же. С. 291; Энгельс — Виктору Адлеру, 22 декабря 1894 г. // Там же. С. 293). Касаясь, например, положения в Австрии, в 1893 году он обращал внимание на два момента: во-первых, на то, что правящие круги фактически выпустили из-под контроля внутриполитическое положение в стране, во-вторых, на то огромное значение, которое приобрела высокая политическая активность партии пролетариата, что может оказаться решающим для завоевания политической власти (см.: Энгельс — Августу Бебелю, 12 октября 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 121—122).

[3] Энгельс — Августу Бебелю, 24—26 октября 1891 г. // Там же. Т. 38. С. 163.

[4] Эта последняя крупная работа Энгельса написана за шесть месяцев до его смерти.

участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью» [1]. В этой связи, указывал Энгельс, перед социал-демократией встают новые задачи в деле политического просвещения трудящихся: необходимо формирование у пролетариата, его возможных сторонников и союзников политической культуры (умение осознать классовые интересы, вести последовательную борьбу за свои политические цели, противостоять социальной демагогии буржуазии). Для осуществления этой задачи обязательны как кропотливая, в том числе и пропагандистская, работа, так и активная политическая деятельность, «необходима длительная настойчивая работа» [2].

В различных аспектах рассматривал Энгельс в работах 90-х годов роль сознания в процессе подготовки и осуществления коммунистического преобразования общества. Революцию в сознании масс он рассматривал как предпосылку социальной революции. «...Революция в головах рабочих...— писал Энгельс,—является залогом еще более мощной и всеобъемлющей революции во всем мировом порядке» [3].

Как известно, с самого начала своей деятельности Маркс и Энгельс исходили из признания гуманистической природы исторического движения к коммунизму. Хотя события революции 1848 года и Парижской коммуны 1871 года свидетельствовали, казалось бы, исключительно в пользу боевых насильственных действий пролетариата, осмысление этого опыта, соотнесение его с реальными социально-историческими условиями Западной Европы помогало основоположникам научного социализма в более широкой перспективе рассматривать дальнейшие задачи революционной борьбы рабочего класса, осуществление пролетарской революции. Размышляя над итогами Парижской коммуны, в которой впервые в истории мелкая буржуазия и средняя буржуазия открыто объединились вокруг рабочей революции, Маркс допускал, что пролетарская революция создает обстановку, в которой «классовая борьба может проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем» [4].

Как бы продолжая мысли Маркса, высказанные в 1872 году относительно возможности рабочих Америки, Англии и Голландии добиться своих целей мирными средствами [5], Энгельс в 80-е годы

[1] *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 544.

[2] См. там же.

[3] Энгельс — Карлу Эберле, 24 апреля 1894 г. // Там же. Т. 39. С. 203.— А в письме М. Оппенхейму 24 марта 1891 года он указывал, что «для того, чтобы отстранить имущие классы от власти, нам прежде всего нужен переворот в сознании рабочих масс...» (Там же. Т. 38. С. 51).

[4] *Маркс К.* Первый набросок «Гражданской войны во Франции» // Там же. Т. 17. С. 553.

[5] *Маркс К.* О Гаагском конгрессе // Там же. Т. 18. С. 154.

пояснял на примере Голландии, где остатки старого местного самоуправления не были бюрократизированы, что трудящийся народ мог бы установить в этой стране путем сравнительно немногих изменений «свободное самоуправление, которое должно быть нашим лучшим орудием при преобразовании способа производства» [1].

Общечеловеческий смысл вкладывался Энгельсом и в понимание задач социалистической революции. Хотя конкретные условия революционной борьбы иногда препятствовали полному осуществлению гуманистических принципов, предполагающих освобождение всех членов общества, включая и класс капиталистов, Энгельс все же считал эти принципы верными. О том, что эта позиция была не случайной свидетельствует поправка Энгельса к программе Североанглийской социалистической Федерации, относящаяся к тому же 1887 году [2].

В программе заявлялось, что целью Федерации является объединение рабочих всего общества в ассоциацию, основанную на кооперации. Энгельс счел подобную постановку задачи слишком узкой и, зачеркнув слова «рабочих всего общества», вписал свой вариант: «всех членов общества», подчеркнув тем самым общечеловеческий характер социализма.

В 90-е годы большое место в размышлениях Энгельса о социалистической революции стала занимать проблема соотношения задач борьбы рабочего класса за демократию с борьбой за социализм.

Обобщая опыт классовой борьбы пролетариата за полвека, прошедшего после революции 1848—1849 годов, Энгельс отметил, что эти годы свидетельствуют о немалых трудностях на путях социалистического переустройства общества. Могучая армия пролетариата, резюмировал он, «вынуждена медленно продвигаться вперед, завоевывая в суровой, упорной борьбе одну позицию за другой» [3].

Все большее значение приобретает повседневная борьба рабочего класса за свои права, легальная политическая деятельность социал-демократии по защите демократических свобод. Энгельс

[1] Энгельс — Фердинанду Домеле Ньювенгейсу, 4 февраля 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 369.

[2] Еще в книге «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс развивал мысль о том, что по своему принципу коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом, ибо он является делом «не одних только рабочих, а всего человечества». Второе положение, на котором делал тогда упор Энгельс, это необходимость внесения в пролетариат ясного политического сознания: «Чем больше пролетариат проникнется социалистическими и коммунистическими идеями, тем менее кровавой, мучительной и жестокой будет революция». Коммунистическая партия при благоприятных обстоятельствах сможет преодолеть «жестокие и грубые элементы революции и предотвратить повторение 9 термидора» (см. там же. Т. 2. С. 516—517. Ср. Т. 22. С. 277).

[3] См.: *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» // Там же. Т. 22. С. 536.

подчеркнул новое качество пролетарской борьбы за демократию в условиях всеобщего избирательного права. При этом он предостерегал против распространившихся в Германии иллюзий, «будто в этой стране можно идиллически-мирным путем установить республику, и не только республику, но и коммунистическое общество» [1]. Вместе с тем Энгельс подчеркивал заинтересованность пролетариата в борьбе за демократические права. В этой связи он настаивал на том, чтобы руководство германской социал-демократии включило в проект новой программы требования, направленные на уничтожение реакционных монархических порядков и установление демократической республики как необходимой предпосылки для завоевания пролетариатом политической власти.

Энгельс неоднократно указывал на наличие прямой связи между борьбой за демократию и борьбой за социализм как высшей цели революционного пролетарского движения. Высоко оценивая демократическую республику с точки зрения интересов борьбы рабочего класса за социализм, он писал: «Маркс и я в течение сорока лет без конца твердили, что для нас демократическая республика является единственной политической формой, при которой борьба между рабочим классом и классом капиталистов может сначала приобрести всеобщий характер и затем завершиться решительной победой пролетариата» [2].

Именно в демократической республике, согласно взглядам основоположников марксизма, создаются наиболее благоприятные условия для развития классового движения пролетариата, формирования и укрепления его политической партии. Этому отчасти способствовала новая социальная политика правящих классов, вынужденных осуществлять провозглашенные ими лозунги свободы печати, союзов, собраний, всеобщего прямого избирательного права. «А вместе с этим пролетариат получает в руки и то оружие, которое ему необходимо для его окончательной победы» [3]. По убеждению Энгельса, демократическая республика может стать «специфической формой для диктатуры пролетариата», «*готовой* политической формой для будущего господства пролетариата» [4].

Значение борьбы за демократию в буржуазном обществе Энгельс не ограничивал созданием более благоприятных политических условий для пролетарского движения и созревания предпосылок социалистической революции. В ходе этой борьбы происходят позитивные изменения и внутри самого рабочего класса.

[1] *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 238.
[2] *Энгельс Ф.* Ответ достопочтенному Джованни Бовио // Там же. С. 287.
[3] *Энгельс Ф.* Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия // Там же. Т. 16. С. 76.
[4] См. там же. Т. 22. С. 237; Т. 39. С. 184.

Постепенно растет политическая активность рабочих. Они приобретают умение пользоваться демократическими правами и свободами, провозглашенными в конституциях их стран. Благодаря завоеванию рабочими избирательного права их представители не только получают хорошую возможность излагать перед широкой народной аудиторией свои взгляды, но и приобретают навыки работы в выборных органах власти. Все это, наряду с ростом классового сознания, образованием самостоятельных политических партий, разработкой научной коммунистической теории, стратегии и тактики революционной борьбы является необходимыми предпосылками того, чтобы рабочий класс смог стать силой, способной победить буржуазию и построить новое общество.

Активная роль рабочих и всех трудящихся в борьбе за демократию, развитие у них демократических навыков и стремления к участию в управлении общественной жизнью, особенно в органах местного самоуправления, делало, согласно взглядам Энгельса, возможной постановку вопроса о мирном переходе к социализму. «Можно себе представить,— отмечал он,— что старое общество могло бы мирно врасти в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия, где предстоящее отречение династии за денежное вознаграждение ежедневно обсуждается в печати и где эта династия бессильна против воли народа» [1].

Отмена «исключительного закона» о социалистах в Германии способствовала выдвижению в качестве первоочередной задачи использование легальных средств борьбы для пропаганды в массах идей научного социализма и развертывания мирных форм революционной деятельности пролетариата. Участие в парламентской по форме борьбе против юнкерско-монархической реакции, против буржуазных партий позволяло более активно влиять на развитие политического сознания рабочего класса и его союзников. «Ирония всемирной истории,— писал Энгельс,— ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота» [2]. При этом он подчеркивал, что социалисты «ни в коем случае не отказываются от своего права на революцию» [3], и в случае применения насилия со стороны

[1] *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 236—237.
[2] *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» // Там же. С. 546.
[3] См. там же. С. 545.

правящих классов они этим правом непременно воспользуются[1].

Разъясняя позицию Энгельса, Плеханов отмечал, что социал-демократия заинтересована в мирном переходе к новому общественному строю, но это не означает, что она отказывается от диктатуры пролетариата. «Никакая цель не может измениться от того, что люди стремятся достигнуть ее с наименьшими усилиями. Но когда люди твердо решили во что бы то ни стало достигнуть данной цели, выбор средств зависит уже не от них самих, а от обстоятельств. И именно потому, что социал-демократия не в состоянии предвидеть все те обстоятельства, при которых рабочему классу придется завоевывать свое *господство*, она не может принципиально отказываться от *насильственного способа* действий»[2].

Центральным в работах Энгельса 90-х годов оставался вопрос о необходимости завоевания пролетариатом политической власти. В то же время предпосылкой социалистических преобразований он считал объективный процесс подрыва «самых корней существующего способа производства»[3], который должен дополняться завоеванием рабочим классом политического господства. Без его осуществления «любое огосударствление будет не уничтожением эксплуатации, а только изменением ее формы»[4]. Политическую власть пролетариат употребляет в первую очередь для того, чтобы завоевать господствующие, ключевые позиции в экономике, чтобы создать необходимые экономические условия для предотвращения реставрации капитализма. «К чему же мы тогда боремся за политическую диктатуру пролетариата,— писал Энгельс,— если политическая власть экономически бессильна? Насилие (то есть государственная власть) — это тоже экономическая сила!»[5]

Взгляды на сущность и задачи политической власти пролетариата нашли отражение в таких работах Энгельса, как «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года», «Социализм в Германии», «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», а также в некоторых предисловиях к переизданным им в 90-е годы произведениям, опубликованным ранее («Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Развитие социализма от утопии к науке» и др.). В 1891 году Энгельс опубликовал «Критику Готской программы», в которой Маркс

[1] Разрабатывая вопросы стратегии и тактики пролетарской революции, Энгельс отмечал и те объективные факторы, которые препятствовали успеху вооруженного восстания в современных ему условиях (улучшение вооружения и мобильности армий, новые принципы градостроительства, затрудняющие ведение баррикадных боев и т. д.). Одновременно он подчеркивал, что восставшие лишь тогда достигнут поставленных целей, когда хотя бы часть армии перейдет на их сторону, а для этого нужна целенаправленная социалистическая пропаганда внутри самой армии. В связи с этим Энгельс предостерегал от попыток преждевременного выступления и «неподготовленных атак», которые были бы использованы правящими классами для разгрома пролетарского движения и его партий.

[2] *Плеханов Г. В.* Первые фазы учения о классовой борьбе // Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 498.

[3] См.: Энгельс — Максу Оппенхейму, 24 марта 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 51.

[4] Там же.

[5] Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 420.

специально рассматривал вопрос о переходном периоде между капитализмом и социализмом, политическую сущность которого составляет диктатура пролетариата.

В связи с этим Энгельс вновь проанализировал уроки Парижской коммуны. Обстоятельно разобрав ошибки руководителей Коммуны, он конкретизировал и развил важнейшее марксистское положение о необходимости слома пролетариатом старой государственной машины и замены ее пролетарской диктатурой, этой «новой, поистине демократической» властью.

Острой критике подверг он характерное для некоторых социал-демократов «суеверное почтение» к буржуазному государству, которое остается орудием господствующего класса «в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии»[1]. Отвергая реформистские иллюзии о возможности устранения острейших социальных противоречий и конфликтов в рамках буржуазного государства, Энгельс обращался к Парижской коммуне, первому опыту создания пролетарского государства.

Критикуя, с другой стороны, анархистские концепции, проповедовавшие немедленную ликвидацию всякого государства вообще, Энгельс указал на то, что анархисты не осмысливают конкретно-исторические уроки прежних социальных революций и не дают обоснованной альтернативы тому, что разрушают. Вопреки анархистским утверждениям о враждебности обществу всякого государства вообще Энгельс подчеркивал, что отрицание буржуазного государства возможно только в результате создания государства нового типа, то есть государства типа Парижской коммуны.

Энгельс оценивал Парижскую коммуну как уникальный исторический опыт, обогативший теоретические представления марксистов о государстве. Сущность диктатуры пролетариата, утверждал он, состоит в том, что она ликвидирует классовое господство буржуазии и закладывает основы подлинной демократии. Государство типа Парижской коммуны по своему классовому характеру и политическим целям стремится с момента своего возникновения стать выразителем интересов всех трудящихся.

Особо Энгельс подчеркивал опыт Парижской коммуны, связанный с осуществлением ряда мер для предотвращения возможного отчуждения государства от общества в переходный период. В частности он писал: «Против этого неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению

[1] См.: *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 200—201.

их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие» [1]. Последнее требование, по Энгельсу, выступает как надежное препятствие для карьеризма и для превращения государственной службы в погоню за доходными местами.

Наряду с вопросом о формах революционной борьбы пролетариата Энгельс в произведениях и письмах 90-х годов осветил еще важнейший вопрос о международном характере революционного преобразования общества. Анализ этой проблемы основоположниками марксизма к тому времени имел уже долгую историю. Начиная с середины 40-х годов, Маркс и Энгельс считали, что коммунистическое преобразование общества будет единым, взаимосвязанным процессом революционных преобразований в тех странах, где для этого созрели необходимые, прежде всего материальные, предпосылки. По мере развития революционного движения, обобщения нового исторического опыта, углубления теории развивались и представления о международном характере революционного процесса. Становилось все более ясно, что революция может не только начаться, но и определенное время развиваться в той или иной стране, пока она не будет поддержана революциями в других странах. В связи с этим Энгельс разъяснял свое понимание этого вопроса в письме П. Лафаргу от 27 июня 1893 года, где наметил различение первоначальной и «окончательной победы» революции. Революция может начаться в одной стране, например во Франции, первоначально она может победить в отдельных странах, например во Франции и Германии. Но только победа в ряде стран (включая Англию, как тогда считал Энгельс) может стать окончательной, необратимой победой, гарантией от внутреннего перерождения и внешнего завоевания. В этом смысле «освобождение пролетариата может быть только международным делом» [2]. Мысль Энгельса, таким образом, развивалась в направлении того важнейшего для судеб революционной борьбы пролетариата вывода о возможности победы социализма в нескольких или одной, отдельно взятой стране, который впоследствии на основе анализа новых исторических условий обосновал Ленин.

Разработка вопроса о союзе рабочего класса и крестьянства

К 90-м годам XIX века вопрос об отношении к крестьянству приобрел для социалистов особую актуальность. Перед социал-демократическими партиями встала задача выработки не только аграрной программы, но и тактики по отношению к крестьянству как наиболее естественному союзнику рабочего класса в революционной борьбе.

Активное участие в этом принял Энгельс. В частности, это выразилось в его критике проекта Эрфуртской программы (1891),

[1] *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 200.

[2] Энгельс — Полю Лафаргу, 27 июня 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 76.

где говорилось, что «освобождение рабочего класса может быть только делом самого рабочего класса, ибо все остальные классы и партии стоят на почве капитализма и, несмотря на столкновения их интересов между собой, имеют своей общей целью сохранение и укрепление основ современного общества» [1]. В связи с этим Энгельс писал, что рабочий класс «не может доверить дело своего освобождения ни капиталистам и крупным землевладельцам, своим противникам и эксплуататорам, ни мелким буржуа и мелким крестьянам, которые сами задавлены конкуренцией крупных эксплуататоров и поставлены перед единственным выбором: выступить либо на стороне последних, либо на стороне рабочих» [2].

В решении этого программного вопроса Энгельс исходил из принципа дифференцированного подхода к крестьянству, выделяя в последнем крупных, средних и мелких крестьян. Такой подход позволял выработать правильную тактику пролетарских партий по отношению к крестьянству. Энгельс считал, что основным союзником пролетариата может быть только беднейшее крестьянство, которое в наибольшей степени заинтересовано в уничтожении эксплуататорского строя, а потому будет более последовательно выступать на стороне рабочего класса. В то же время он разъяснял, что политика привлечения крестьян на сторону рабочего класса не должна заслонять классового характера социалистической партии и тем более не должны приноситься в жертву этой политике ее основные принципы.

Такая опасность размывания классового характера партии при расширении ее влияния за пределы исключительно пролетарских слоев была вполне реальной. В связи с этим Энгельс писал: «Я решительно отрицаю, чтобы перед социалистической рабочей партией какой бы то ни было страны стояла задача принимать в свои ряды, помимо сельских пролетариев и мелких крестьян, еще и средних и крупных крестьян или даже арендаторов крупных имений, капиталистических скотоводов и других лиц, эксплуатирующих землю страны на капиталистический лад... В нашей партии могут состоять отдельные лица из любого общественного класса, но отнюдь не группы, представляющие интересы капиталистов, средней буржуазии или среднего крестьянства» [3].

С противоположными взглядами выступил немецкий социал-демократ Г. Фольмар, который утверждал, что в условиях капитализма крестьянское хозяйство носит устойчивый характер, и доказывал возможность перехода всего крестьянства к социализму при сохранении частной собственности. Фольмар и его последователи, недооценивая расслоение крестьянства, явились, по сути

[1] Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 623 (примеч.).

[2] См.: *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Там же. С. 243.

[3] *Энгельс Ф.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Там же. С. 513.

дела, выразителями интересов крестьян, эксплуатирующих чужой труд. «Фольмар... намеревается,— писал Энгельс,— подкупить *крестьян вообще*, причем крестьянин, с которым он имеет дело в Верхней Баварии, не то, что прирейнский, задавленный долгами мелкий крестьянин, а средний и даже крупный крестьянин, эксплуатирующий батраков и батрачек и в крупных масштабах торгующий скотом и хлебом. А с этим без отказа от всех принципов согласиться невозможно» [1].

В работах Энгельса проходит мысль о союзе рабочего класса и крестьянства. Так, в статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (1894) он писал, что для завоевания политической власти социал-демократия «должна сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне» [2]. Особое внимание Энгельс уделил выяснению вопроса об отношении пролетариата к мелкому крестьянству. Развитие капитализма вело к гибели и упадку мелкого сельскохозяйственного производства, усиливало расслоение в крестьянской массе, и, таким образом, мелкий крестьянин становился наиболее многочисленным потенциальным союзником пролетариата. Энгельс отметил это обстоятельство, указывая, что «под мелким крестьянином мы понимаем... собственника или арендатора — в особенности собственника — кусочка земли, не больше того, что он может, по общему правилу, обработать при помощи своей собственной семьи, и не меньше того, что прокармливает его семью. Таким образом, этот мелкий крестьянин, как и мелкий ремесленник, есть рабочий, отличающийся от современного пролетария тем, что он еще владеет своими средствами труда...» [3]. Исходя из этого определения, Энгельс делал вывод о том, что мелкий крестьянин — будущий пролетарий [4]. Соответственно этому своему двойственному характеру, крестьянин, с одной стороны, восприимчив к социалистической пропаганде, но, с другой стороны, имея в собственности средства производства, опасается передачи земельной собственности во владение всего общества.

Обосновывая тактику борьбы социалистической партии за превращение трудового крестьянства в союзника рабочего класса, Энгельс писал: «Мы... стоим решительно на стороне мелкого крестьянина; мы предпримем все в пределах возможного, чтобы сделать его участь более сносной, чтобы облегчить ему переход к товариществу... Мы сделаем это не только потому, что рассматриваем живущего своим трудом мелкого крестьянина как возможное пополнение наших рядов, но и в непосредственных интересах партии. Чем больше число крестьян, которых мы избавим от действительного превращения в пролетариев и которых мы сможем привлечь на свою сторону еще как крестьян, тем скорее и легче совершится общественный переворот» [1].

[1] Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 10 ноября 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 258.
[2] *Энгельс Ф.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Там же. Т. 22. С. 504.
[3] Там же. С. 506.
[4] См. там же. С. 507.

Касаясь отношения рабочего класса к средним и крупным крестьянам, Энгельс считал, что и эта часть крестьянства при определенных условиях может стать на сторону пролетариата, поскольку в условиях капиталистической системы они не выдерживают конкуренции и их хозяйства приходят в упадок и обречены на неминуемую гибель. «Если эти крестьяне поймут неизбежность гибели их нынешнего способа производства и сделают из этого необходимые выводы, то они придут к нам, и нашей обязанностью будет насколько возможно облегчить также и им переход к новому способу производства» [2],— отмечал Энгельс.

Возрастание роли крестьянства в революционной борьбе, его значение как союзника пролетариата, было связано с обнаружившимися к 90-м годам XIX века изменениями в условиях классовой борьбы. Энгельс отмечал, что если раньше, например во время революции 1848—1849 годов во Франции, крестьянство выступало как реакционная политическая сила или же, вследствие изолированности деревенской жизни, было в политическом отношении абсолютно апатично, то в дальнейшем произошли важные изменения. Капитализм, развивавшийся в сельском хозяйстве, а также развернувшийся в последней трети XIX века аграрный кризис вели к упадку и гибели производства мелкого крестьянства. Соответственно ухудшение социально-экономического положения мелких крестьян создавало объективные возможности для ведения в их среде пропаганды социалистическими рабочими партиями. Эти новые условия потребовали, в свою очередь, от партий рабочего класса пересмотра их прежней политики в отношении крестьянства. В связи с этим Энгельс указывал, что коренное преобразование общества теперь не может быть совершено «сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс» [3] и что для выполнения этой цели партии необходимо вести настойчивую и упорную разъяснительную работу среди народных масс для привлечения их на свою сторону.

В этой обстановке успех в классовой борьбе пролетариата во многом зависел от позиции и действий крестьянства, от соединения борьбы рабочих и крестьян в единое революционное движение.

[1] *Энгельс Ф.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 520.
[2] Там же. С. 523.
[3] См.: *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» // Там же. С. 544.

Конкретизация концепции социалистического общества

Энгельс был решительным и последовательным противником попыток умозрительного конструирования будущего общественного устройства, для него и Маркса научное предвидение будущего возможно только на основе глубокого изучения социальной действительности и исторических тенденций развития реально существующего общества. Характеризуя методологические принципы, опираясь на которые он формулировал теоретический прогноз о грядущих общественных преобразованиях, Энгельс писал: «...партия, к которой я принадлежу, не выдвигает никаких раз навсегда готовых предложений. Наши взгляды на черты, отличающие будущее некапиталистическое общество от общества современного, являются точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности» [1]. «Мы *сторонники постоянного, непрерывного развития*,— разъяснял он,— и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы. Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намека на них не найдете у нас» [2].

Рассматривая будущее общество с позиций диалектики, Энгельс особо подчеркивал его динамичный характер. «Так называемое «социалистическое общество»,— указывал он,— не является, по моему мнению, какой-то раз навсегда данной вещью, а как и всякий другой общественный строй его следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям» [3].

В своих произведениях он развивал идею о том, что коммунистическое преобразование экономической жизни общества будет происходить на путях уничтожения частной собственности и установления общественной собственности на средства производства. Энгельс с удовлетворением отмечал, что это положение, которое они с Марксом открыто провозгласили перед всем миром еще в «Манифесте Коммунистической партии», стало программным требованием социалистических партий, целью, объединяющей различные национальные отряды революционного пролетарского движения. Оценивая это как выражение основы будущих революционных преобразований в экономической области, он не ограничивался повторением тех положений, которые были сформулированы несколько десятков лет назад. В своих произведениях 90-х годов он конкретизировал ряд моментов, характеризующих суть будущей «экономической революции». Прежде всего, Энгельс отмечал, что замена частной собственности общественной собственностью на средства производства — сложный процесс, зависящий от целого ряда факторов социально-экономического и политического характера. Ставя вопрос о том, каким образом совершается эта «экономическая революция», он отвечал: «Это будет зависеть от обстоятельств, при которых наша партия захватит власть, от момента, когда это произойдет, и от способа достижения этого» [1].

[1] Энгельс — Эдуарду Пизу, 27 января 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 363—364.

[2] Интервью Ф. Энгельса корреспонденту французской газеты «Le Figaro» 11 мая 1893 года // Там же. Т. 22. С. 563.

[3] Энгельс — Отто Бёнигку, 21 августа 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 380; см. также: Энгельс — Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г. // Там же. С. 370.

Исходя из анализа роста производительных сил, развития производственных отношений капитализма и новых моментов в экономической жизни, Энгельс указывал на необходимость дифференцированного подхода при решении вопроса об обобществлении различных видов средств производства. Он считал, что наиболее быстро и безболезненно можно провести обобществление крупных средств производства, которые, по существу, уже приобрели общественный характер. «...Имея достаточное количество приверженцев среди масс,— отмечал он,— крупную промышленность и крупное земледелие типа латифундий можно будет обобществить очень быстро, поскольку политическая власть будет находиться в наших руках». И добавлял, что «остальное, быстрее или медленнее, последует за этим» [2]. Однако это «остальное», то есть средства производства в среднем и мелком производстве, потребует особого подхода и особых форм их обобществления.

Проблемы, связанные с обобществлением различных по масштабам и характеру собственности производств, были специально рассмотрены Энгельсом в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». Здесь он вновь подтверждал, что, с его точки зрения, метод экспроприации можно применить только по отношению к крупным землевладельцам, которые выступают как капиталистические эксплуататоры, и отмечал, что в зависимости от конкретных исторических условий победивший пролетариат может провести экспроприацию даже с выплатой компенсации бывшим владельцам. Энгельс, в частности, писал, что, по мысли Маркса, «для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды» [3].

Совсем иной подход необходим к мелким и средним крестьянам. Как отмечал Энгельс, по отношению к ним метод насильственной экспроприации уже не может применяться. Здесь должны действовать методы убеждения, помощи со стороны государства при организации товариществ, демонстрации преимуществ коллективного ведения хозяйства. «...Обладая государственной властью,— писал он,— мы и не подумаем о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены сделать с крупными земле-

[1] *Энгельс Ф.* Ответ достопочтенному Джованни Бовио // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 287.

[2] Энгельс — Отто Бёнигку, 21 августа 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 381.

[3] Там же. Т. 22. С. 523.

владельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели» [1].

Последовательно отстаивая положение о неспособности кооперации самой по себе социалистически преобразовать капиталистическое общество, Маркс и Энгельс доказывали, что после пролетарской революции кооперативные формы открывают мелким производителям путь к социализму.

Разрабатывая в конце жизни программу конструктивных мероприятий в отношении крестьянства, Энгельс утверждал, что положительный пример функционирующих на кооперативно-арендных началах производственных товариществ сельскохозяйственных рабочих (созданных на базе национализированных крупных помещичьих имений и непосредственно контролируемых пролетарской властью) «убедит в преимуществах кооперативного крупного хозяйства и последних может быть еще сопротивляющихся парцелльных крестьян» [2].

Даже в отношении к сельским эксплуататорам — богатым крестьянам, применяющим наемную рабочую силу, Энгельс не считал абсолютно необходимым во всех случаях проводить экспроприацию. Наиболее целесообразным ему виделся путь экономического воздействия со стороны пролетарского государства не только на средних, но и на часть богатых крестьян с целью привлечения их в кооперативы. Последние, согласно его мысли, и есть такие переходные социально-экономические ассоциации, которые возможно постепенно превратить в конечном счете в звенья единой общенародной кооперации труда, в структурные ячейки производства, непосредственно обобществленного в народнохозяйственном масштабе. Резюмируя свой кооперативный план, Энгельс доказывал, что после прихода к политической власти партиям рабочего класса необходимо вести кропотливую работу с «крупными и средними крестьянами», всячески стимулировать «объединение их хозяйств в товарищества, в которых можно было бы все больше и больше устранять эксплуатацию наемного труда и которые можно было бы постепенно превратить в обладающие равными правами и обязанностями составные части великого общенационального производственного товарищества» [3].

Хорошо понимая сложность задач, связанных с установлением общественной собственности на средства производства в будущем общества, Энгельс указывал на факторы, способствующие этому. Одному из них — кооперативному движению, получившему относительно широкое развитие в капиталистических странах, Энгельс

[1] *Энгельс Ф.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 518.
[2] Там же. С. 523.
[3] Там же. С. 522—523.

придавал большое значение, как той форме хозяйственной деятельности, благодаря которой трудящиеся овладевают навыками самостоятельного управления производственным процессом. Развитие кооперативного производства на основе общественной собственности Энгельс рассматривал как одно из основных направлений перехода к организации экономики в будущем обществе: «А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство,— в этом Маркс и я никогда не сомневались. Но дело должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом» [1].

Среди проблем коммунистического преобразования общества, рассматриваемых Энгельсом в этот период, обращают на себя внимание вопросы об изменениях в области семейных отношений и освобождении женщины. В своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в ряде писем Энгельс доказывал, что условия освобождения женщины и действительного равноправия женщины и мужчины — уничтожение капиталистических отношений, участие женщины в общественном труде, обобществление домашнего хозяйства на основе развития крупной промышленности. Как он отмечал в письме Г. Гильом-Шак 5 июля 1885 года, «действительное равноправие женщины и мужчины может... осуществиться лишь тогда, когда будет уничтожена эксплуатация капиталом и тех и других, а ведение домашнего хозяйства, которое является теперь частным занятием, превратится в отрасль общественного производства» [2].

Одной из важных задач революционной партии Энгельс всегда считал привлечение на сторону пролетариата представителей интеллигенции, специалистов в различных областях науки и техники. Их действенная помощь, как он неоднократно указывал, необходима победившему пролетариату для организации жизни нового общества. Особенно важно в этом отношении обращение Энгельса к Международному конгрессу студентов-социалистов 19 декабря 1893 года, где он, в частности, разъяснял значение «пролетариата умственного труда» в предстоящем революционном преобразовании общества: «Буржуазным революциям прошлого от университетов требовались только адвокаты, как лучшее сырье, из которого формировались их политические деятели; для освобождения рабочего класса понадобятся, кроме того, врачи, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты, ибо дело идет о том, чтобы овладеть управлением не только политической машины, но и всем об-

[1] Энгельс — Августу Бебелю, 20—23 января 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 361.
[2] Там же. С. 294.

щественным производством, а тут уж нужны будут отнюдь не звонкие фразы, а солидные знания»[1]. Сознательный характер и глубина преобразования общества на коммунистических началах потребуют как подлинно научной революционной теории, так и революционного сознания масс и, что особенно важно,— преданных делу революции высокообразованных специалистов.

Результатом революционного преобразования общества явится коммунистическая общественная формация, в которой общественное сознание будет играть качественно новую роль: человечество совершит переход от стихийного к сознательному развитию. Энгельс писал: «Природе потребовались миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, действуя совместно и добиваясь сообща заранее поставленной общей цели. Теперь мы уже почти достигли такого состояния. Наблюдать этот процесс, это все приближающееся осуществление положения, небывалого еще в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем, достойным созерцания, и я в силу всего своего прошлого не мог бы оторвать от него своего взора»[2].

Энгельс считал целью коммунистического преобразования общества осуществление высшего гуманистического принципа научного коммунизма. Когда в последние годы жизни его попросили кратко определить основную идею грядущей новой эры, он ответил, что «сформулировать в немногих словах идею грядущей новой эры, не впадая ни в утопизм, ни в пустое фразерство,— задача почти невыполнимая»[3]. Если же все-таки попытаться это сделать, то, по мнению Энгельса, нельзя найти ничего более подходящего, чем знаменитая формула «Манифеста Коммунистической партии»: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[4].

Обоснование интернациональных задач борьбы рабочего класса за мир, против угрозы войны

В ряде своих произведений, таких как «Внешняя политика русского царизма», «Может ли Европа разоружиться?», «Социализм в Германии» и др., Энгельс проанализировал чрезвычайно сложную и противоречивую международную обстановку, которая сложилась в начале 90-х годов в Европе в результате образования двух враждебных коалиций — Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и франко-русского союза.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 432.
[2] Энгельс — Джорджу Уильяму Ламплу, 11 апреля 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 55—56.
[3] Энгельс — Джузеппе Канепа, 9 января 1894 г. // Там же. С. 167.
[4] Там же. С. 166; см. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Там же. Т. 4. С. 447.

В условиях угрозы новой войны Энгельс настойчиво разъяснял и широко пропагандировал подлинно гуманистический принцип внешней политики пролетариата: борьбу за мир между народами, против агрессивных захватнических войн, которые приносят человечеству неисчислимые потери, стоят гигантского «налога крови» и в состоянии уничтожить многие достижения цивилизации, довести до крайности нужду и страдания народных масс. Энгельс показал, что главными причинами международной напряженности были взаимные территориальные претензии и агрессивные планы европейских держав, при реализации которых правящие классы надеялись также разгромить во время войны социалистическое движение[1]. Он предвидел, что новая война, грозившая вспыхнуть в Европе, неизбежно приняла бы мировой характер.

И раньше Энгельс отмечал нарастание военной опасности, связанное с усилением милитаризма и гонкой вооружений, которая выражалась в росте численности вооруженных сил и в развитии производства военной техники. Анализируя новые явления в капиталистической экономике, Энгельс пришел к выводу, что к военной опасности и усилению милитаризма вели также концентрация и централизация производства и капитала, порожденное развитием капитализма стремление к колониальным захватам, надежда правящих кругов преодолеть кризисные явления в экономике путем насильственного открытия новых рынков[2].

Глубокий классовый анализ политического и военного положения стран в Европе того времени позволил Энгельсу в порядке научного прогноза точно предсказать общий характер будущей войны, ее политические и экономические итоги. Согласно его взглядам, развитие противоречий между европейскими государствами, неравномерность их экономического развития, а также имевшаяся уже в то время система международных союзов, весь комплекс этих факторов, сделают будущую войну по существу всемирной, войной между коалициями государств. Конфликт будет жестоким, длительным, вопреки расчетам генеральных штабов, и потребует огромного напряжения экономических сил и участия невиданных людских ресурсов. Энгельс предвидел также, что Англия, проводившая в 70—90-х годах политику «блестящей изоляции», будет неизбежно втянута в войну; ее флот должен сыграть в ней большую роль, изолировав лагерь противника от мирового рынка[3].

[1] См.: *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 48.
[2] См., например, письма Энгельса Н. Ф. Даниельсону от 29—31 октября 1891 г. и от 22 сентября 1892 г. (Там же. Т. 38. С. 170—171, 400).
[3] См.: *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 45; Может ли Европа разоружиться? // Там же. С. 415; Интервью Ф. Энгельса корреспонденту французской газеты «Le Figaro» 11 мая 1893 года // Там же. С. 562; Энгельс — Августу Бебелю, 24 января 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 13.

Результатами войны, победой какого бы лагеря она ни кончилась, должны были быть «неслыханное кровопролитие, опустошение и... небывалое истощение» [1], экономический и финансовый крах, утрата Европой промышленного превосходства, победа по всей линии промышленности США. Будет опрокинута старая государственная система и система международных договоров [2]. По сути дела, высказывая научный прогноз итогов грядущего мирового конфликта, Энгельс еще раз обосновывал понимание войны как социального явления, затрагивающего все стороны жизни народов.

С наибольшей силой это предвидение, названное Лениным «пророческими словами» [3], изложено Энгельсом в 1887 году во введении к брошюре С. Боркхейма «На память немецким ура-патриотам 1806—1807 годов». Здесь характеристика и описание исхода будущего европейского кризиса даны с такой точностью, как будто их автор наблюдал мировую бойню 1914—1918 годов, а не предвидел события почти за 30 лет до их свершения: «...это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной,— сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости,— крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» [4].

Мысль о том, что европейские войны ускорят социальный кризис, который «поглотит все так называемые державы, эти мнимые державы, как победительницы, так и побежденные, чтобы освободить место для Европейской Социальной Революции» [5], почти за 10 лет до того высказал также и Маркс. Войну, по мнению

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 17 ноября 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 330.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Введение к работе Маркса «Гражданская война во Франции» // Там же. Т. 22. С. 190; Маркс — Томасу Олсопу, 4 февраля 1878 г. // Там же. Т. 50. С. 459.

[3] См.: *Ленин В. И.* Пророческие слова // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 472.

[4] *Энгельс Ф.* Введение к брошюре Боркхейма «На память немецким ура-патриотам 1806—1807 годов» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 361.

[5] См.: Маркс — Томасу Олсопу, 4 февраля 1878 г. // Там же. Т. 50. С. 459.

Энгельса, могла бы предотвратить только революция в России [1].

Рассмотрев факторы, ведущие к усилению милитаризма и военной опасности, Энгельс в 80—90-х годах проанализировал также проблему взаимоотношения войны и революции. Наступление революционного кризиса в результате вызванного войной экономического и политического потрясения Маркс и Энгельс считали вполне вероятным. Война в известных случаях могла приблизить революционный кризис, но вместе с тем она оказала бы и сильнейшее контрреволюционное действие. Война вызвала бы разрыв интернациональных связей рабочего класса, усиление армии и полиции, то есть контрреволюционных сил, подъем шовинизма, новые жертвы со стороны трудящихся, усиление буржуазии победившего государства. Все это затормозило бы естественный ход революционного процесса, перспективы которого в конце столетия, по мнению Энгельса, были многообещающими, отсрочило бы победу революции на много лет.

Самая главная опасность заключалась в том, что в ходе войны могло бы осуществиться контрреволюционное объединение вчерашних противников. А это объединение привело бы к разгрому европейского социалистического движения и партий рабочего класса, в первую очередь сильнейшей и ведущей — Германской социал-демократии. Этот вывод был сформулирован Энгельсом в статье «Социализм в Германии» (1891) и ряде писем к деятелям рабочего движения. Поэтому Энгельс в конце XIX века ставил перед рабочим классом и его партиями задачу борьбы против угрозы захватнической, агрессивной войны и милитаризма, в частности против увеличения армий капиталистических государств, подчеркивал: «Без всякого сомнения, мы будем ратовать за мир» [2].

В мирное время, доказывал Энгельс, победа революции будет более верной. Это положение он обосновал, например, применительно к немецкому рабочему движению: «Мир обеспечит победу Социал-демократической партии Германии приблизительно лет через десять. Война же принесет ей либо победу через два-три года, либо полный разгром, от которого она не оправится по крайней мере лет пятнадцать-двадцать. При таких обстоятельствах немецкие социалисты должны были бы прежде лишиться рассудка, чтобы предпочесть войну, в которой все будет поставлено на карту, верной победе, обеспеченной им при сохранении мира. Более того. Ни один социалист, к какой бы национальности он ни принадлежал, не может желать ни военной победы нынешнего германского правительства, ни победы французской буржуазной республики и уже менее всего — победы царя, которая была бы

[1] См.: *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 48—52; Энгельс — Вильгельму Либкнехту, 23 февраля 1888 г. // Там же. Т. 37. С. 24.

[2] Интервью Ф. Энгельса корреспонденту английской газеты «Daily Chronicle» в конце июня 1893 года // Там же. Т. 22. С. 568.

равносильна порабощению Европы. И поэтому социалисты всех стран стоят за мир» [1].

Борьба за мир должна вестись, как считал Энгельс, совместно рабочими всех стран в форме антивоенной агитации, разоблачения внешней и военной политики правящих классов, в виде парламентских действий депутатов-социалистов, антимилитаристской и революционной пропаганды в войсках. Поскольку период мира — наиболее благоприятное условие для развития революционного движения, то борьба за мир, ведущаяся против милитаристской политики буржуазии, становится частью «общей борьбы за освобождение рабочего класса» [2]. Энгельс неоднократно отмечал необходимость установления подлинно равноправных отношений между различными нациями и народами как условия революционной борьбы, победы пролетариата. Он писал, что «равенство между нациями так же необходимо, как равенство между индивидами» [3], поскольку господство пролетариата невозможно без «гармонического интернационального сотрудничества народов» [4].

Рассматривая тактику рабочего класса и социалистических партий в борьбе за мир, против военной опасности, Энгельс в 90-х годах подтвердил выдвинутый им и Марксом тезис о том, что рабочие должны поддержать оборонительную войну, ведущуюся в защиту независимости и целостности страны. Он считал это положение само собой разумеющимся [5]. В условиях, когда переход к империализму еще только начался, применительно к обстановке конца 80 — начала 90-х годов прошлого столетия Энгельс полагал, что в случае нападения на Германию буржуазной Франции и царской России (где революционное рабочее движение лишь зарождалось) немецкая социал-демократия должна стремиться к тому, чтобы придать этой войне национально-освободительный характер, принудить реакционные правящие круги Германии к отказу от захваченных территорий Польши, а также аннексированных Эльзаса и Лотарингии. Победа сил российского царизма и его союзника Франции означала бы утрату германским рабочим движением завоеванных позиций, «подавление немецкого социализма» [6]. Свое участие в оборонительной войне германская социал-

[1] *Энгельс Ф.* Социализм в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 259; см. также письма Энгельса Августу Бебелю, 16 декабря 1879 г. // Там же. Т. 34. С. 342 и 13—14 сентября 1886 г. // Там же. Т. 36. С. 445; Лауре Лафарг, 13 сентября 1886 г. // Там же. С. 449; Полю Лафаргу, 25—26 октября 1886 г. // Там же. С. 477; Карлу Каутскому, 15 сентября 1889 г. // Там же. Т. 37. С. 230; Августу Бебелю, 29 сентября — 1 октября 1891 г. // Там же. Т. 38. С. 140; Фридриху Адольфу Зорге, 6 января 1892 г. // Там же. С. 214.

[2] См.: *Маркс К.* Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих // Там же. Т. 16. С. 11.

[3] Энгельс — Полю Лафаргу, 27 июня 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 78.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории // Там же. Т. 21. С. 421—422.

[5] См.: Энгельс — Шарлю Бонье, середина октября 1892 г. // Там же. Т. 38. С. 426.

[6] См.: *Энгельс Ф.* Социализм в Германии // Там же. Т. 22. С. 258.

демократия должна была использовать для того, чтобы добиться ее ведения революционными методами и подготовить завоевание власти. В 1892 году Энгельс писал также, что рабочий класс страны, потерпевшей поражение, должен воспользоваться наступившим кризисом и совершить у себя революцию [1]. Все это, разумеется, не снимало задачу борьбы за предотвращение войны. Но, рассматривая международное положение всегда с точки зрения интересов революции, Энгельс считал, что, если войны не удастся избежать, порожденный ею кризис должен быть максимально использован.

Во время первой мировой войны позицию Энгельса по этому вопросу полностью одобрил Ленин. Он считал, что в начале 90-х годов XIX века участие немецких рабочих в войне против царизма и Франции, но только в случае их нападения на Германию, было бы своеобразным вариантом национальной войны [2]. Вместе с тем в письмах И. Арманд в декабре 1916 года и январе 1917 года Ленин показал ложность позиции правых германской социал-демократии, которые, отождествляя обстановку 1891 года с условиями 1914 года, оправдывали ссылками на Энгельса свою поддержку империалистической войны.

Альтернативой усилению военной опасности и формой борьбы против нее было, по мысли Энгельса, разоружение. Эти свои идеи он изложил в серии статей «Может ли Европа разоружиться?» (1893) как своего рода план поэтапного разоружения. В основе своей этот план сводился к уменьшению численности вооруженных сил путем сокращения срока действительной военной службы, организации допризывной военной подготовки, к созданию в результате этих мероприятий значительного числа военнообученных и к постепенной замене постоянной армии милицией, вооруженным народом.

Основываясь на детальном изучении экономического и военного потенциала, политического и международного положения европейских государств, Энгельс доказал, что предложенный им план реален, экономически выгоден и является гарантией мира, значительно снижая военную опасность, не ослабляя при этом обороноспособности принявших его стран [3].

План Энгельса 1893 года, явившийся развитием его мыслей о замене постоянной армии вооруженным народом, высказанных в 1887 году в «Письме организационному комитету международного празднества в Париже», исходил из следующих соображений. Миллионная народная армия была мало пригодна для агрессивной войны, но сильна в войне оборонительной. Оба эти обстоя-

[1] См.: Энгельс — Шарлю Бонье, 24 октября 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 431.

[2] Ленин — И. Ф. Арманд, 30 ноября 1916 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 330.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Может ли Европа разоружиться? // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 385—387, 396, 412—415.

тельства были весьма существенны для сохранения мира. Кроме того, всеобщее вооружение народа было гарантией от контрреволюционных попыток [1].

Обоснование Энгельсом задач борьбы рабочего класса за мир, против угрозы войны явилось важным шагом в разработке программных положений пролетарской партии. Он наметил конкретные шаги в борьбе за мир, осуществить и контролировать которые должны партия рабочего класса и руководимые ею рабочие массы.

Предложенный Энгельсом план последовательно революционен, он направлен на ослабление контрреволюционной военной силы буржуазного государства еще до свершения пролетарской революции. Обосновывая возможность замены постоянной армии вооруженным народом в интересах предотвращения контрреволюционного насилия, Энгельс считал, что успех осуществления его зависит от совместных действий нескольких социалистических партий, вновь подчеркивал значение пролетарского интернационализма.

* * *

«Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции в 1848—1850 г.»» стало последней работой Энгельса. Вскоре после выхода в свет этой книги он тяжело заболел, и 5 августа 1895 года его не стало.

Смерть ближайшего друга и сподвижника Маркса вызвала отклик во всем цивилизованном мире, прежде всего среди участников освободительной борьбы, со стороны передовых рабочих, в кругах демократической интеллигенции. Десятки телеграмм с выражением соболезнования от социалистических организаций почти всех европейских стран и Америки, от деятелей рабочего движения из самых различных точек земного шара, сотни некрологов и сообщений в газетах и журналах, как рабочих и социалистических, так и самых разных направлений,— такова была непосредственная реакция на известие о кончине Энгельса. И это была не просто дань уважения к памяти великого ученого-революционера, это было свидетельством фактического признания ведущей роли, которую к тому времени занял марксизм в международном рабочем движении, показателем роста его влияния и авторитета [2]. Во многих городах различных стран состоялись собрания и митинги, посвященные памяти Энгельса.

[1] См.: *Энгельс Ф.* Письмо организационному комитету международного празднества в Париже // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 354—355.

[2] В сборнике документов «Их имена переживут века. Международные отклики на смерть К. Маркса и Ф. Энгельса», подготовленном совместно ИМЛ при ЦК КПСС и ИМЛ при ЦК СЕПГ и вышедшем в 1983 году на русском языке в Москве и на языках оригинала в Берлине, помещены 42 телеграммы и 142 отклика в печати, кроме того, приводится список, содержащий еще 497 некрологов, сообщений и других печатных материалов, появившихся в 21 стране в течение трех месяцев после смерти Энгельса.

Почти во всех публикациях социалистической и рабочей печати, да и в большинстве других откликов отмечались огромные заслуги Энгельса перед международным рабочим движением, как одного из основоположников научного социализма и активнейшего участника освободительной борьбы рабочего класса на протяжении более пяти десятилетий. «Ни в одной стране,— говорил в своей траурной речи А. Бебель,— не найдется такого пролетарского классового движения, вожди и руководители которого... не обратились бы к нему за советом, справкой или наставлениями и не получили бы их незамедлительно и в подробном изложении» [1].

Посвященные памяти Энгельса статьи и выступления не ограничивались признанием его огромных заслуг и характеристикой его многогранной личности. Как правило, в них четко проводилась мысль о величайшем значении созданного Марксом и Энгельсом учения для борьбы трудящихся за свое освобождение от гнета и эксплуатации, для дальнейших судеб человечества. «Благодаря этому учению,— писал орган австрийской социал-демократии «Arbeiter-Zeitung»,— рабочие осознают свою историческую задачу, которая делает их борцами за освобождение человечества, за его эмансипацию» [2]. Энгельс, говорилось в этой газете, внес «огромный вклад в развитие духовной культуры» [3].

И количество, и само содержание многочисленных откликов на смерть Энгельса явились ярким свидетельством того, какую значительную роль приобрело учение Маркса в социалистическом и рабочем движении, какое важное место заняло оно в духовной жизни общества к середине 90-х годов XIX века.

[1] Их имена переживут века. М., 1983. С. 308.

[2] Там же. С. 239.

[3] См. там же. С. 244.

как отмечал Энгельс, «различный хлам..., к сожалению, тоже в изобилии...» [1]. Некоторые деятели социалистического движения склонны были в труды основоположников научного социализма «скорее вкладывать... свои собственные домыслы, чем прочитывать в них то, что там действительно содержится» [2]. Распространилась также тенденция воспринимать высказывания Маркса и Энгельса «как собрание догм» [3]. Социал-реформисты, некоторые анархисты и синдикалисты ограничивались признанием лишь тех марксистских идей, которые им удавалось сочетать со своими стремлениями. «Большая часть французских социалистов... еще большая часть английских социалистов,— свидетельствовал в конце века Э. Бернштейн,— согласны с марксистским учением только частично» [4]. Социалистическим партиям, даже самым сильным, не хватало образованных пропагандистов, и пропаганда социализма нередко велась упрощенно — сводилась к разъяснению актуальных лозунгов. В результате многие участники рабочего движения усваивали марксизм «крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов» [5]. В результате широко распространенные представления о марксизме не вполне соответствовали его основе и достигнутому им уровню развития.

Как влияние буржуазии, так и отмеченные недостатки самого марксистского направления не позволяли преодолеть левацкие и оппортунистические тенденции в рабочих организациях и на их международных конгрессах 90-х годов. Причем, как отмечает известный английский исследователь истории социалистической мысли Г. Дж. Коул, «почти все великие вопросы, которые разделили Интернационал к 1914 году, поднимались уже на его ранних конгрессах» [6].

II Интернационал сыграл выдающуюся роль в становлении социалистического рабочего движения в конце XIX века. Его организатором и идейным руководителем до своей смерти в 1895 году был Энгельс. Со II Интернационалом связаны важнейшие страницы истории российской революционной социал-демократии. Уже в 90-е годы II Интернационал накопил опыт совместной работы представителей различных социалистических партий и течений в рамках одной международной организации, когда в дискуссиях и спорах вырабатывались общие позиции по принципиальным вопросам. Этот опыт принадлежит всему международному рабочему движению. Он актуален и сейчас.

---

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 8 марта 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 257.

[2] См.: Энгельс — Конраду Шмидту, 12 апреля 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 325.

[3] См.: Энгельс — Лауре Лафарг, 4 мая 1891 г. // Там же. Т. 38. С. 82.

[4] Vorwärts. 6.V 1899. 2. Beilage.

[5] *Ленин В. И.* О некоторых особенностях исторического развития марксизма // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 88.

[6] *Cole G. D. H.* A History of Socialist Thought. Vol. 1—5. The Second International 1889—1914. Vol. 3. Part 1. L.; N. Y., 1956. P. 35.

Глава двенадцатая

МАРКСИСТСКОЕ УЧЕНИЕ В ТРУДАХ ДЕЯТЕЛЕЙ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА (90-е годы XIX века)

1. ДВА НАПРАВЛЕНИЯ В ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Возникновение ревизионизма

На рубеже XIX—XX веков капитализм вступил в стадию империализма. Наступало время острых социальных конфликтов, интенсивной дифференциации пролетариата, поляризации различных направлений внутри рабочего движения. Вместе с тем уже в конце XIX века стали формироваться предпосылки и основы тех интеграционных социально-экономических процессов, которые приобрели доминирующий характер в современном капиталистическом обществе. Тенденция к стабилизации системы капиталистических общественных отношений, к интегрированию пролетариата в буржуазное общество, охватывающая различные аспекты функционирования базисных и надстроечных структур, органически вытекала из требований научно-технического прогресса, предъявлявшего все более высокие требования к качеству рабочей силы — ее образовательному, культурному, профессиональному уровню, ее социальной мобильности и ответственности. Необходимость выработки эффективных и гибких форм стимулирования труда, приводящих в движение дорогостоящую технику, предполагала ориентацию не только на материальное поощрение, но и на удовлетворение возрастающих социальных потребностей работников, стремящихся к большей свободе и самореализации личности в общественной и политической жизни, к обеспеченности определенными социальными гарантиями. Реализуя эти требования технического и общественного прогресса, зачастую используя при этом и механизмы классовой борьбы в различных ее формах, буржуазия связывала их с нормами и ценностями буржуазного образа жизни, с идеологической защитой основ капиталистического строя.

Однако в контексте диалектических взаимосвязей общественного развития интеграционные тенденции оказывали противоречи-

вое и в значительной степени парадоксальное воздействие на характер отношений капиталистического общества. Содействуя его экономической и политической стабилизации, они в то же время объективно способствовали вызреванию в его недрах предпосылок и элементов социалистического общества, положив начало реализации ряда принципов, которые традиционно рассматривались как прерогатива социалистического общественного строя (социализация собственности, изменения в уровне материальной обеспеченности и социальной защищенности большинства трудящихся, развитие условий совершенствования личности и т. д.).

Анализ социально-экономического развития стран Запада, в частности Германии, показывает конкретное проявление данных тенденций. Экономический подъем конца XIX века, позволивший Германии вырваться на первое место в Европе по уровню промышленного производства, сопровождался бурным развитием производительных сил, глубокой структурной перестройкой народного хозяйства, существенно возросшим качеством рабочей силы. И не случайно рабочее движение этого периода вступило в новый исторический этап своего развития, характеризующийся ориентацией на реализацию своих целей и идеалов средствами политической борьбы и существенным расширением спектра социальной активности пролетариата, усилением его роли в буржуазном государстве.

В 80—90-х годах XIX столетия во многих социалистических западноевропейских партиях шли острые дискуссии о путях движения общества к социализму, вошедшие в историю марксизма как полемика между оппортунистами, реформистами, ревизионистами с «ортодоксальными» продолжателями идей Маркса и Энгельса. В центре внимания социал-демократических теоретиков в те годы находился вопрос о том, могут ли капиталистические общественные отношения в ходе осуществления реформ постепенно трансформироваться в социалистические (точка зрения реформистов), или создание социалистической альтернативы начинается лишь после «всеобщего краха» капитализма как общественного строя (позиция марксистов-ортодоксов).

Хотя оппортунистические настроения имели довольно широкое хождение в социалистических партиях уже с конца 80-х годов, вначале они не получили последовательного мировоззренческого оформления, не приобрели форму теоретической ревизии учения Маркса и Энгельса. Публикация Э. Бернштейном в 1896 году в «Die Neue Zeit» серии статей под названием «Проблемы социализма» стала первой попыткой такого рода. Вышедшая в 1899 году книга Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» стала катехизисом ревизионизма 90-х годов. В течение трех лет она выдержала десять изданий, была переведена на все европейские и японский языки.

Ленин отмечал, что впервые в социал-демократической литературе «бывший ортодоксальный марксист» выступил с «наиболее цельным выражением поправок к Марксу, пересмотра Маркса, ревизионизма» [1]. Свое требование о превращении социал-демократической партии из партии социальной революции в партию

[1] См.: *Ленин В. И.* Марксизм и ревизионизм // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 18—19.

социальных реформ «Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт... обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о *«конечной цели»* и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась *теория классовой борьбы*, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.» [1].

Отмечая непоследовательность теоретической позиции Бернштейна, его отступление от позиций Маркса и Энгельса, Ленин не придал значения тому факту, что Бернштейн поставил в повестку дня марксистских теоретических дискуссий реальные вопросы, которыми фактически не задавались убежденные в близком крахе капитализма тогдашние лидеры социал-демократии.

Бернштейн поставил под сомнение главный тезис тогдашней концепции перехода к социализму — об обострении и углублении противоречий в процессе развития капитализма, о разрешении конфликта путем ликвидации буржуазии в ходе классовой борьбы и социальной революции. За распространенной широко формулой об углублении противоречий капитализма и неизбежной его гибели он попытался разглядеть суть происходящих в буржуазном способе производства изменений: возникновение средств адаптации капитализма к новым, более высоким экономическим условиям, прогрессирующее обобществление производства и т. п.

Бернштейн был одним из первых, кто под влиянием порождаемой и углубляемой империализмом дифференциации рабочего класса подверг критике общее, нерасчлененное понятие «пролетариат», выявив рост разнородности его элементов с развитием капитализма. Поскольку большинство рабочего класса еще не возвысилось до социализма, постольку историческая задача социал-демократии, по Бернштейну, заключается в длительной кропотливой работе по повышению и выравниванию жизненного уровня рабочих, развитию самодеятельности всех элементов, составляющих рабочий класс, росту их просвещения, сплоченности, организованности и т. п. Захват политической власти социал-демократией, считал Бернштейн, при существующей дифференциации пролетариата не может привести к социализму: различия в рядах рабочего класса обернутся после завоевания власти непримиримыми противоречиями. Отсюда и его программа: переход к социализму несовместим с применением политического насилия, он осуществим лишь как результат долгого предварительного развития пролетариата на почве буржуазного общества.

В постановке всех этих вопросов и состояла историческая заслуга Бернштейна. Он зафиксировал явное несоответствие между тем, что следовало бы ожидать исходя из основных посылок теории Маркса, и тем, что реально совершалось, вызревало в современном

[1] *Ленин В. И.* Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 7.

ему общественном процессе. Однако решения, предлагаемые Бернштейном, оказывались сплошь и рядом неконструктивными. Не случайно его критика и поправки к теории марксизма были встречены с негодованием большинством лидеров социал-демократии, а имя Бернштейна стало нарицательным для обозначения искажения, «ревизии» марксизма. Однако моральное осуждение его взглядов и политическое неприятие доктрины реформизма сплошь и рядом перевешивало соображения по существу: в пылу полемики отрицались сами вопросы, поставленные Бернштейном, они еще не встали перед большинством социал-демократических идеологов тех лет, ожидавших революционного краха капитализма.

Бернштейнианская критика марксистской теории органически была связана с критикой марксизма в буржуазной литературе. Сам Бернштейн подчеркивал, что большая часть того, что излагается в форме возражений Марксу, «если не все, было по существу уже сказано другими или, по крайней мере, намечено» [1].

Бернштейн обосновывал свой реформизм, ссылаясь непосредственно на работы Маркса и Энгельса. Он противопоставлял теоретические взгляды Маркса идеям Энгельса, стремился представить Энгельса сторонником оппортунизма, а Маркса — представителем утопического революционаризма в традициях О. Бланки. Бернштейн использовал элементы буржуазной критики марксистской диалектики и, в частности, ложную идею о тождественности марксистского и гегелевского диалектического метода [2]. По его убеждению «проникновение» диалектики в марксизм обусловило «чисто умозрительное предварение зрелости экономического и социального развития» [3], привело марксистов к заблуждениям волюнтаристского толка о перспективах социалистической революции, путях и формах политической борьбы, которые-де не соответствуют фактам экономических исследований Маркса.

Обосновывая идею политического союза с буржуазией, Бернштейн исходил из того, что не существует принципиальных различий между социал-демократической и буржуазной идеологией, представлял марксизм как прямое продолжение традиций мелкобуржуазного утопизма. Он утверждал, что основные идеи научный социализм заимствовал из буржуазной философии XVII—XIX веков и Маркс-де только «очистил основные идеи... от умозрительно-идеалистического сора... объединил их в общей теории и углубил ее» [4]. Бернштейн превратно истолковывал высказывания о государстве, содержащиеся в «Анти-Дюринге», в предисловии к третьему изданию «Гражданской войны во Франции», во Введении к «Классовой борьбе во Франции» Энгельса, с тем чтобы представить разъяснения о возможности мирного установления диктатуры пролетариата как доказательство его верности идеалам буржуазного демократизма.

[1] *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. Спб., 1899. С. 25.

[2] См. там же. С. 25—30.

[3] Там же. С. 30.

[4] *Бернштейн Э.* Культ Маркса и ревизионизм // Первый сборник. Спб., 1906. С. 197.

С осуждением всего комплекса идей Бернштейна и его единомышленников выступили Г. В. Плеханов, вожди французских социалистов Ж. Гед, П. Лафарг, деятели Социал-демократической федерации Великобритании, видный итальянский марксист А. Лабриола, болгарские социал-демократы Д. Благоев, Г. Георгиев. С критикой реформистов выступили марксисты Сербии Д. Туцович и Р. Драгович, Румынии — А. Ионеску, Ш. Георгиу и К. Фриму, лидер Социалистической рабочей партии США Д. Де Леон, Социалистической партии США — Ю. Дебс и др.

Особенно острый характер приобрела полемика с ревизионистами в германской социал-демократии. Многие органы партийной печати, рядовые члены партии на многочисленных собраниях решительно высказывались против ревизионизма, требовали исключить Бернштейна и его сторонников из партии [1]. Вместе с тем в этой полемике отчетливо выявились самые различные подходы к идеям Бернштейна — от последовательного неприятия, отрицания их до апологетического восхваления.

Бернштейн и его сторонники, выступив с требованием обновления марксизма, по существу, поставили перед его идеологами задачу творческого развития марксистского учения применительно к новой социально-экономической ситуации. В дискуссиях с последователями бернштейнианства марксистские лидеры международной социал-демократии сделали значительный шаг в этом направлении. В их работах конца XIX — начала XX века сформулированы идеи, имевшие важное теоретическое и практическое значение для политической практики пролетарских партий, их ориентации на социализм.

Бернштейн и неокантианские критики марксизма

Полемика с Бернштейном и его сторонниками поставила в 90-е годы во главу угла проблемы теории марксизма, в особенности вопрос о связи политических идей марксизма с диалектико-материалистическим миросозерцанием в целом. Среди буржуазных критиков Марксова социализма стало модным отрицать целостность марксистской теории, усилились стремления противопоставить социалистическую доктрину материалистической диалектике, принципам материалистического объяснения истории. С этих позиций выступили против марксизма представители неокантианства, идеи которых на рубеже XIX и XX веков стали одной из основ философской ревизии марксизма.

Наибольшее влияние на развитие философских идей ревизионизма 90-х годов оказали идеи представителей Марбургской школы, ориентировавшихся на гносео-

логическую проблематику философии Канта применительно к анализу современных естественнонаучных теорий конца XIX — начала XX века. Марбургская школа, абсолютизировавшая роль абстрактно-теоретического мышления и противопоставлявшая гуманитарному знанию естественнонаучное как образец рационального познания, влилась в позитивистское течение буржуазной философии. В Германии влияние идей ее крупнейших представителей — Когена, Кассирера, Наторпа, Форлендера, Штаммлера испытали Штаудингер и Вольтман, активно пропагандировавшие неокантианство в социал-демократической литературе, а через них — Бернштейн и его сторонники.

Известно, что ни один из лидеров Марбургской школы в 90-е годы не занимался всерьез изучением марксистского учения, ограничиваясь поверхностным знакомством с его популярным изложением в социал-демократической литературе тех лет. Их критика философских идей марксизма, обращенная, по сути, против догматического, подчас вульгаризаторского толкования диалектического и исторического материализма некоторыми учениками, соратниками и последователями Маркса и Энгельса, абсолютизирует элементы философского нигилизма, объективизма, абстрактного социологизма, присущие в известной мере их концепциям, и отождествляет философские идеи Маркса и Энгельса с их упрощенными трактовками. Отсюда — обвинения в метафизичности, антиисторичности, «идеологическом» характере марксистской философии со стороны неокантианцев Марбургской школы.

Наиболее отчетливо социальная направленность неокантианской критики марксизма проявилась в неприятии материалистического понимания истории, раскрывающего зависимость политико-идеологической надстройки от базиса и разрушающего, фактически, тезис о независимом, надклассовом характере государства.

Неокантианская критика материалистического понимания истории направлена против экономического обоснования социализма и против тезиса о неизбежности социализма. Критикуя под видом материалистического понимания истории его схематическое изложение в форме «экономического материализма», Форлендер, Вольтман, Штаммлер, Штаудингер выступали против вульгарного понимания социального детерминизма как «чистой каузальности». Но, подчеркивая невозможность познания истории с позиций механистического детерминизма, сами неокантианцы решали этот вопрос в традициях кантовского идеализма: они противопоставили объективное субъективному, экономические детерминанты — политическим, идеологическим, духовным, познание истории — ее революционному преобразованию. Адекватным методом познания общества выступает для Когена, Вольтмана, Штаммлера не диалектика, а кантовский телеологический метод. «Что касается будущей судьбы социализма,— писал Вольтман,— то марксисты считают экономической, естественной необходимостью, что социализм должен заменить капитализм по тем же неизбежным законам экономического развития, по каким капитализм заменил феодализм; идеалисты же видят в социализме этическую и культурную необходимость» [1]. По мнению Штаудингера, «анализ законов, по которым люди ставят перед собой цели, основан на исследованиях Канта, в то время как анализ законов, по которым до настоящего времени развивалась экономика, основан на исследованиях марксизма» [2].

Неокантианская критика марксизма получила в 90-е годы широкое распространение в социалистических кругах не только в Германии, но и в России в виде «легального марксизма», а также во Франции, где еще в 1891 году Жорес выдвинул идею синтеза неокантианства и социализма [3].

В буржуазном философском мышлении конца XIX века широкое распространение наряду с неокантианством получили вульгарный материализм и социал-дарвинизм. Эти концепции нашли своих последователей и среди социал-демократических идеологов. В Германии идеи синтеза марксизма и социал-дарвинизма активно пропагандировал Л. Вольтман, во Франции — Ш. Раппопорт, в Италии — Э. Ферри [1]. Отклик в социал-демократических кругах нашли в 90-е годы попытки отдельных теоретиков отождествить материализм Маркса с вульгарно-материалистическими концепциями, подменить материалистическое понимание истории доктринами естественнонаучного материализма [2]. Хотя социальный дарвинизм и вульгарный материализм не получили самостоятельного развития в концепциях ревизионистов, они стали существенными мировоззренческими ориентирами в их философских взглядах.

Идеи неокантианства популяризировал К. Шмидт в своих статьях, направленных против только что вышедшей тогда книги Плеханова «Очерки по истории материализма» [3], а также в своей рецензии на книгу буржуазного философа Кроненберга «Кант, его жизнь и его учение» [4]. Шмидт заявлял, будто бы Маркс и Энгельс, как и их философские предшественники Гегель и Фейербах, не смогли осознать в полной мере заслуги Канта в гносеологии, а потому и не дали в своей философии последовательного решения проблем теории познания. Отрицая диалектический материализм, Шмидт рассматривал кантовскую гносеологию как единственно научную концепцию познания.

Почти одновременно с выступлениями Шмидта в венском буржуазном еженедельнике «Die Zeit» (июль 1896 г.) появилась статья английского социалиста Э. Бельфорт-Бакса «Материалистическое понимание истории», вызвавшая бурную дискуссию между ним и Каутским.

---

[1] *Вольтман Л.* Исторический материализм. Спб., 1901. С. 320—321.

[2] *Staudinger F.* Ethik und Politik. Berlin, 1899. S. 159.

[3] Этим проблемам посвящена его диссертация: *Jaurès J.* De premis socialisme. Toulouse, 1891.

---

[1] *Woltmann L.* Die Darwinische Theorie und der Sozialismus Versuch einer Forschung. Düsseldorf, 1898.— Значительное влияние социал-дарвинизма испытал К. Каутский, который так и не преодолел элементов биологизаторства, присущих его трактовке основных положений материалистического понимания истории. Вместе с тем многие марксистские теоретики отчетливо осознавали теоретическую порочность попыток синтеза марксизма и социал-дарвинизма. В защиту исторического материализма от его биологизаторских фальсификаций выступили А. Бебель и П. Лафарг (*Bebel A.* Die Darwinische Theorie und der Sozialismus // Die Neue Zeit. 1898—1899. Bd. 1. S. 484—489; *Лафарг П.* Экономический детерминизм Карла Маркса // Сочинения. Т. 3. С. 3—188).

[2] Идея синтеза естественнонаучного материализма с материалистическим пониманием истории была высказана Ю. Штерном в его небольшой статье «Экономический и натурфилософский материализм» (*Stern J.* Der ökonomische und der naturphilosophische Materialismus // Die Neue Zeit. 1897. Bd. 2. S. 301—304). Она активно обсуждалась в социал-демократических кругах. Идеи Штерна стимулировали интерес Каутского, Меринга, Лафарга к вопросу о соотношении диалектического и исторического материализма, о диалектике исследования и изучения природы, естественнонаучного знания. Вместе с тем они некритически заимствовали неверные тезисы Штерна. Так, например, Меринг использовал идеи Штерна, обосновывая свое понимание сущности марксистского материализма как материализма фейербахианского типа. С диалектико-материалистических позиций взгляды Штерна последовательно критиковал Плеханов (см.: *Плеханов Г. В.* Бернштейн и материализм // Избр. филос. произв. М., 1956. Т. 2. С. 346—361).

[3] *Schmidt C.* Ein neues Buch über die materialistische Geschichtsauffassung // Sozialistischer Akademiker. 1896.

[4] Vorwärts. 7.X 1897.

Бельфорт-Бакс, не отрицая значения исторического материализма, трактовал его как «экономический материализм», игнорирующий роль сознания, идеологии в развитии общества. Отсюда его требование «дополнить» материалистическое понимание истории анализом «психологических факторов» исторического прогресса — веры, моральных норм, убеждений, которые он рассматривал как неизменные свойства человеческого сознания. Полемика Каутского с Бельфорт-Баксом раскрыла ограниченность, метафизический характер доктрины «экономического материализма», выявила идеалистическое содержание концепции «факторов» [1].

Философские рассуждения Бернштейна некритически соединили в себе элементы вульгарного материализма, позитивизма, неокантианства и т. д.

Ревизионисты 90-х годов заимствовали свою социально-философскую аргументацию в основном из доктрин «этического социализма» либерального неокантианства Марбургской школы, сводившего задачи общественного переустройства к моральному совершенствованию, проповедовавшего примирение классовых антагонизмов и отказ от революционной борьбы. В лице же Бернштейна ревизионизм 90-х годов отошел от традиционной гносеологической модели неокантианства и сделал своим исходным методологическим ориентиром индуктивизм. Бернштейн смотрел на марксистскую философию глазами социолога-эмпирика, оценивая ее истинность с позиций однозначного соответствия открытых марксизмом тенденций развития истории единичным фактам. Он отвергал диалектический метод, отрицая его всеобщий и объективный характер. Для Бернштейна марксистская диалектика — «помеха, стоящая поперек пути всякого последовательного истолкования вещей» [2].

В основе его представлений об условиях и возможностях познания лежит метафизическая трактовка действительности как совокупности статических элементов. Бернштейн опирался на положения традиционного эмпиризма о чисто эволюционном характере развития действительности. Он разделял заблуждения философии позитивистского толка о невозможности познания всеобщих связей и сосредоточил свое внимание на изучении единичных фактов. С позиций философии «здравого смысла» Бернштейн противопоставил диалектическим принципам познания индуктивистские, предполагающие определение предмета через совокупность неизменных его свойств. С его точки зрения, Маркс и Энгельс совершили «методологическую ошибку», так как исследовали всеобщие тенденции развития. Бернштейн пытается представить материалистическое понимание истории как «априорную», игнорирующую реальные факты теорию.

Критика Бернштейном диалектического метода во многом повторила критику материалистической диалектики Е. Дюрингом, который упрекал марксистскую философию в «гегельянстве», «абстрактности». Но бернштейнианский ревизионизм исходил из других посылок. Дюринг, критикуя марксистскую диалектику, противопоставлял ей абстрактный метафизический метод и спекулятивную философскую систему для того, чтобы обосновать свои мелкобуржуазные политические идеи. Бернштейн же в целом отрицал значение философии для развития социалистической теории. Он выдвигал идею о «принципиальном несоответствии» диалектики исходным ориентирам марксизма как теории практического преобразования действительности.

Бернштейн ограничивал марксистскую философию материалистическим пониманием истории, которое интерпретировал в духе социологического идеализма, отождествив материализм с детерминизмом. По его мнению, «быть материалистом — значит, прежде всего, утверждать необходимость всего случающегося... Материалист, таким образом, есть кальвинист без бога...» [1]. Вопрос о «правильности материалистического понимания истории» есть для Бернштейна «вопрос о степени исторической необходимости» [2].

Бернштейн в своей критике исторического материализма смешал два различных, хотя и взаимообусловленных вопроса: о сущности материализма вообще и о сущности материалистического понимания истории: ведь признание причинной обусловленности явлений присуще и материализму, и идеализму. Бернштейн пришел к ложному пониманию соотношения материализма и детерминизма в марксизме, так как свел диалектико-материалистический детерминизм к исторической необходимости и приписал Марксу и Энгельсу фаталистическую трактовку истории, от которой они якобы отказались в своих трудах 60—70-х годов. Он распространил в социал-демократической идеологии ложный тезис о том, что Маркс и Энгельс, подчеркнув значение идеального, субъективного в исторической практике, якобы пришли к «индетерминистическому» пониманию истории. Бернштейн, по сути дела, смешал вопрос о материальных основах общественного развития с вопросом о диалектическом характере материалистического понимания истории, об исторической закономерности как продукте и результате целеполагающей деятельности людей. Противопоставляя материальные и духовные отношения в обществе, он считал, что в истории человечества экономика и идеология чередуются в качестве ее основных детерминант.

Бернштейн открыто впервые выступил против попыток представить взгляды Маркса и Энгельса на социализм как окончательную и не подлежащую сомнению истину. Утверждая, что историческая неизбежность социализма якобы недоказуема, он пытался дать «этическое» обоснование социализма.

Отрицание Бернштейном научного характера марксистского социализма связано с его идеалистической трактовкой истории. По мнению самого Бернштейна, в условиях капитализма общественный прогресс обусловлен развитием духовных факторов, к которым он относил абстрактный «всеобщий» интерес и моральное сознание. Он сводил революционное социалистическое мировоззрение к нравственной характеристике современного ему общественного строя как справедливого или несправедливого. В своей объективистской трактовке идеологии Бернштейн, по сути, стремился преодолеть вульгарно-социологизаторский подход к марксизму как исключительно партийной, пролетарской теории. Он исходил из общности классовых интересов рабочего класса с общечеловеческим «коллективным» интересом, который выражается в нравственном осуждении капитализма. Отрицая историческую неизбежность социализма, Бернштейн отстаивал идеалистическую идею о моральной необходимости как конституирующем элементе истории, подчеркивал роль морали как движущей силы развития экономики, как фактора развития «всеобщего интереса». Опираясь на представления о социализме как моральном сознании, он пришел к идеалистическому пониманию социализма как идеала, цели общественного развития, постулируемой моральным сознанием. Вместе с тем сделав акцент на гуманистическое содержание, родство идеалов марксистского и немарксистского социализма, Бернштейн по-новому поставил перед социал-демократией 90-х годов вопрос о возможностях союза с демократическими общественными силами.

Критика философских посылок бернштейнианства

Против бернштейнианской трактовки материалистической диалектики и материалистического понимания истории выступили фактически все марксистские теоретики того времени. Критикуя эклектические философские постулаты бернштейнианцев, Плеханов, Благоев, Люксембург, Меринг, Лабриола, Каутский уточняли

[1] *Kautsky K.* Die materialistische Geschichtsauffassung und der psychologische Antrieb // Die Neue Zeit. 1895—1896. Bd. 2. S. 652—659; *Kautsky K.* Was will und kann die materialistische Geschichtsauffassung leisten? // Die Neue Zeit. 1896—1897. Bd. 1. S. 123—218, 229—238, 260—271; *Kautsky K.* Utopistischer und materialistischer Marxismus // Die Neue Zeit. 1896—1897. Bd. 1. S. 716—727.

[2] *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. С. 35.

[1] *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. С. 7.

[2] См. там же.

и конкретизировали свое понимание сущности материалистического понимания истории, марксистского диалектического метода. Однако при этом большинство учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса все же не уловили подлинного смысла философских посылок бернштейнианства. Так, например, Люксембург, хотя и рассматривала отказ Бернштейна от материалистической диалектики как прямое доказательство его перехода на позиции буржуазного объективизма, как подрыв основ материалистического понимания истории и марксистской политэкономии, тем не менее в своей критике ревизионизма все же, по существу, не затронула основных философских проблем. Она ограничилась критикой эклектического характера основных теоретических установок ревизионизма, его плоского эмпиризма и антиисторизма. «Эта теория, состряпанная без разбору из крох всевозможных систем,— писала она по поводу выступлений Бернштейна,— кажется на первый взгляд совершенно беспристрастной. Бернштейн и слышать не хочет о какой-нибудь «партийной науке»... То, что Бернштейн считает общечеловеческой наукой, демократией, моралью, есть только господствующая, т. е. буржуазная наука, буржуазная демократия, буржуазная мораль» [1].

Резко отрицательную позицию в отношении теоретических идей Бернштейна занимал А. Бебель, четко представлявший их социальную направленность. Но что касается конкретной критики Бебелем бернштейнианской интерпретации марксистской философии, материалистической диалектики, то сама бебелевская аргументация свидетельствует о том, что он не понимал всего значения диалектического материализма для теории и политики социализма. В качестве основной ошибки Бернштейна Бебель указывал на то, что тот вообще занялся философскими понятиями: законом причинности, детерминизмом, фатализмом. Именно те ошибки Бернштейна, в которых проявилась его враждебность диалектике, Бебель рассматривал как маловажные, как если бы они не стояли в прямой связи с вопросами стратегии и тактики партии. В силу недостаточного понимания материалистической диалектики Бебель (позицию которого разделял и Либкнехт) и пришел к ошибочному выводу, будто из партийной дискуссии по вопросу о ревизионизме надо исключить все, связанное с исследованиями в чисто научной области, то есть всю философскую проблематику.

Недостатки, свойственные критике бернштейнианского ревизионизма марксистами того времени, проявились и в трудах Каутского [2]. Он не придавал должного значения философской конфронтации между марксизмом и ревизионизмом. В одном из писем Плеханову в 1901 году Каутский сделал характерное признание: «Философия никогда не была моей сильной стороной. Я предпочитаю не писать о философских вопросах, но, конечно, у меня есть свои философские убеждения, и они те же, что и были; убеждения моих учителей, диалектический материализм.

[1] *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция? М., 1959. С. 80—81.
[2] В плане философской критики ревизионизма наибольший интерес представляют статьи Каутского «Бернштейн и материалистическое понимание истории», «Бернштейн и диалектика» (1898—1899), опубликованные в «Die Neue Zeit» и вошедшие впоследствии в переработанном виде в книгу «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» (1899).

Только я думаю, что можно быть в некотором смысле неокантианцем и признавать историческую и экономическую доктрины марксизма» [1]. В этом — методологические основы коренных недостатков критики Каутским бернштейнианского ревизионизма с присущей ей теоретической аморфностью, иллюстративностью контраргументов, зачастую сводившихся к ссылкам на произведения Маркса и Энгельса.

Вместе с тем выступления Каутского — видного теоретика и признанного авторитета международной социал-демократии — против бернштейнианства сыграло важную роль в критике ревизионизма. Ленин высоко оценил в своей рецензии на книгу Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» ее марксистские положения. Каутский, по словам Ленина, показал, каким условиям должна удовлетворять серьезная и добросовестная критика, если предпринимающие ее не хотят замыкаться в узкие рамки бездушного педантизма и гелертерства, «если они не хотят терять из виду тесной и неразрывной связи «теоретического разума» с «практическим разумом» и притом с практическим разумом не единичных личностей, а масс населения, поставленных в особые условия» [2].

В полемике с Бернштейном Каутский критически проанализировал интерпретацию Бернштейном марксистской идеи об исторической неизбежности социализма в духе механистического фатализма. Он подчеркивал, что Бернштейн «сузил» исторический материализм до «экономического материализма» — его вульгаризаторской трактовки, после чего Бернштейну пришлось отказаться вообще от материалистического обоснования социализма как идеала революционной борьбы пролетариата. Каутский показал, что поворот Бернштейна к «этическому социализму» далеко не случаен: с точки зрения бернштейнианского «экономического материализма» действительно методологически невозможно понять диалектическое единство материального и идеального, объективного и субъективного в истории. Экономический фатализм, который Бернштейн приписывает марксизму, как отмечал Каутский, действительно мешает осознанию роли идеологии, науки, религии в поступательном развитии истории.

Довольно убедительно отстаивал Каутский марксистское положение о законах материалистической диалектики как всеобщих закономерностях развития природы, общества, человеческого мышления. Он стремился опровергнуть ревизионистское отрицание законов диалектики, и прежде всего закона единства и борьбы противоположностей как источника развития. Каутский показал, что Бернштейн ложно интерпретирует марксистскую теорию развития в духе плоского эволюционизма Спенсера.

[1] Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973. Т. 2. С. 172.
[2] *Ленин В. И.* Рецензия *Karl Kautsky. Bernstein und das Sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik* // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 199.

В 90-е годы центральной фигурой в международной социал-демократии в спорах с философским ревизионизмом стал Г. В. Плеханов. Его полемика с Бернштейном наиболее основательна в философском отношении, значительно превосходила по теоретической глубине антиревизионистские выступления по проблемам философии Бебеля, Каутского, Люксембург, Меринга, Благоева. Плеханов, подчеркивал Ленин, был «единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма» [1]. В историю марксизма Плеханов вошел не только как последовательный критик бернштейнианской интерпретации марксистской философии, материалистической диалектики [2], но и как один из инициаторов борьбы против идейных сторонников Бернштейна в социал-демократии.

Выступая в защиту материалистической диалектики, Плеханов продолжал традиции Маркса и Энгельса, неоднократно выражавших опасения относительно ослабления интереса к диалектике в рядах социал-демократии. Опасность распространения позитивизма, вульгарного материализма для революционного мировоззрения пролетариата подчеркивал Энгельс. В этих традициях развернул Плеханов свою борьбу против философского ревизионизма Бернштейна, Струве, Шмидта.

«Бернштейнианизацию» марксизма он рассматривал как полное отречение от революционной тактики, от научного социализма и философии марксизма. «Это именно теория буржуазной *социальной реформы*, выставленная против теории *социалистической революции пролетариата*» [3]. Единственный (помимо Лабриолы) из марксистских критиков Бернштейна 90-х годов, Плеханов увидел в ревизионизме симптом упадка общего уровня марксистского теоретического мышления. «Г. Бернштейн, взятый сам по себе, не только не страшен, но прямо смешон... Но «бернштейниада» очень страшна, как признак возможного упадка» [4]. Свои выступления против Бернштейна, Шмидта, Струве Плеханов использовал как повод для того, чтобы привлечь внимание к философским проблемам марксизма, показать опасность философского нигилизма для развития теории и практики социализма. Плеханов решительно отверг всякие попытки подвести под марксистскую теорию какой-либо «иной» фундамент, кроме диалектико-материалистического. В своих статьях против ревизионизма он показал, что диалектический и исторический материализм представляет собой целостную философскую систему, отвечающую как мировоззренческим запросам естествознания, общественных наук, так и революционной практики. «Маркс и Энгельс были материалистами не только в области исторического исследования, *они были таковыми и в области понимания отношения между духом и материей*» [1].

В полемике с Бернштейном, Струве и другими «легальными марксистами» Плеханов раскрыл содержание основных диалектических закономерностей, изложил основные положения диалектико-материалистического учения о развитии. Он отстаивал идею прерывистого, революционного развития действительности как альтернативу принципу эволюции Бернштейна и легальных марксистов и рассматривал его как идеологизм, призванный оправдать их отказ от социальной революции, апологетику реформизма. В полемике с ревизионистами Плеханов подверг критике эволюционизм бернштейнианства в его применении к обществу, раскрыл научный характер материалистического понимания истории, подчеркнул важность диалектико-материалистического подхода к анализу ее закономерностей. Он выступил против догматизации философско-теоретических основ марксизма, их антиисторической трактовки. «Марксова теория,— писал Плеханов,— не есть вечная истина в последней инстанции. Это верно. Но она является *высшею социальной истиной нашего времени*...» [2]

Плеханов был единственным из учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса, кто четко осознал тесную связь философской критики марксизма со стороны бернштейнианцев и «легальных марксистов» с их политической переориентацией на реформизм. «Крайне ошибочно было бы воображать,— предупреждал Плеханов,— что так называемая критика марксизма стремится удовлетворить какой-нибудь серьезной теоретической потребности. До теории гг. «критикам», в сущности, очень мало дела. Им нужно побороть или хотя бы только ослабить известную практическую тенденцию: *революционную тенденцию* передового пролетариата... Эта практическая цель оправдывает все теоретические средства» [3].

Важное значение имели антиревизионистские выступления А. Лабриолы [4]. Марксизм, утверждал Лабриола, не нуждается в каких-либо «дополнениях» типа неокантианства, позитивизма, социал-дарвинизма и содержит в себе самом возможности даль-

[1] См.: *Ленин В. И.* Марксизм и ревизионизм // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 20.

[2] Развернутую критику философского ревизионизма Плеханов дал в своих работах: «О мнимом кризисе марксизма» (1898), «Бернштейн и материализм» (1898), «За что нам его благодарить?» (1898), «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса» (1898), «Материализм или кантианизм» (1899), «Первые фазы учения о классовой борьбе» (1900), «Критика наших критиков» (1901), «Cant против Канта» (1901) и др.

[3] *Плеханов Г. В.* Критика наших критиков // Избр. филос. произв. Т. 2. С. 619.

[4] *Плеханов Г. В.* Cant против Канта // Там же. С. 401.

[1] *Плеханов Г. В.* Бернштейн и материализм // Избр. филос. произв. Т. 2. С. 352.

[2] *Плеханов Г. В.* За что нам его благодарить? // Там же. С. 367.

[3] *Плеханов Г. В.* Критика наших критиков // Там же. С. 615.

[4] Это предисловие и послесловие к французскому изданию «Бесед о социализме и философии» с критикой Сореля и Кроче (1898—1899), статьи «О книге Бернштейна» (1899), «О кризисе марксизма» (1899).

нейшего развития, совершенствования своих функций в качестве орудия познания и преобразования действительности. Он критиковал Бернштейна за то, что ревизионистский теоретик, столкнувшись с «несоответствием» исходных понятий марксизма с реальностью, взялся полностью пересмотреть все марксистское учение, вместо того чтобы средствами диалектико-материалистического анализа действительности конкретно проанализировать социальную и духовную ситуацию эпохи. По мнению Лабриолы, сам подход Бернштейна и его последователей к анализу марксизма глубоко порочен с методологических позиций: они руководствуются представлениями о марксизме как поверхностной «всенауке» гегельянского (по мнению Кроче) или позитивистского (по мнению Бернштейна) типа. В действительности же прогресс социалистического движения зависит, по убеждению Лабриолы, от того, насколько марксистская мысль осваивает новые факты, явления, процессы развивающейся действительности, дает их конкретный анализ и увязывает с задачами революционной практики [1].

Ревизионистским представлениям о «теоретической недостаточности» марксизма Лабриола противопоставил свое понимание марксизма как «философии практики», как учения, постоянно развивающегося, отражающего в своих понятиях и категориях динамику истории, многообразные тенденции общественного развития.

Полемика с философскими идеями бернштейнианского ревизионизма поставила перед учениками, соратниками и последователями Маркса и Энгельса важный в теоретическом отношении вопрос о связи теоретических догм ревизионизма с буржуазной философией. Раскрывая эклектический характер философских идей Бернштейна и его сторонников, теоретики революционного марксизма обратились к анализу буржуазных философских доктрин, послуживших источником теоретических взглядов ревизионистов. Плеханов, Лафарг, Меринг дали первые марксистские примеры критического анализа идеалистической теории познания, как она обосновывалась в новейших объективно-идеалистических (неогегельянство) и субъективно-идеалистических (конвенционализм, неокантианство) учениях [2].

В спорах с философским ревизионизмом 90-х годов важную роль сыграла марксистская критика «этического социализма» неокантианцев (Плеханов и Меринг). Опираясь на свою эрудицию в вопросах истории, Меринг в борьбе с этическим априоризмом неокантианства отстаивал идею социальной обусловленности, классового характера моральных норм, убеждений, идеалов. Этический идеал, подчеркивал Меринг в статье «Неокантианцы», имеет социальные корни и потому может стать исторической и политической силой, направленной как на благо, так и во зло. Следовательно, этический идеал может действовать как ориентир исторической практики и революционной борьбы только тогда, когда соответствующие этические суждения каузально обоснованы, рассматриваются как элементы социальной детерминации. Сходной позиции придерживался и Плеханов.

[1] *Labriola A.* Saggi sul materialismo storico. Roma, 1964. P. 302.

[2] См.: *Лафарг П.* Материализм Маркса и идеализм Канта (1900); Религия капитала (1900); основные разделы труда «Экономический детерминизм Карла Маркса», написанные Лафаргом в 1898—1899 годах. *Меринг Ф.* Кантианцы (1900); Кант и Маркс (1904); Кант и социализм (1900); Неокантианцы (1900). *Плеханов Г. В.* Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса (1898); Материализм или кантианизм (1899); О мнимом кризисе марксизма (1898); Критика наших критиков (1901).

Философские дискуссии с ревизионизмом 90-х годов стали важным этапом в идейной эволюции учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса. Они выявили общий уровень марксистского теоретического мышления 90-х годов, его достоинства и недостатки. Конфронтация с ревизионизмом в области философии способствовала консолидации интеллектуальных сил международной социал-демократии в деле защиты, пропаганды и развития марксистского учения. Вместе с тем полемика с бернштейнианством и его сторонниками в лице «легального марксизма», «экономизма», поссибилизма и т. д. обнаружила известную ограниченность философского марксистского мышления тех лет: явно ощущалась недооценка мировоззренческого содержания марксизма, недопонимание сущности материалистической диалектики, пренебрежительное отношение к вопросам философии, идеологии в целом. Даже самые основательные критические разборы бернштейнианского ревизионизма и неокантианства тех лет не свободны от такого рода ограниченности.

Защита основ марксистской политэкономической теории

В представлении бернштейнианцев некоторые новые явления в развитии капитализма истолковывались как факторы, ведущие к сглаживанию противоречий в обществе, к снижению их остроты. Они абсолютизировали тенденции капитализма к организации экономики, гармонизации социальной жизни, установлению классового мира, используя в качестве теоретической базы работы К. Менгера, Е. Бём-Баверка, Л. Брентано, Г. Шульце-Геверница и прочих авторитетов буржуазной науки. Бернштейн откровенно призывал благодарить буржуазных экономистов, в особенности Ф. Бастиа, за открытие «хозяйственной гармонии» в системе капитализма [1].

В центре внимания ревизионистской критики оказалось прежде всего учение Маркса о стоимости и прибавочной стоимости. И это не случайно, так как отказ от этих фундаментальных разделов Марксовой теории затушевывает антагонистическую сущность капиталистических производственных отношений, эксплуатацию труда капиталом и в конечном счете ведет к отрицанию необходимости социалистической революции.

[1] См.: *Бернштейн Э.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901. С. 332.

Трудовая стоимость, по словам Бернштейна, у Маркса имеет значение «только отвлеченной формулы или же научной гипотезы». Закон трудовой стоимости, считает Бернштейн, фикция, он перестает действовать в условиях капитализма, в условиях, когда вступает в силу закон цен производства. Бернштейн здесь замалчивает — вольно или невольно — очень важное положение Маркса о том, что цена производства представляет собой всего лишь превращенную форму стоимости, что проявление закона стоимости при капитализме модифицируется законом средней нормы прибыли, перераспределением прибавочной стоимости между капиталистами. Более того, по его мнению, Марксова теория трудовой стоимости порождает неверные представленя о масштабах эксплуатации рабочих капиталистами [1].

Объявив закон стоимости всего лишь «отвлеченной формулой» или «научной гипотезой», Бернштейн и среднюю норму прибыли зачислял в разряд скорее «теоретических конструкций», чем «действительных фактов». Капитал, утверждал он, якобы не всегда стремится к наибольшей прибыли [2]. Бернштейн предлагал искать источник прибыли не в сфере производства, а там, где его фактически нет,— в сфере обращения. Проблема прибыли превращалась у него в проблему ценообразования, скидок и накидок в ценах, в проблему, зависевшую исключительно от доброй воли капиталистов, от мудрости их экономической политики. Из теории Бернштейна следовало, что капиталисты, умело поднимая цены, могут получать необходимые средства для одновременного повышения как прибыли, так и заработной платы рабочих. Такой вывод затушевывал противоречия капиталистической экономики, эксплуатацию рабочего класса буржуазией, противоположность их интересов. По существу, политическая экономия при такой постановке вопроса отбрасывалась на целое столетие назад, поскольку, как известно, уже Д. Рикардо признавал противоположность категорий прибыли и заработной платы.

Соответственно ревизионисты решали и проблему заработной платы. Они утверждали, что путь повышения заработной платы при капитализме лежит не через организованную борьбу рабочих с капиталистами, а осуществляется только посредством роста производительности. Капиталисты также «заинтересованы» в повышении заработной платы рабочих (при условии получения высокой прибыли), поскольку это ведет к увеличению покупательной способности и в большей мере содействует решению проблемы сбыта. В этом, по мнению ревизионистских теоретиков, заключена еще одна возможность плодотворного классового сотрудничества эксплуататоров и эксплуатируемых, установления «социальной гармонии».

Односторонне используя данные буржуазной статистики, Бернштейн и его единомышленники отрицали действие закона концентрации капитала и производства, пытались обосновать вывод о «демократизации» капитала в связи с образованием акционерных обществ, о полном преодолении капиталистическими монополиями анархии производства. Вместе с тем абсолютизировался факт живучести мелкого производства, его сопротивления натиску крупного капитала. Эта идея особенно акцентировалась относительно сельского хозяйства, где будто бы совершенно не действует Марксов закон концентрации производства.

Бернштейн пытался пересмотреть и Марксову теорию кризисов перепроизводства. Игнорируя коренную причину кризисов, противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением, он неверно понимал взгляды Маркса: выискивал мнимые «противоречия» между III и II томом «Капитала», а также между высказываниями Маркса и Энгельса, видевших якобы непосредственные причины кризисов в анархии капиталистического производства, в недопотреблении масс. Бернштейн не понимал вскрытую Марксом связь этих непосредственных причин кризисов перепроизводства с их главной причиной, с основным противоречием капитализма. Он допускал возможность полного устранения кризисов по мере расширения мировых рынков, улучшения транспорта и связи, возникновения трестов и картелей, увеличения кре-

[1] См.: *Бернштейн Э.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии. С. 79 и далее.

[2] См. там же. С. 237—238.

дитов. Причины частичных и локальных кризисных явлений он предлагал искать не там, где они действительно заключены,— в сфере производства, а в сфере обмена, в спекуляции на денежном рынке [1].

Выступления ревизионистов были нацелены на опровержение всеобщего закона капиталистического накопления, вывода о необходимости социалистической революции и экспроприации буржуазии. Шмидт, например, утверждал, что этот вывод вообще не может быть доказан из развитых Марксом посылок [2].

Вместе с тем критика Бернштейном некоторых положений, традиционных для марксистской мысли того времени, была во многом справедлива — это касалось теорий обнищания рабочего класса, поляризации буржуазного общества, неизбежности близкого краха капитализма.

Критикуя взгляды Бернштейна и его сторонников, Лафарг, Люксембург, Каутский в 90-е годы видели свою задачу, по сути, в том, чтобы доказать противоположность этих воззрений положения Марксовой политической экономии.

В трудах «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» (1899), «Аграрный вопрос» (1899), «Социальная революция» (1902) Каутский показал несостоятельность ревизионистских «опровержений» Марксовой теории стоимости, эклектизм позиции Бернштейна, уклонившегося от серьезного, научного рассмотрения проблемы и пытавшегося механически соединить несоединимое: взгляды Маркса с теорией «предельной полезности» Бем-Баверка. По словам Каутского, Бернштейн, нападая на Марксово учение о трудовой стоимости, расшатывал и подрывал устои всего здания экономической науки марксизма, в том числе учения о прибавочной стоимости, о капитале и т. д. [3] Опираясь на данные статистики, Каутский показал несостоятельность возражений Бернштейна, Шмидта и их соратников против сформулированных Марксом общих тенденций развития капитализма — закона концентрации капитала, вытеснения мелкого производства крупным, относительного ухудшения положения пролетариата, которое не исключает повышения материального уровня жизни наемных тружеников. Каутский опровергал утверждение Бернштейна о происходящей якобы «демократизации» капитала в акционерных обществах, о возможности устранения кризисов с помощью монополий и кредита, об увеличении числа «имущих» и о прогрессирующем улучшении положения пролетариата при капитализме и т. д. Он выступил против карикатурного изображения Бернштейном и его единомышленниками Марксова учения о пролетарской революции как единовременном и всеобщем крушении капитализма в результате грандиозного и повсеместного экономического кризиса (так называемая «Zusammenbruchstheorie»). Обстоятельно ответив на возражения Бернштейна против важнейших положений экономического учения Маркса, Каутский при-

[1] См.: *Бернштейн Э.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии. С. 133 и далее.

[2] *Schmidt C.* Zur Theorie der industriellen Reservearmee // Sozialistische Monatshefte. 1904. Hf. 2. S. 124.

[3] См.: *Каутский К.* К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»). М., 1922. С. 45.

ходил к выводу, что это по существу «те самые возражения, которые уже давно выдвигаются либеральной экономией против социализма вообще»[1]. Но «если самые крупные недостатки капиталистического способа производства свойственны только его зачаточным стадиям и с его дальнейшим прогрессом уменьшаются; если число имущих растет, социальные противоположности постоянно смягчаются, пролетарии получают все более и более прочную надежду стать самостоятельными или достичь удовлетворительного положения, то к чему же тогда социализм?»[2] — спрашивал Каутский.

Вместе с тем в этих критических выступлениях Каутского сказались и изъяны его исходных методологических позиций. Он развивал неверную в своей основе идею, будто экономическим пределом, внешней границей процесса капиталистического расширенного воспроизводства явится невозможность сбыта, узость рынка — сначала внутреннего, а в конечном итоге — ввиду ограниченности территории земли — также и внешнего. Эта «недостаточность» внешнего рынка должна означать, согласно взглядам Каутского, прекращение или крайнее замедление роста капиталистического производства, фактический конец капитализма[3].

В полемике с буржуазными и реформистскими теоретиками положения политической экономии Маркса отстаивал Лафарг. Защищая учение Маркса о стоимости и прибавочной стоимости, он показывал, в частности, полную несостоятельность попыток К. Шмидта изобразить закон стоимости и прибавочной стоимости всего лишь «гипотезой» или «необходимой фикцией»[4], критиковал утверждения вульгарных экономистов и их «социалистических» последователей, будто стоимость и прибавочная стоимость создаются не в процессе производства, а в процессе обмена[5]. Лафарг, доказывая несостоятельность представлений о «демократизации» капитала в акционерных обществах, отмечал, что эта «демократизация» на деле «сводится к ограблению мелких вкладчиков крупными капиталистами»[6]. Опираясь на марксистское положение о неизбежности экономических кризисов при капитализме, он доказывал при этом, что тресты и другие монополистические организации капиталистов ведут не к смягчению кризисов, как утверждали ревизионисты, а к углублению их, не к сглаживанию классовых противоречий и «затуханию» классовой борьбы, а, напротив, к их обострению[7].

Теоретическое наследие «Капитала» активно защищала от нападок ревизионистов Люксембург. Она опровергала утверждение Бернштейна, будто Марксов закон стоимости является простой

[1] *Каутский К.* К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»). С. 155.
[2] Там же.
[3] См. там же. С. 140.
[4] См.: *Лафарг П.* Теория стоимости и прибавочной стоимости Маркса и буржуазные экономисты // Соч. Т. 12. С. 3—11; *Лафарг П.* Экономическая функция биржи (Этюд по теории стоимости) // Там же. С. 36—56.
[5] См.: *Лафарг П.* Ответ на критику Маркса // Там же. Т. 2. С. 12—23; *Лафарг П.* Американские тресты // Там же. С. 262.
[6] См.: *Лафарг П.* Американские тресты // Там же. С. 270.
[7] См. там же. С. 267.

«абстракцией». Абстракция Маркса, писала Люксембург, «не выдумка, а открытие... она существует не в голове у Маркса, а в товарном хозяйстве,... она живет не воображаемой, а реальной общественной жизнью»[1]. Бернштейн, констатировала она, проявил полную неспособность понять Марксов закон стоимости и прибавочной стоимости, а без такого понимания «капиталистическое хозяйство и все связанное с ним должно остаться тайной»[2].

Оценивая марксистскую полемику с идеями Бернштейна и его сторонников в области политической экономии капитализма в 90-е годы, следует иметь в виду, что ведущие теоретики II Интернационала ограничились в своей критике прямым противопоставлением известных положений Марксова экономического учения взглядам ревизионистов и фактически не ставили вопроса об опровержении бернштейновских тезисов с позиций творческого развития марксистской политэкономии применительно к новым тенденциям хозяйственной жизни конца века. В этом сказалась известная ограниченность, догматичность критики ревизионизма. И как результат — формирование такой особенности их мышления, как «ортодоксия», ориентировавшая лидеров II Интернационала в первую очередь на «подтверждение» новыми фактами известных положений марксизма, а не на творческую разработку марксистской теории в соответствии с условиями новой эпохи, в которую вступал капитализм на рубеже XIX—XX веков.

2. ПРОБЛЕМЫ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ТРУДАХ УЧЕНИКОВ, СОРАТНИКОВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

В 90-е годы теоретики социал-демократии в своих трудах уделили немало внимания разработке и пропаганде марксистской философии, хотя в своей теоретической деятельности в этот период многие из них тяготели к социально-политической проблематике, непосредственно связанной с классовой борьбой пролетариата в конкретно-исторических условиях отдельных стран.

Пропаганда диалектического материализма

Среди учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса, осознавших основополагающее значение философии диалектического материализма, выдающуюся роль сыграли в 90-е годы Плеханов и Благоев[3].

В тот период перед марксистами-теоретиками в первую очередь встали задачи обоснования неразрывной связи диалектики

[1] *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция? С. 56—57.
[2] Там же. С. 57.
[3] См., например: *Плеханов Г. В.* К шестидесятой годовщине смерти Гегеля (1891); К вопросу о развитии монистического взгляда на историю (1895); Очерки по истории материализма (1893); Бернштейн и материализм (1898); Cant против Канта (1901); *Благоев Д.* Что такое социализм и имеет ли он почву у нас? (1901); Материализм или бернштейнианство (1901); «Pro doma sua» (1900) и др.

и материализма, систематизации основных понятий диалектического материализма, выявление его сущностных характеристик. Плеханов и Благоев выступили против упрощенческой трактовки философии марксизма как только социально-исторической теории, недооценки роли диалектики как всеобщего метода познания и революционной деятельности. Они осознали — и в этом их непреходящая заслуга,— что подобное одностороннее восприятие содержания философии марксизма подрывает его революционную сущность. Плеханов и Благоев характеризовали философию марксизма как диалектический материализм. При этом с понятием «диалектический материализм» в их воззрениях связывалось все философско-историческое учение Маркса — Энгельса — как материалистическое понимание истории, так и материалистическое объяснение развития природы.

Для Плеханова, как и для Благоева, материализм Маркса и Энгельса есть философское учение, в котором фиксируются сущностные характеристики развития природы, общества, мышления. В этой связи они и подчеркивали историческую преемственность домарксистского и марксистского материализма. Вместе с тем Плеханов последовательно проводил мысль о принципиальной новизне философской теории марксизма, обогатившей материализм завоеваниями диалектики, ее качественном отличии от философских материалистических систем прошлого. «Мы употребляем термин «диалектический материализм»,— пояснял Плеханов,— который один только и может правильно характеризовать философию Маркса. Гольбах и Гельвеций были материалистами-*метафизиками*. Они боролись с *метафизическим* идеализмом. Их материализм уступил место *диалектическому идеализму*, который в свою очередь был побежден *диалектическим материализмом*» [1]. Плеханов подчеркивал, что «диалектический метод — это самое главное научное орудие, которое досталось в наследство от немецкого идеализма его преемнику, современному материализму» [2].

Известно, что в 90-е годы многие философские труды Маркса и Энгельса были недоступны широкому кругу социал-демократических теоретиков, что затрудняло усвоение философских аспектов марксистского учения. Вне поля зрения многих идеологов II Интернационала осталась гносеологическая проблематика, вопросы диалектики природы. Даже такой крупный теоретик и исследователь марксизма, как Ф. Меринг, был убежден, что Маркс и Энгельс, будучи историческими материалистами в исследовании общества, оставались естественнонаучными материалистами в понимании природы. На этой основе возникали представления о будто бы имеющемся у основоположников марксизма дуализме методов познания общества и природы. Тем большее значение приобретали в этих условиях идеи Плеханова и Благоева о всеобщем характере диалектического метода в марксизме.

Принципы диалектико-материалистического мировоззрения активно пропагандировал в 90-е годы П. Лафарг. Прежде всего он

[1] *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 691 (примеч.).

[2] *Плеханов Г. В.* К шестидесятой годовщине смерти Гегеля // Там же. С. 444.

выступал против нападок на принцип материального единства мира. По мысли Лафарга, одно из замечательных явлений, подтверждающих истинность марксистской диалектико-материалистической философии,— объективно существующее единообразие в развитии материального мира, находящее подтверждение в общности форм развития мысли, в законах логики. Современная наука, по мысли Лафарга, убедительно подтвердила материальное единство мира, всеобщность изменения и единообразие в развитии, тем самым показав, что «к изучению всех естественных или общественных явлений можно применять один и тот же научный метод, метод диалектический, «наивысшую форму мышления» [1]. В своем понимании марксистской философии Лафарг исходил из целостности диалектико-материалистических воззрений Маркса и Энгельса, синтезировавших накопленные конкретными науками знания.

Принцип монизма марксистской философии

Обосновывая всеобщий характер диалектико-материалистического метода, Плеханов разрабатывал свое понимание монизма марксистской философии. Стремясь к монистическому изложению диалектического и исторического материализма [2], он, по сути, систематизировал его основные идеи и понятия, опровергнув тем самым ложную идею об отсутствии философской теории в марксизме. Плеханов характеризовал марксистскую философию как мировоззренческую основу классовой борьбы пролетариата, а материалистическую диалектику — как метод научного исследования и социальной практики.

Плеханов подчеркивал, что монизм марксистской философии — это монизм диалектико-материалистический. Материальное бытие первично по отношению к сознанию, мышление есть продукт материи, его законы суть отражение объективной действительности. Признание материальности мира роднит марксистскую философию с предшествующим материализмом, по сравнению с которым он обогащен идеей диалектического развития. Главным в диалектико-материалистической картине мира является учение о развитии как борьбе и единстве противоположностей, взаимопереходе количественных изменений в качественные и т. п. В те годы утверждение идеи диалектического развития в природе имело для теоретической разработки марксизма принципиальное значение.

Монизм марксистской философии тесно связан в воззрениях Плеханова с признанием качественной специфики социальной формы движения материи. В практической сфере единство природы и общества проявляется, по Плеханову, в материальном производстве, а в мировоззренческом плане диалектико-материалистический монизм выражается в признании всеобщности действия законов и принципов диалектики в единстве диалектики объективной и субъективной.

Применительно к области исторического материализма проблему монизма марксистского мировоззрения разрабатывал А. Лабриола. Он трактовал совокупную человеческую деятельность как теорию и практику и особо выделял роль практики как самостоятельной и первичной по отношению к теории. Активность мысли для Лабриолы — это не чистое мышление, это теоретическая форма деятельности человека, которая подтверждается на практике. Умственный труд, как

[1] *Лафарг П.* Эволюция — революция // Сочинения. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 272.

[2] Эти идеи изложены Плехановым в его первой крупной философской работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895).

и любая другая форма активности, требует расходования энергии, приложения усилий, требует труда, потому что «думать — значит производить» [1].

Лабриола характеризовал исторический материализм как «тенденцию к монизму». Он стремился при помощи этого понятия подчеркнуть целостный, всеобъемлющий характер материалистического понимания истории, зачастую отождествляемого им с марксизмом вообще в отличие от его вульгарно-позитивистских трактовок в ревизионизме, и антиспекулятивный, антиаприорный характер марксистского мировоззрения в отличие от гегелевского идеализма. Он подчеркивал значение важного для диалектического понимания истории положения о том, что единство реальной истории и форм ее осознания, идеального отражения в общественных теориях носит относительный характер, обусловлено социальной практикой, целеполагающей деятельностью социальных групп и классов. Материалистическое понимание истории для Лабриолы — не отвлеченное философствование, но практическая интерпретация исторической действительности в единстве ее объективных и субъективных сторон и моментов в целях революционного преобразования.

Проблема отношения теории и практики

Раскрывая значение марксистской философии в связи с практикой, Плеханов писал: «...человеческий разум не мог быть демиургом истории, потому что он сам является *ее продуктом*. Но раз явился этот продукт, он *не* должен и по самой природе своей *не может* подчиняться завещанной прежнею историей действительности; он по необходимости стремится преобразовать ее по своему образу и подобию, *сделать ее* разумной... *Диалектический материализм есть философия действия*» [2]. Плеханов критиковал попытки противопоставить теорию марксизма революционной практике, философские обобщения — социалистическим ориентирам. Он выступил против трактовки марксистской идеи социальной закономерности в духе фатализма, отрицающей созидательный характер революционной практики в истории. Споры с ревизионизмом еще раз подтвердили глубокое убеждение Плеханова в том, что изменение политических ориентиров связано с изменением философско-теоретических позиций, и наоборот.

Плеханов стремился найти конкретный механизм взаимодействия марксистской философии и революционной практики пролетариата. В создании самостоятельной рабочей партии он видел средство организации революционной активности масс. Единство революционной философии и революционной практики, с его точки зрения, достигалось через просветительскую деятельность социалистической интеллигенции, через воспитание пролетарских масс в духе марксизма. В своей деятельности партия должна была сознательно воплотить объективные исторические тенденции общественного развития, которым подчиняется революционная политика.

Однако Плеханов в известной мере упрощал взаимосвязь и взаимозависимость теории и практики в марксизме. Адекватное понимание этого отношения предполагает как различение

[1] *Labriola A.* Saggi sul materialismo storico. P. 198.

[2] *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 691—692.

уровней теоретических обобщений социальной практики, как они существуют в марксизме, так и диалектический анализ самой практики, вычленение особых ее видов как основы собственно философского анализа. Плеханов зачастую расширительно трактовал философию, растворял в ней все теоретическое содержание марксизма, что вело в его концепции к смещению акцента на логический аспект диалектико-материалистической методологии в противовес историческому. Отсюда — известный логицизм в его воззрениях в целом. Вместе с тем само понимание Плехановым практики было односторонним. Он отождествлял практику с опытом, что вело к созерцательному истолкованию как марксистской гносеологии в целом, так и самой категории практики как основы и критерия формирования революционной теории. Плеханов не понял идею Маркса о творческом характере познавательной деятельности человека. Он был убежден, что гносеология Маркса «по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха или, если хотите, что она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки». Суть этой поправки Плеханов сводил к следующему: «Фейербах указывает на то, что наше *я* познает *объект, лишь подвергаясь его воздействию*. Маркс же возражает: наше *я* познает объект, *воздействуя на него с своей стороны*» [1]. Истолкование практики Плехановым, исключавшим из ее содержания предметно-преобразующую деятельность, вело к ограничению самой возможности средствами марксистской теории познать конкретно-исторические противоречия реальной действительности, общественной практики, альтернативные тенденции их развития. Плехановское понимание практики как опыта ориентировало социальное знание марксизма на преимущественно ретроспективное познание, когда конкретные выводы, в очередной раз подтверждая правильность исходных методологических установок и общих теоретических схем, выступают как «сумма примеров», иллюстрирующих всеобщий характер материалистической диалектики, но зачастую игнорирующих качественную новизну конкретной исторической ситуации.

В целом для Плеханова характерна (так же как и для других теоретиков II Интернационала) явно упрощенная трактовка диалектики. Не случайно, характеризуя методологические и познавательные возможности марксистской теории, Плеханов обращался исключительно к эвристическим функциям диалектического и исторического материализма. Полученное средствами философского анализа знание всеобщих закономерностей представлялось ему необходимым и достаточным для познания нового. По Плеханову, средствами материалистической диалектики новое познается только как результат предшествовавшего развития. Диалектический материализм «на основании того, что есть и *что отживает свой век*... умеет судить о том, что *становится*. ...Для нас то, что *становится*, есть необходимый результат того, что *отживает свой век*. Если мы знаем, что становится именно *то*, а не *другое*, то и этим мы обязаны объективному процессу общественного

[1] *Плеханов Г. В.* Основные вопросы марксизма // Избр. филос. произв. Т. 3. С. 136.

развития, которое подготовляет нас к познанию *становящегося*»[1]. В этой интерпретации марксистский диалектический метод превращается в форму философской теории, но не служит орудием исследования постоянно развивающейся действительности, возникающего нового. Созерцательность плехановской трактовки марксистской гносеологии обусловила абстрактность его понимания методологических функций марксизма в целом. Рассматривая теоретические положения марксизма как необходимые следствия общих положений и принципов материалистической диалектики, Плеханов игнорировал специфические, возникающие на базе марксистского диалектического метода (но не сводимые к нему) способы формирования конкретно-научного знания марксизма — экономического, исторического, социологического и т. д., отличные от философского.

Диалектический метод и теория познания

Наряду с исследованием общих проблем философии диалектического материализма марксистские теоретики уделяли немало внимания и разработке частных вопросов теории познания, например идей о диалектическом характере познавательного процесса.

Благоев в полемике с болгарскими неокантианцами, отрицавшими возможность анализировать познавательный процесс при помощи категориального аппарата марксистской философии, отстаивал идею о том, что основанием философского учения о познании должна быть диалектико-материалистическая теория отражения.

Исходные принципы марксистской теории отражения Благоев связывал с материалистическим решением основного вопроса философии. Диалектика познания есть не что иное, как отражение объективных диалектических процессов. Благоев указывал, что диалектическая философия рассматривает предметы и их отражение в головах людей, их образы, понятия во взаимной связи, в движении, в развитии[2]. Отражение объективной реальности — не механическое, зеркальное отражение, а творческий процесс. Мышление познает реальность в ее сущностных противоречиях. Реальность неисчерпаема, поэтому познание бесконечно, считал Благоев.

Благоев подчеркивал социальную обусловленность процесса познания, его зависимость от материального производства, общественных структур и институтов. «Идеи, имеющие значение в общественной жизни,— писал он,— определяются общественным бытием каждой данной эпохи, являются мыслительным, идеальным образом этого бытия в сознании людей»[3]. И чем многообразнее становится это последнее, «тем больше расширяется содержание мышления или тем разностороннее бывает идеология»[4].

Значительный вклад в систематизацию основных понятий и принципов теории познания диалектического материализма внес П. Лафарг. С марксистских позиций он ставил и решал проблему абстрактных понятий и их роли в познании (в терминологии Лафарга — вопрос о происхождении отвлеченных идей)[5]. Изучая историю философии, данные других наук, он пришел к выводу о том, что абстрактные понятия прогресса, справедливости, свободы, отечества и т. д., как и аксиомы математики, не существуют сами по себе и вне опыта. «Они не предшествуют опыту, а следуют за ним. Они не порождают исторических событий, а являются следствиями социальных явлений, которые, развиваясь, создают их, преобразуют или уничтожают»[6].

---

[1] *Плеханов Г. В.* К шестидесятой годовщине смерти Гегеля // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 441—442.

[2] См.: *Благоев Д.* Что такое социализм и имеет ли он почву у нас? М., 1960. С. 173.

[3] Там же. С. 195.

[4] Там же. С. 170.

[5] Этой проблематике посвящены его работы «Идеализм и материализм в объяснении истории» (1895); «Происхождение абстрактных идей» (1892—1893); «Происхождение идеи справедливости» (1898—1899); «Происхождение идеи добра и зла» (1898—1899).

[6] *Лафарг П.* Экономический детерминизм Карла Маркса // Соч. Т. 3. С. 9.

Отвергая идеалистический априоризм, Лафарг подчеркивал исторический, изменчивый характер форм познания, их тесную диалектическую связь с конкретным уровнем развития общественно-исторической практики. Практика рассматривалась Лафаргом не только как критерий истины, но и как основная движущая сила развития познания. Хотя подчас он ошибочно отождествлял понятие практики с понятием эксперимента, опыта, однако эта теоретическая нечеткость не умаляет его заслуг в деле разработки целостной концепции марксистской теории познания.

Значительный резонанс в 90-е годы приобрели идеи Лафарга о соотношении объективной и субъективной диалектики, методологического и мировоззренческого аспектов в философском учении марксизма. Материалистическая диалектика для Лафарга — не только диалектика понятий, мышления (субъективная диалектика), но и учение о развитии самой действительности (объективная диалектика). Такая постановка вопроса стимулировала разработку собственно философской проблематики марксизма, исследование диалектических закономерностей природы, истории, человеческого познания.

Исследуя вопросы марксистской гносеологии, Лафарг вслед за Энгельсом последовательно применял субъективную диалектику. В ходе анализа основных постулатов домарксистской социальной философии — идей добра, справедливости, души и т. п.— Лафарг не только раскрыл социально-историческую обусловленность их содержания, но и показал абстрактность и метафизичность гносеологических принципов философской системы, не учитывающей этих детерминант. Он детально рассмотрел в качестве одного из способов научного познания в марксизме диалектический анализ-синтез, связал с этим способом Марксову идею восхождения от абстрактного к конкретному. Любая самая отвлеченная идея, любая «вещь в себе», подчеркивает Лафарг, перестает быть непознаваемой, как только ее анализ сделает возможным обратную процедуру — ее синтез.

В работе Меринга «Об историческом материализме» (1893), предпосланной в качестве введения к первому изданию его труда «Легенда о Лессинге», выясняется гносеологическое значение исторического материализма как метода научного исторического исследования. Анализ определяющей роли способа производства материальных благ в общественном развитии и диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности материальных и идеальных, экономических и политических детерминант истории составляет, по мысли Меринга, кардинальное отличие метода историко-материалистического исследования, средствами которого в социальной теории и воссоздается подлинная диалектика истории.

Сходная трактовка исторического материализма как метода познания общественных явлений присутствует и в трудах А. Лабриолы. В «Очерках материалистического понимания истории» (1895—1899) Лабриола, характеризуя диалектику как «генетический метод», «генетическую концепцию», отмечал необходимость рассмотрения предметов в первую очередь с точки зрения их становления. Употребляя понятие «генетический метод», Лабриола стремился отметить значение для марксистского учения анализа эмпирических фактов, явлений действительности, их роли в формировании знаний о предмете, подчеркнуть, что этим марксизм отличается от априоризма идеалистической диалектики.

Излагая основные идеи «Капитала», Лабриола уделял главное внимание марксистскому диалектическому методу, показывал, что именно Марксов метод восхождения от абстрактного к конкретному как единству многообразного является единственно научным и адекватным методом анализа сложнейшей эмпириче-

ской действительности капиталистического общества. «Эта книга,— писал Лабриола о «Капитале»,— *носит глубоко творческий*, а потому «критический» характер, но «критический» не в субъективном смысле слова, а потому, что извлекает критику из... противоречивого... движения самих объектов»[1]. ««Капитал», во всех своих четырех частях,— подчеркивал Лабриола,— это диалектическое движение»[2]. Противоречия капитализма, как они сформулированы Марксом, «являются условиями самой структуры»[3] капиталистического общества. Материалистическая диалектика была инструментом критического анализа общества в «Капитале», она, по словам Лабриолы, и отражала исторические модификации капиталистического способа производства и формировалась вместе с ними.

В марксистской литературе 90-х годов обращение к проблемам метода зачастую было связано со стремлением выяснить специфику диалектико-материалистического мировоззрения, его принципиальное отличие от предшествовавших философско-политических учений. Характеризуя метод материалистической диалектики, ученики, соратники и последователи Маркса и Энгельса указывали вслед за своими учителями на его принципиальное отличие от идеалистической диалектики Гегеля. Однако в большинстве своем даже такие марксистские философы, как Меринг и Плеханов, ограничивались лишь противопоставлением взглядов Маркса и Гегеля, не исследуя содержание и принципы самого марксистского метода.

Вопросы материалистического понимания истории

Проблемы исторического материализма были центральными в теоретических исследованиях учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса 90-х годов. Задачи разработки реальной, действенной политики требовали анализа общественной жизни с позиций марксистской социальной теории, а это предполагало, в свою очередь, не только уяснение научного содержания материалистического понимания истории, но и развитие и конкретизацию основных положений исторического материализма, их применение к данным экономической и исторической наук. Вместе с тем перед марксистскими теоретиками стояла задача критики распространившихся в буржуазной и социалистической литературе тех лет вульгаризаторских трактовок материалистического понимания истории (в духе «экономического материализма» или абстрактного априоризма гегельянского толка).

В 90-е годы сложились своеобразные подходы к пониманию исторического материализма, в которых воплотились особенности восприятия диалектико-материалистического мировоззрения, характерные для марксистских теоретиков тех лет. Если Плеханов, Каутский, Лафарг, Благоев подчеркивали логический аспект материалистического понимания истории как теории общественного развития, исследующей его всеобщие закономерности, как программы революционной борьбы за социализм, то Меринг, Люксембург, Лабриола делали акцент на методологических функциях исторического материализма, рассматривали его основные понятия и категории как исходные пункты конкретного исторического исследования и практики революционной борьбы.

---

[1] *Labriola A.* La concezione materialistica della storia. Bari, 1971. P. 192.
[2] Ibid.
[3] Ibid. P. 193.

В 90-е годы в марксистской литературе активно обсуждались фактически все основные проблемы исторического материализма: диалектика производительных сил и производственных отношений, динамика взаимодействия природы и общества, базиса и надстройки, экономики и идеологии; рассматривались вопросы социальной детерминации, роли народных масс и личности в истории. Труды Плеханова, Лафарга, Лабриолы, Меринга, Каутского и по этим проблемам[1] имели выдающееся значение в развитии материалистического понимания истории, сконцентрировав все достоинства и недостатки, свойственные теоретическому мышлению социал-демократов тех лет.

Природа, общество, история. Проблема социального детерминизма

Следуя принципу марксистского монизма, Плеханов, Лабриола, Лафарг, Меринг стремились раскрыть материалистическое понимание истории, опираясь на идею материального единства мира, диалектического единства природы и истории. Материальные причины и детерминанты истории неразрывно связывались ими с экономическими условиями производства, необходимым элементом которых выступает и сама природа[2].

Как отмечал Меринг в статье «Об историческом материализме», повсюду, «где это допускают существование человека и развитие общественного способа производства, естественные условия труда входят в состав этого процесса; он овладевает ими, преобразовывает их, подчиняет их себе, и значение их уменьшается в той же мере, в какой растет господство человека над природой. Они играют свою роль в истории человеческого общества только при посредстве процесса производства... Способ производства каждой эпохи включает в себя свойственную этой эпохе зависимость труда от природных условий; вне этих пределов природа не принимает участия в истории человеческого общества. Другими словами, данный способ производства влияет на общественный жизненный процесс совершенно одинаковым образом, как бы различны

---

[1] См.: *Каутский К.* Эрфуртская программа (1892), К критике марксизма («Антибернштейн») (1899); *Лабриола А.* Очерки материалистического понимания истории (1895—1898); *Лафарг П.* Происхождение и развитие собственности, Идеология и материализм в объяснении истории (1895), Социализм и социальная наука (1896); *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция? (1898); *Меринг Ф.* Об историческом материализме (1893), Легенда о Лессинге (1892), История германской социал-демократии (1893—1898); *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю (1895), Очерки по истории материализма (1893) и др.

[2] При оценке трактовок Плехановым, Лафаргом, Мерингом, Лабриолой диалектики взаимодействия природы и общества нельзя упускать из виду тот факт, что все они, по сути, находились в плену прогрессистских иллюзий прошлого века, уповали на безграничные возможности, открываемые перед человеком поступательным развитием науки, техники, общественного производства, и не учитывали противоречивого характера отношений «природа — человеческая цивилизация», объективной неизбежности отрицательных последствий «безграничной» власти человека над природой.

ни были климат, раса и другие естественные условия, а несходные между собой способы производства влияют различным образом на общественный процесс, несмотря на самое полное сходство климата, расы и других природных условий» [1].

В этом же ключе проблему взаимоотношения человека и природы решал Лабриола. В «Очерках материалистического понимания истории» он обращал внимание на важное положение исторического материализма о социальной обусловленности самих условий человеческого существования. Собственно человеческой деятельностью является для Лабриолы практическая деятельность людей, как она воплощается в продуктах общественного производства, как материальных, так и духовных. Лабриола подчеркивал, что природа человека есть его историческая эволюция, а сама история есть история труда. Взгляд на историю как на процесс жизнедеятельности реальных людей, результаты деятельности которых выступают условием дальнейшего развития общества,— вот главное, что, по мнению Лабриолы, отличает подлинно диалектическое, материалистическое понимание истории от ее идеалистических интерпретаций. Лабриола, представляя марксизм как органическое единство философии, политической экономии и революционной политики пролетариата, считал, что материалистическое понимание истории составляет общетеоретическое и общеметодологическое основание марксистского учения, «в известном смысле и есть весь марксизм» [2]. Опираясь на идеи Энгельса о материалистической диалектике как учении о всеобщих законах развития природы, общества, человеческого мышления (как они излагались в «Анти-Дюринге»), автор «Очерков материалистического понимания истории» выступил против вульгаризаторских трактовок марксистской философии в духе позитивизма.

Вопросы взаимодействия природы и общества разрабатывали П. Лафарг и Г. В. Плеханов. При этом они апеллировали к теории естественной и искусственной сред, сыгравшей значительную роль в развитии материалистической традиции в домарксистских социальных теориях.

«Теория сред», возникшая в конце XVI века и получившая широкое распространение в конце XVIII — начале XIX века, имела большое значение для упрочения позиций материализма в домарксистской философии и социологии. Ее сторонники Гельвеций, Монтескье, Локк стремились с позиций материализма объяснить психику, образ жизни, политическую деятельность, нравственность людей исключительно земными причинами, что наносило ощутимый удар идеалистическим толкованиям природы человека, его истории. На фоне становления идеалистических концепций в социологии на рубеже XIX—XX веков материалистическое содержание «теории сред» приобрело новое звучание. Лафарг и Плеханов, развивая с марксистских позиций «теорию сред», стремились противопоставить ее распространившейся в буржуазной социологии «теории факторов», которая, по сути, была не чем иным, как идеалистической модификацией «теории сред» французских материалистов XVIII века. Этим и обусловлен тот факт,

---

[1] *Меринг Ф.* На страже марксизма. М.; Л., 1927. С. 73.
[2] *Labriola A.* Saggi sul materialismo storico. P. 179.

что марксистские идеи о взаимодействии природы и общества Плеханов и Лафарг обосновывали и развивали в рамках диалектико-материалистической интерпретации «теории сред», используя ту же терминологию, а зачастую и аргументацию. Однако следует подчеркнуть, что употребляются они в значении важнейших категорий исторического материализма, что обусловливает известную непоследовательность марксистского решения Плехановым и Лафаргом вопроса о соотношении природы и общества (упрощение подчас толкования отношения природы и общества как приспособление общества к природе, свойственное взглядам Лафарга, переоценка роли географической среды в развитии общества, характерная для Плеханова).

Обосновывая принцип материалистического детерминизма, Плеханов и Лафарг подчеркивали решающее значение материальной основы жизни человека и общества. Они различали «среду естественную» (в терминологии Плеханова «географическую»), подразумевая под ней природное окружение, и «среду искусственную», «историческую»,— социальную.

Диалектика взаимодействия природы и общества раскрывалась Плехановым и Лафаргом как взаимодействие двух этих сред. «Искусственную среду» они определяют как среду, создаваемую «экономическими, общественными, политическими и юридическими учреждениями, традициями, привычками, нравами и отношениями морали, здравым смыслом и общественным мнением, религией, литературой, искусствами, философией, наукой, способами производства и обмена и т. д. и людьми» [1]. «Искусственная среда», таким образом, трактуется как совокупность базисных и надстроечных явлений, иными словами, как общественно-экономическая формация. Однако было бы упрощением отождествлять понятие «искусственной среды», как оно используется в работах Плеханова, Лафарга и даже Лабриолы, с учением о формации, как оно разрабатывалось Марксом и Энгельсом.

Плеханов и Лафарг раскрыли и подробно описали важную черту взаимодействия природы и общества: обратную зависимость между уровнем развития «искусственной среды» и степенью влияния на нее «среды естественной». На высоких ступенях развития, указывал Лафарг, общество приобретает независимость от «естественной среды». Определяющей стороной функционирования «искусственной среды», движущей силой исторического процесса Лафарг считает развитие производительных сил. «Когда хотят найти первоначальные причины исторического движения, их нужно искать в способе производства материальной жизни,— подчеркивает он, ссылаясь на Маркса,— которая... обусловливает развитие социальной, политической и интеллектуальной жизни вообще» [2]. «...Диалектический материализм,— отмечал Плеханов,— не игнорирует... влияния географической среды на развитие общества. Он только лучше выясняет, каким образом влияют географические факторы на «общественного человека». Он показывает, что географическая среда обеспечивает людям бо́льшую или меньшую воз-

---

[1] См.: *Лафарг П.* Соч. Т. 3. С. 24. Ср.: *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. Т. 1. С. 612—613, 656, 731—733.
[2] *Лафарг П.* Соч. Т. 3. С. 29.

можность развития их производительных сил и тем более или менее энергично толкает их по пути исторического движения... Диалектический материализм обнаруживает... что влияние географической среды сказывается прежде всего и в сильнейшей степени на характере *общественных отношений*, которые в свою очередь бесконечно сильнее влияют на взгляды людей, на их привычки и даже на их физическое развитие, чем, например, климат» [1].

Анализируя взаимодействие природы и общества, Лафарг, Плеханов, Лабриола раскрыли содержание основных понятий и категорий исторического материализма («производительные силы», «способ производства», «базис», «надстройка»), показали их взаимосвязь. Они подчеркивали, что за исходными понятиями материалистического понимания истории стоят не отдельные явления, предметы, факты объективной действительности, а и общественные отношения людей, как они складываются в процессе производства и воспроизводства форм жизнедеятельности общественного человека.

Раскрывая содержание социального детерминизма, Лафарг, Плеханов, Лабриола, Каутский, Меринг подчеркивали его неразрывную связь с материалистическим пониманием истории. Идею обусловленности развития истории экономическими отношениями общества и в конечном счете уровнем и характером развития производительных сил они противопоставляли различного рода субъективистским и идеалистическим трактовкам исторического процесса.

Вместе с тем в работах Каутского, а подчас и Плеханова абсолютизация идеи объективной закономерности общественного развития оборачивалась искажением материалистического понимания истории. Каутский, сводя объективные детерминанты общественного развития исключительно к экономическим противоречиям, по сути, игнорировал трактовку истории как диалектики объективного и субъективного, истолковывал диалектико-материалистическое понимание истории в духе экономического объективизма. История, по Каутскому, с естественной необходимостью ведет от бесклассового первобытного общества через антагонистические общественно-экономические формации — рабство, феодализм и капитализм — к социализму. Экономическое развитие с неизбежностью закона природы ведет к социализму, обрекает на крах любые попытки дать этому движению другое направление.

В «Эрфуртской программе», а затем в комментарии к ней Каутский делает основной акцент на принудительном характере общественного развития, хотя и оговаривается, что признание необходимости общественного развития вовсе не отрицает роли человеческой активности в истории. Эта идея носит явно фаталистический характер, хотя в «Эрфуртской программе» фатализм Каутского еще не получил своего концептуального оформления. Трактовка марксистского социального детерминизма в духе фатализма вместе с тем обусловила неверное понимание Каутским исходных понятий материалистического понимания истории. Он абсолютизировал роль материальных, вещных факторов производительных сил, что вело к объективистской трактовке общественного развития в духе экономического материализма, однозначно связывавшего прогресс общества со степенью овладения силами природы, с прогрессом науки и техники. Упрощенная

[1] *Плеханов Г. В.* Еще раз г. Михайловский, еще раз «Триада» // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 731—732.

трактовка противоречий общественного прогресса в классовом обществе обусловила ошибочные выводы Каутского об однолинейности, однонаправленности исторического прогресса, однозначно детерминируемого уровнем промышленного производства.

Непонимание учения Маркса о диалектике объективного и субъективного в истории, свободы и необходимости оборачивалось в вопросах стратегии и тактики недооценкой преобразующей роли революционной деятельности рабочего класса, марксистской партии в борьбе за социализм. В «Эрфутской программе» Каутского наметился явный разрыв между теорией и практикой, роль теории сводилась к описанию действия экономических механизмов, к внесению этих знаний в сознание пролетариата. В концепции Каутского категория исторической необходимости служит связующим звеном между научным истолкованием тенденций общественного развития и формулировкой практических задач революционной практики пролетариата. Организуясь в самостоятельную партию, «рабочий класс тем самым с естественной необходимостью ставит себе» цель — борьбу за социализм, «а экономическое развитие с такой же естественной необходимостью ведет к ее достижению» [1]. Человек оказывается лишь продуктом обстоятельств, но не целеполагающим творческим субъектом, историческая необходимость выступает как господствующая над человеком экономическая сила.

В философском анализе проблем социального детерминизма марксистские теоретики 90-х годов обнаружили абстрактность своих воззрений. Их рассуждения о развитии производительных сил, о диалектике классовой борьбы нередко оборачивались схематизмом и социологизаторством в трактовке диалектико-материалистического учения.

Проблемы общественного сознания. Вопросы культуры и литературы

Недостатки в общефилософском подходе к проблемам социального детерминизма отчасти компенсировались относительно высоким уровнем теоретического решения этих проблем в конкретных областях исторической науки. Каутский, Плеханов, Лафарг исследовали опосредованное воздействие экономических условий на идеологию и психологию, их влияние на формы общественного сознания. Обосновывая идею объективной закономерности общественного развития, его обусловленности экономическими условиями, материальным производством, они осуществляли творческий поиск в исторических исследованиях, применяя диалектико-материалистический метод для анализа истории.

Значительных успехов в этом направлении достиг Лафарг. Он исходил из того, что задача изучения мировой истории предполагает применение принципов историко-материалистического ее исследования и, не в последнюю очередь, принципа социально-экономического детерминизма. Своей задачей Лафарг считал популяризацию и обогащение новейшими данными археологии, этнографии и т. п. основных положений материалистического понимания истории, истории цивилизаций.

Вопросам истории культуры посвящена его брошюра «Происхождение и развитие собственности» (1895), а также работы по мифологии. Первая из названных работ Лафарга примечательна в том отношении, что в ней, наряду с рассмот-

[1] *Каутский К.* Эрфуртская программа. М., 1959. С. 209.

симости художественного творчества от активной позиции художника в жизни общества и идейной борьбы и, в конечном счете, от развития общества и классовой борьбы. «...Писатель,— утверждает он,— является не только *выразителем* выдвинувшей его общественной среды, но и *продуктом* ее... он вносит с собой в литературу ее симпатии и антипатии, ее миросозерцание, привычки, мысли и даже язык» [1].

Труды Меринга, Лафарга, Плеханова по эстетике, истории и теории культуры нередко грешили упрощенным пониманием связи между духовным творчеством и общественной жизнью. Однако, разрабатывая марксистскую концепцию искусства как формы отражения диалектики истории и логики классовой борьбы, как фактора социального прогресса, в лучших своих работах они внесли свой вклад в развитие эстетической теории марксизма.

3. РАЗРАБОТКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ МАРКСИЗМА

Вопросам политической экономии ученики, соратники и последователи Маркса и Энгельса уделяли в своих трудах 90-х годов XIX века значительно меньше внимания, чем проблемам марксистской философии. Среди марксистов-теоретиков этого периода можно указать лишь на К. Каутского и П. Лафарга, как на тех из лидеров II Интернационала, кто внес определенный вклад в развитие политической экономии. В числе экономических проблем, вставших перед марксистами в 90-е годы, можно выделить два основных круга явлений. Во-первых, это вопросы, связанные с изменениями в экономике капитализма в конце XIX века, и, во-вторых,— аграрный вопрос.

Новые явления в экономике капитализма

Исследованию изменений в экономике капитализма, которые происходили в конце XIX — начале XX века, большое внимание уделили и К. Каутский, и П. Лафарг [2]. В своих трудах они, каждый по-своему и в то же время во многом с общих позиций, пытались осмыслить новые экономические явления. Основой их исследований явились положения и выводы, сформулированные в «Капитале» Маркса и в произведениях Энгельса 80-х и 90-х годов XIX века.

Оба теоретика-марксиста стремились выяснить роль и значение акционерных обществ, монополий, картелей и трестов. При этом Лафарг в основном глубоко исследовал роль биржи, меньше уделяя

[1] *Плеханов Г. В.* Гл. И. Успенский // Избр. филос. произв. М., 1958. Т. 5. С. 42.

[2] См., например: *Каутский К.* Эрфуртская программа (1892), Колониальная политика в прошлом и настоящем (1898), Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика (1899), Основы торговой политики (1901), Торговая политика и социал-демократия (1901), Социальная революция (1902); *Лафарг П.* Собственность и ее происхождение (1895), Экономическая функция биржи (1897), Американские тресты, их экономическое, социальное и политическое значение (1903).

внимания проблемам международных экономических отношений, Каутский же особенно внимательно изучал именно эти последние.

Исследуя акционерные общества [1], они отмечали стремительное возрастание их роли в экономической жизни. Лафарг и Каутский правильно разъясняли, вслед за Марксом и Энгельсом, значение акционерной формы предприятия как необходимого выражения и одновременно как могущественного средства централизации капитала. Развитие акционерных обществ, централизующих гигантские массы капитала, предоставляет форму для расширения капиталистических предприятий до невиданных прежде размеров, что открывает новые возможности для концентрации производства в промышленности, для широкого развития транспорта, в особенности железнодорожного и морского. Показывая значение распространения акционерных обществ в промышленности, они верно подметили, что идет столь интенсивный процесс роста концентрации капитала, при котором возможно соединение различных отраслей производства в одном предприятии, комбинация промышленных предприятий, интеграция отраслей промышленности.

Рассматривая развитие акционерной формы предприятий и соответствующее превращение капиталиста в акционера, опираясь на положения Энгельса по этому вопросу, Лафарг, а также Каутский разъясняли, что это превращение обнаружило ненужность капиталиста для производства, раскрыло историческую обреченность господства капиталистического класса. Лафарг, в частности, подчеркивал безличный характер собственности капиталистов в акционерных обществах, ее полную оторванность от производства. Каутский и Лафарг утверждали, что собственник капитала, превратившись в акционера, становится настоящим паразитом, живущим доходами с акций, а прежде принадлежавшие ему функции управления производством все больше переходят к наемным служащим. Широкое развитие акционерных обществ, по мнению Каутского и Лафарга, свидетельствует о необходимости установления общественной собственности на средства производства, является объективным фактором, подготавливающим революционную замену капитализма социализмом.

Основываясь на этих выводах, Каутский и Лафарг последовательно раскрывали реформистскую сущность представлений о «демократизации капитала», разъясняли действительное экономическое значение распространения акций, облигаций и других ценных бумаг как формы капиталистического богатства. По мнению Каутского, рост числа акционеров на деле означает дальнейшую централизацию капитала в руках крупнейших капиталистов и по существу является средством гигантского усиления экономического могущества магнатов капитала.

[1] См.: *Каутский К.* Эрфуртская программа. С. 82—83; *Каутский К.* Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика. Спб., 1906. С. 135—136; *Лафарг П.* Собственность и ее происхождение. М., 1959. С. 176—183; *Lafargue P.* Les trusts americains. P., 1903. P. 269—271.

Повышение роли крупных денежных капиталистов, магнатов-финансистов, указывал Лафарг, обусловлено капиталистической эксплуатацией рабочего класса, а также государственным долгом (рост этого долга был характерным для капитализма конца XIX века явлением, постоянно вызываемым затратами на колониальные войны того периода). Лафарг подробно описал экономическую деятельность магнатов капитала, эксплуатирующих общество посредством государственного долга, акционерных обществ и биржи. В своем исследовании этих процессов Лафарг исходил из основных положений марксизма, развивал идеи, высказанные в написанном им в 1880 году «Манифесте Французской рабочей партии», отредактированном Марксом [1].

Рассматривая эволюцию буржуазной собственности, Лафарг проанализировал значение капиталистических финансов. Особое внимание он уделил роли биржи, приобретавшей все возрастающую роль в экономической и политической жизни буржуазного общества. Дополнение Энгельса к III тому «Капитала» — «Биржа» — было, как известно, опубликовано после выхода в свет работы Лафарга «Экономические функции биржи» (1897). В этом сочинении Лафарг раскрыл роль биржи как особым образом организованного рынка ценных бумаг, проанализировал экономическую сущность ценных бумаг и закономерности их обращения: на бирже в ходе операций с акциями и облигациями осуществляется перераспределение прибавочной стоимости и денежного капитала. Он делал вывод о том, что биржа влияет на ускорение обращения капитала, усиливает централизацию капитала и участвует в формировании средней нормы процента. Лафарг правильно выявил роль биржи как центра коррупции и спекуляции в буржуазном обществе. С ростом влияния биржи, считал он, углубляются классовые антагонизмы, присущие капитализму, ускоряется обогащение крупных капиталистов и разорение средних и мелких буржуа, усиливается процесс поляризации богатства и бедности противоположных общественных классов. К таким же выводам приходил и Каутский, разъяснявший функции биржи и роль деятельности крупных финансистов в экономике капитализма конца XIX века.

Наиболее значительным в экономических исследованиях Каутского и Лафарга в тот период явилось рассмотрение ими ряда сложных проблем, связанных с возникновением монополий и их растущим значением в развитии капитализма. В анализе монополий и их роли в экономической жизни буржуазного общества того времени они в основном опирались на положения, сформулированные по этим вопросам Энгельсом в произведениях 90-х годов. Вместе с тем Каутскому и Лафаргу, обобщавшим новые

[1] См.: *Лафарг П.* Собственность и ее происхождение. С. 171—179. Проект «Манифеста Французской рабочей партии» 1880 года. Вступительная статья и публикация Т. Л. Артемьевой // Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века. М., 1970. С. 448—480.

данные, удалось в ряде случаев не только разъяснить идеи Энгельса, проиллюстрировать их, но и высказать оригинальные суждения, имевшие позитивное значение для развития марксистского экономического учения в тот период. В своих произведениях 90-х годов XIX и первых лет XX века Каутский [1] довольно подробно осветил экономическое значение монополий, несколько позже эту проблему анализировал Лафарг в своей книге «Американские тресты» (1903). Их выводы имеют много общего, что, конечно, не исключало особенностей подхода каждого из них.

Рассматривая экономические основы развития монополий, и Каутский, и Лафарг особо подчеркивали значение концентрации капитала в этом процессе. В частности, они разъясняли, что рост концентрации капитала является необходимым условием формирования монополий. Вместе с тем их появление означало дальнейшее сосредоточение огромного по размерам производства в отдельных предприятиях. Каутский и Лафарг видели в монополиях подтверждение истинности Марксовой теории концентрации капитала и показывали несоответствие фактам действительности распространившихся в то время представлений об устойчивости мелкого производства. Они верно подчеркивали, что развитие монополий в конце XIX века есть процесс монополизации производства, но не обращения. Однако ни тот ни другой не сумели выявить и конкретно проанализировать проблему концентрации производства как основу образования монополий.

В своих исследованиях процесса развития монополий Каутский и Лафарг сформулировали ряд важных для марксистской политэкономии положений. Так, Лафарг подробно показал связь монополизации торговли и транспорта с образованием промышленных монополий и, что особенно важно, выявил тенденцию к их соединению с банковскими монополиями [2]. Исследуя эти процессы, он доказал, что вместе с появлением монополий усиливается связь и происходит переплетение промышленного, товарного и денежного капитала. Каутский, анализируя эти процессы, в большей мере уделял внимание тому, что развитие картелей и трестов выражает собой расширяющийся процесс комбинации различных промышленных предприятий. Особое значение он придавал росту монополий в отраслях так называемой тяжелой промышленности.

Рассматривая последствия функционирования монополий, Лафарг и Каутский отмечали, что они в конечном счете усиливают диспропорциональность капиталистического производства. Они сделали верный вывод о том, что монополии, становясь важным элементом экономического механизма буржуазного общества, не только не отменяют кризисы, но и несут в себе зародыши еще более разрушительных кризисов, а также способны вести к застою

[1] См.: *Каутский К.* Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика. С. 103—105; *Каутский К.* Торговая политика и социал-демократия // Соч. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 224—226 и др.

[2] *Lafargue P.* Les trusts americains. P. 9—12, 79—106.

производства и к росту цен. Вместе с тем Лафарг ошибочно утверждал, что рост монополий означает отмену конкуренции, уничтожение анархии капиталистической экономики. В этом сказалось его несколько схематичное представление о роли монополий, которая односторонне сводилась им к внесению «порядка», организации в капиталистическое производство. Иначе решал вопрос Каутский, который в основном правильно показал, что монополии, приходя на смену свободной конкуренции, порождают еще более разрушительную конкурентную борьбу, усиливают анархию капиталистического хозяйства.

В своих произведениях, развивая марксистское понимание значения монополий, Каутский и Лафарг доказывали, что развитие картелей и трестов ведет к усилению эксплуатации рабочего класса, к ухудшению его положения и, что особенно важно, к обострению социальных и экономических противоречий капитализма. Каутский, например, писал о перспективе войн, катастроф и кризисов, подчеркивая значение монополий как господствующего фактора экономической жизни, и разъяснял, что их развитие не избавляет буржуазный строй от перспективы обострения его противоречий [1]. Лафарг отмечал, что рост концентрации капиталов в трестах характеризует особую фазу капиталистического развития и ведет к усилению кризисности и обострению противоречий буржуазной экономики [2].

Исследуя новые явления в экономике капитализма рубежа XIX—XX веков, Лафарг и Каутский во многом с единых позиций подходили к осмыслению изменений, происходивших в структуре класса буржуазии в тот период. Они правильно показали, что по мере роста концентрации и централизации капитала, распространения акционерных обществ, развития монополий усиливается могущество крупнейших капиталистов, становящихся монополистами, магнатов-финансистов, крупнейших банкиров. Но в то же время, подметив процесс образования верхушки буржуазного класса в связи с монополиями, они, по сути, отождествляли этих новых магнатов капитала с финансовой аристократией, то есть с крупнейшими денежными капиталистами прежней эпохи [3].

В этом процессе, который на деле был началом формирования качественно нового высшего слоя капиталистов, то есть образования монополистической буржуазии, они, таким образом, усматривали некое возобновление могущества финансовой аристократии и ее господства над промышленной буржуазией. В этих односторонних и поверхностных представлениях выразилась характерная для Каутского и для Лафарга особенность их подхода к новым фактам экономического развития, в которых они видели просто подтверждение, иллюстрацию положений Маркса и Энгельса. Ошибки в осмыслении новых явлений, надо отметить, обусловливались также и тем, что объектом анализа послужил только начавшийся в тот период переход к монополистическому капитализму, основные тенденции которого тогда лишь формировались.

[1] См.: *Каутский К.* Теория кризисов // Соч. Т. 2. С. 51—52; *Каутский К.* Бернштейн и социал-демократическая программа. С. 104—105; *Каутский К.* Социальная революция. Женева, 1903. С. 50.

[2] *Lafargue P.* Les trusts americains. P. 115, 131—132.

[3] См.: *Каутский К.* Основы торговой политики // Соч. Т. 2. С. 361; *Каутский К.* Колониальная политика в прошлом и настоящем. Спб., 1900. С. 48; *Каутский К.* Социальная революция. С. 51—56; *Лафарг П.* Собственность и ее происхождение. С. 179; *Lafargue P.* Les trusts americains. P. 10, 14—16, 106—116.

Тем не менее уже тогда началось исследование таких характерных для капитализма конца XIX века явлений, как торговый протекционизм, то есть система охранительных пошлин, и колониальная политика крупнейших держав. Разработкой этих проблем занимался в основном Каутский, связывая переход к протекционизму в торговой политике большинства крупнейших держав того времени с уменьшением влияния промышленной буржуазии. Он полагал, что она тяготеет к свободной торговле, к «манчестерству». Вместе с тем у Каутского можно заметить и высказывания о тесной связи между картельным хозяйством, монополиями и переходом к протекционизму, но эти высказывания не стали основой его концепции, оставшись отдельными замечаниями, противоречиво сочетавшимися с отмеченными воззрениями.

Каутский в общем правильно указывал на причину распространения и усиления торгового протекционизма, видя ее, вслед за Энгельсом, в обострении конкуренции на мировом рынке между крупнейшими капиталистическими странами. Он показал, что протекционизм является формой монополизации частей мирового рынка, средством ограждения внутреннего рынка от иностранной конкуренции. Из этого он делал вывод о том, что протекционизм, искусственно повышающий конкурентоспособность национальной промышленности, в конечном счете враждебен интересам развития производства в стране. Каутский показывал также, что протекционизм ведет к повышению цен на товары и поэтому выгоден, прежде всего, крупнейшим капиталистам, получающим в связи с этим дополнительные прибыли. В то же время Каутский правильно подчеркивал, что протекционизм, вызывающий дороговизну, направлен против интересов массового потребителя и ведет поэтому к существенному ухудшению положения рабочего класса. Наряду с протекционизмом и в связи с ним Каутский анализировал колониальную политику крупнейших держав в конце века, рассматривая ее как одно из средств завоевания новых рынков, защищенных от иностранной конкуренции [1].

Пытаясь выявить основы колониальной политики и протекционизма, Каутский показал, что эти явления обусловлены интересами финансовой аристократии и крупного землевладения, теми

[1] См.: *Каутский К.* Германская и американская таможенная политика. Основы торговой политики. Теория кризисов // Соч. Т. 2. С. 44—51, 316—320, 357—363; *Каутский К.* Колониальная политика в прошлом и настоящем. С. 44, 52; *Каутский К.* Социальная революция. С. 51, 58.

силами, которые он называл «экономической реакцией». Протекционизм и колониальную экспансию Каутский рассматривал как политику, направленную против интересов промышленного капитала. Однако он при этом не учитывал, что протекционизм и колониальные захваты выгодны промышленным монополиям не меньше, чем крупнейшим финансистам.

Основываясь на этих рассуждениях, Каутский отождествлял протекционизм и колониальные захваты конца XIX века с империализмом, который он понимал как особую политику и не видел глубокой связи этих явлений с развитием монополий, с коренными изменениями в экономике капитализма в тот период. В основном также оценивал империализм и Лафарг, хотя он и отмечал, что это политика захвата рынков для трестированной промышленности [1].

В теоретической разработке экономических проблем, возникших в связи с началом перехода к империализму, Каутский и Лафарг, каждый по-своему, высказали ряд ценных суждений, но в целом далеко не все их положения и выводы оказались верными и выдержали испытание временем. На рубеже XIX—XX веков исследование этих экономических проблем марксистами только начиналось, и ошибки первых опытов анализа были во многом неизбежным следствием как огромной теоретической сложности этих вопросов, так и незавершенности в тот период перехода к монополистическому капитализму.

Несмотря на ряд ошибок в анализе этого комплекса экономических явлений и Каутский, и Лафарг в то время исследовали их с позиций революционного марксизма, рассматривая их как подготовку социализма. Насилие, переход к реакции, утверждали они, являются следствием развития картелей и трестов. И Каутский, и Лафарг неизменно подчеркивали связь этих экономических процессов с необходимостью пролетарской революции, которая, покончив с капиталистическим рабством, установит новый, социалистический строй общества. Несомненно, Каутскому и Лафаргу не удалось дать цельной теоретической картины видоизменений капитализма на рубеже XIX—XX веков. Лафарг ограничился анализом экономического и социального влияния монополий, рассмотрев лишь значение американских трестов, не ставя перед собой задачу исследования новых экономических явлений, возникших также и в других крупнейших странах. Каутский попытался рассмотреть весь комплекс новых процессов в экономике капитализма, но он сумел лишь в общем наметить отдельные черты этих процессов, не выявив их внутренней связи между собой.

Разработка аграрного вопроса

В 90-е годы XIX века в число наиболее насущных задач марксистской теории выдвинулось исследование эволюции сельского хозяйства в условиях капиталистического общества. Перед социал-демократией в тот период во весь рост встал вопрос о

[1] *Lafargue P.* Les trusts americains. P. 105.

выработке своего отношения к крестьянству. Необходимость выяснить и обосновать принципы социал-демократической политики в аграрном вопросе потребовала научной его разработки, обстоятельного исследования закономерностей развития сельского хозяйства при капитализме. Значительный вклад в решение этого вопроса внес Каутский своей книгой «Аграрный вопрос». Опираясь на положения и выводы, содержащиеся в III томе «Капитала» Маркса, на идеи, выдвинутые Энгельсом в статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», а также на обобщение обширных статистических данных об экономическом развитии крупнейших капиталистических стран того времени — Англии, Соединенных Штатов Америки, Германии и Франции, Каутскому удалось проанализировать эволюцию аграрного капитализма, выявить ее связь с общими закономерностями развития капиталистического способа производства, дать конкретную картину возникновения и развития капиталистических форм хозяйства в аграрном секторе экономики. Книгу Каутского высоко оценил Ленин, который писал, что она «представляет из себя самое замечательное — после 3-го тома «Капитала» — явление новейшей экономической литературы» [1].

Не ограничиваясь пропагандой экономической теории Маркса и Энгельса, Каутский исследовал многообразные формы сельского хозяйства в буржуазном обществе, показал изменения, происходящие в аграрной экономике в связи с развитием в ней капиталистических производственных отношений. Однако в своем исследовании Каутский стремился понять тенденции и черты аграрной экономики исключительно как проявления всеобщих закономерностей развития капитализма. Недостаток состоял в том, что значительно меньше внимания, чем это требовалось, он уделял анализу особенностей динамики капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Исследуя то, как овладевает капитал сельским хозяйством, Каутский проанализировал сначала аграрную экономику в докапиталистическую эпоху. Это позволило ему не только выявить и в общем верно оценить ту роль, которую играли остатки феодальных форм сельского хозяйства в капиталистической экономике в тот период. Он правильно заметил, что элементы феодализма, сохранившиеся в аграрной экономике, ставили сельскохозяйственных рабочих в лично зависимое положение, препятствовали развитию капитализма. Каутский исследовал также крестьянское хозяйство и его разложение, выявив тем самым основные черты, характеризующие процесс перехода к капитализму в аграрной сфере экономики. Он вскрыл сущность революционного переворота, произведенного капитализмом в земледелии. Этот переворот выра-

[1] См.: *Ленин В. И.* Рецензия. Karl Kautsky. Die Agrarfrage. Stuttgart; Dietz, 1899 // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 88.

зился в замене рутинного производства научным применением агрономии, в создании самой возможности крупного производства в земледелии, технически более рационального, чем мелкое. Каутский тщательно проанализировал, как посредством развития аренды земли и ипотечной задолженности земледельцев происходит обеднение сельского труженика, постепенное подчинение его хозяйства капиталу. Вместе с тем он отмечал значение частной собственности на землю как границы применения капитала в сельском хозяйстве. Исследовав пути образования крупных капиталистических землевладений, Каутский раскрыл действительную роль мелкого землевладения в условиях существования крупных капиталистических хозяйств, роль поставщика наемной рабочей силы. Он подробно рассмотрел многообразные процессы пролетаризации крестьянства и обезлюдения деревни в связи с ростом капитализма в сельском хозяйстве, в ходе которого последнее все в большей степени подчиняется рынку и конкуренции. Каутский уделил также внимание и другим важным проблемам: помимо анализа основных противоречий, свойственных капиталистическому земледелию, исследовал особенности функционирования земельной ренты, наследственного права в условиях возрастающей эксплуатации деревни городом.

Раскрыв в итоге своего анализа основные черты развития капитализма в сельском хозяйстве, Каутский старался научно обосновать важнейший вывод о том, что развитие в нем идет в том же направлении, что и в промышленности. Это позволило Каутскому самостоятельно выступить в дискуссиях того времени: он последовательно критиковал различные теории об «устойчивости» мелкого производства и вместе с тем доказывал исторически преходящий характер капиталистической системы сельского хозяйства, развитие которой ведет к обнищанию и пролетаризации крестьянства.

Вместе с тем, Каутский не избежал и некоторых ошибок, в частности, он не вполне верно трактовал абсолютную ренту, не понял двойственности положения мелкого крестьянства, вследствие чего обосновывал по существу неверную политику рабочего класса по отношению к крестьянству, видя задачу социал-демократической партии лишь в нейтрализации крестьянства, а не в союзе с ним.

4. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И СОЦИАЛИЗМА

Разработка теории социалистической революции, вопросов политики рабочих партий применительно к конкретно-исторической ситуации в отдельных странах было важнейшим направлением теоретической деятельности марксистских теоретиков в 90-е годы.

В своих работах тех лет они анализировали общие тенденции капиталистического развития промышленно развитых стран, обосновывали неизбежность осуществления в них социалистической

революции, связывали возможности победы пролетариата с успехами его политической борьбы против буржуазного государства, с завоеванием политической власти и экспроприацией частной собственности. Теоретические ориентиры международной социал-демократии тех лет воплотили в себе исторический оптимизм ее вождей, их веру в неисчерпаемый революционный потенциал пролетариата, надежды на скорое осуществление социалистической революции. Приоритет в развитии марксистского учения о революции, несомненно, принадлежал в 90-е годы лидерам германской социал-демократии. Исходными мировоззренческими установками для марксистских сил международной социал-демократии в понимании сущности и задач социалистической революции стали в те годы их работы.

В центре марксистских исследований тех лет оказались проблемы государства и демократии, вопросы истории рабочего движения и социализма.

Проблема социалистической революции

Главной идеей, которую обосновывали в своих трудах марксистские теоретики, стало положение об исторической необходимости социализма как результата экономического развития капиталистического общества, о неизбежности социалистической революции как единственного пути к спасению человеческой цивилизации. «Остановиться на стадии капиталистической цивилизации,— писал Каутский,— невозможно: либо вперед, к социализму, либо назад, к варварству» [1]. Капитализм, отмечала Люксембург, «сам по себе, в силу собственных противоречий, подготовит момент своего разрушения, когда существование его сделается просто невозможным» [2]. Историческую необходимость социализма подчеркивал Лабриола [3].

Разработка идеи исторической неизбежности социализма в марксистских концепциях 90-х годов способствовала осознанию пролетариатом своей освободительной миссии, формировала его классовое сознание, вселяла уверенность в успех революционной борьбы. Вместе с тем, упрочение этой идеи в мышлении социал-демократов 90-х годов несло отпечаток упрощенного ее понимания. Так, Каутский трактовал закономерности исторического развития общества к социализму, базируясь на объективистском истолковании материалистического понимания истории и трактовке материалистической диалектики в духе метафизического эволюционизма. Теоретические установки Каутского, оказывавшие огромное влияние на социал-демократию, серьезно препятствовали усвоению диалектико-материалистического метода мышления Маркса и Энгельса, способствовали распространению в социал-демократи-

---

[1] *Каутский К.* Эрфуртская программа. С. 132.
[2] См.: *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция? С. 17.
[3] *Labriola A.* In memoria del Manifesto dei comunisti // La concezione materialistica della storia. Bari, 1953. P. 11.

ческой идеологии представлений о марксизме как социальной теории объективистского толка, побуждали к апологии стихийности в революционной борьбе, к проповеди «революционного ожидания» всеобщего краха капитализма, который, по убеждению большинства марксистов тех лет, означал бы начало новой эры, эпохи социалистической революции.

Центральная проблема для лидеров II Интернационала тех лет — проблема революции. В 90-е годы большое влияние приобрели идеи Каутского, высказанные в статье «Социал-демократический катехизис» (1893), где он доказывал, что из материалистического понимания истории однозначно следует вывод о неизбежности победы социалистической революции в ближайшем будущем. Однако и здесь проявилось метафизическое понимание им свободы и необходимости. «Социал-демократия,— писал Каутский,— революционная партия, но отнюдь не партия, делающая революцию. Мы знаем, что наши цели могут быть достигнуты только через революцию, но мы также знаем, что не в наших силах сделать революцию, как и не в силах наших противников ей воспрепятствовать. Поэтому нам и в голову не приходит мысль затеять революцию или подготавливать ее. И поскольку революция не может быть затеяна по нашему произволу, то мы также меньше всего можем сказать о том, когда, при каких условиях и в какой форме она наступит» [1]. Подобная трактовка революции, отрицающая роль субъективного фактора, вытекала из понимания Каутским исторических законов как некоей непреодолимой силы, возвышающейся над человеком и общественными классами.

Идея стихийности революционного процесса, обоснование его объективистского характера стали центральными в марксистских воззрениях идеологов II Интернационала в 90-е годы. Каутский, например, совсем не случайно вынес в своем комментарии к «Эрфуртской программе» вопрос о формах революционной борьбы в раздел «Государство будущего», подчеркивая тем самым объективный, не зависимый от воли и сознания людей характер революционного процесса. Роль субъективного фактора в революции сводилась в марксистском мышлении тех лет к овладению научной теорией марксизма, к формированию классового сознания пролетариата средствами просвещения и политической пропаганды. Исключение составляли, пожалуй, взгляды Либкнехта и Люксембург.

Обосновывая положение, что социализм является закономерным следствием капитализма, Либкнехт подчеркивал, что его свержение будет достигнуто только средствами классовой борьбы, активной, революционной борьбы пролетариата за свое освобождение от капиталистической эксплуатации. «Не кто иной, как именно Маркс,— отмечал он, — представил все развитие буржуазного общества как следствие ряда классовых конфликтов, которые, соответствуя непрерывно развивающимся экономическим отношениям, принимают все более высокие формы и наполняются все более глубоким и широким содержанием. А классовая борьба — это борьба живых людей, действительная, осуществляемая личностями реальная борьба, и никто не выразил природу этой борьбы ярче, чем Маркс» [2]. В полемике с Бернштейном Люксембург подчеркивала, что идея политической борьбы пролетариата за власть, его активной деятельности, направленной на ее завоевание, является одним из центральных принципов социалистической теории Маркса и Энгельса. «Сама необходимость захвата пролетариатом политической власти всегда

[1] *Kautsky K.* Ein sozialdemokratischer Katechismus // Die Neue Zeit. 1893—1894. Bd. 1. S. 368.

[2] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891. Berlin, 1891. S. 340.

оставалась несомненной как для Маркса, так и для Энгельса,— указывала она,— остается поэтому привилегией Бернштейна считать курятник буржуазного парламентаризма органом, призванным произвести самый мощный всемирно-исторический переворот,— переход общества от капиталистической в социалистическую форму» [1].

Марксистская концепция социалистической революции, как она разрабатывалась в 90-е годы, несомненно несла на себе печать непоследовательности и односторонности в подходе к кардинальным проблемам социалистического переустройства общества. Вне поля зрения марксистов остались многие принципиальные положения, касающиеся диалектики объективных и субъективных предпосылок революции. Это вопросы соотношения понятий кризиса капитализма и революционной ситуации, проблемы всеобщих закономерностей социалистической революции, ее международного характера, сроков осуществления; это само содержание понятия социалистической («социальной» в терминологии литературы тех лет) революции, которая либо отождествлялась с актами завоевания политической власти и экспроприации частной собственности (Люксембург, Меринг, Каутский), либо понималась как длительный исторический процесс «социализации» общественных отношений, развития социалистической ассоциации и становления коммунистической формации (Бебель, Либкнехт). Однозначно решался вопрос обобществления при социализме, с чем не соглашался Бернштейн, допускавший в будущем обществе многообразие форм собственности и хозяйственной деятельности [2]. Последователи Маркса и Энгельса утрировали их критическое отношение к мелкой буржуазии и крестьянству и не могли в полной мере осознать всей сложности и диалектической взаимообусловленности революционных преобразований буржуазно-демократического и социалистического типа. Они ограничивали революционный потенциал крестьянства, рассматривая его как пассивное орудие пролетарской партии в социалистической борьбе.

Но все эти недостатки, обусловленные во многом объективной исторической и идеологической ситуацией тех лет, не могут заслонить заслуг Каутского, Либкнехта, Люксембург, Бебеля, Лафарга, Плеханова в пропаганде идей революционного социализма, их достижений в применении основных идей теории социалистической революции Маркса и Энгельса, в выработке политики рабочего класса и его партии в новых исторических условиях развития рабочего движения в 90-е годы.

Судьбы государства и демократии

Одной из важнейших в теоретических дискуссиях 90-х годов была проблема демократии и ее судеб в социалистическом переустройстве общества. Успехи парламентской деятельности ряда западноевропейских партий способствовали фетишизации

[1] *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция? С. 14.

[2] См.: *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. Спб., 1906. С. 165—171.

рядом социал-демократических идеологов демократических институтов буржуазного государства.

Заслугой марксистских теоретиков II Интернационала в 90-е годы явилось то, что в своих трудах они связывали воедино исходные теоретические положения марксизма с конкретными задачами политической борьбы пролетариата. Вместе с тем в трактовке форм и перспектив революционной политики партии рабочего класса они не всегда были последовательны. Доминантой марксистского мышления большинства учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса в 80-е годы была идея уничтожения буржуазного государства как политической формы эксплуатации и угнетения трудящихся масс. Но это был лишь момент — революционный момент: идея эта не получила дальнейшего развития в воззрениях лидеров международной социал-демократии 90-х годов, на смену ей пришло представление о государстве как форме организации хозяйственной жизни современного общества.

Так, в комментарии к «Эрфуртской программе» Каутского присутствуют явные преувеличения оценки роли и функций буржуазного государства в экономическом развитии. Экономическая деятельность государства характеризуется им как исходный пункт развития, ведущего к социалистической ассоциации будущего. «В современном обществе,— писал Каутский,— на долю государства все в большей мере выпадает задача вмешательства в экономическую жизнь в целях ее регулирования и упорядочения, и все могущественнее становятся те средства, которые находятся в его распоряжении для этой цели. Экономическое всесилие государства... развивается... как неизбежное следствие капиталистического способа производства... Экономическая деятельность современного государства является естественным исходным пунктом того развития, которое ведет к социалистической ассоциации» [1]. Каутский не отрицал классовой природы государства, но он придерживался мнения, что буржуазное государство в его современных формах может стать орудием экономического и политического господства пролетариата.

В своих работах первой половины 90-х годов Каутский, в принципе не отрицая революционного насилия, связывал его применение с конкретными обстоятельствами грядущих революционных битв. Вместе с тем он все же ставил под сомнение целесообразность разрушения буржуазной государственной машины в ходе социалистической революции, склонен был рассматривать буржуазный парламентаризм, буржуазную республику как форму перехода к социализму. Но, переоценивая роль экономической деятельности буржуазного государства, он игнорировал тот факт, что вся деятельность государства как органа классового господства, включая и экономический контроль, и осуществление демократических свобод, как они воплощаются в парламентарных формах государственной власти, подчинена интересам и целям господствующего класса. Каутский не понял фундаментального положения марксистской теории государства о необходимости создания в процессе социалистической революции нового, высшего типа государственности — социалистического государства как формы реализации политической и экономической власти трудящихся масс.

Более последовательную марксистскую позицию отстаивал в этом вопросе Либкнехт. Уже в начале 90-х годов, критикуя оппортунистическую доктрину «государственного социализма» [2], согласно которой национализация некоторых частнокапиталистических предприятий якобы ограничивает капиталистическую эксплуатацию и несет в себе элементы социалистической ассоциации, Либкнехт доказывал несостоятельность этой точки зрения. В докладе на Берлинском съезде партии в 1892 году, отметив тенденцию возрастания роли государства в капиталистической экономике, он подчеркнул, что для социализма такое явление нехарактерно. При сохранении капитализма замена в качестве эксплуататора частного капиталиста буржуазным государством, по его мнению, только увеличит политическое и экономическое закабаление рабочего класса. «Политическая зависимость,— говорил он,— увеличивается, равно как зависимость экономическая, до самой высшей степени, какую только можно себе представить, именно вследствие этого так называемого государственного социализма, который на самом деле является государственным капитализмом. Экономическое рабство лишь увеличило бы и сделало более интенсивным политическое рабство, и наоборот» [1].

Менее четкой была постановка Либкнехтом вопроса о судьбе государства. В духе своих прежних высказываний о государстве как об «организованном обществе» он, по существу, подверг сомнению перспективу отмирания государства при коммунизме. Не затронул он и проблему сущности государства переходного периода, то есть проблему диктатуры пролетариата. Он ограничился напоминанием о том, что существующее буржуазное государство является «организованной в государство эксплуатацией» [2] и что осуществление коммунистических отношений приведет к уничтожению классов и классового господства.

Либкнехт был едва ли не единственным среди теоретиков социализма, кто в 90-е годы обратился к разработке вопросов диктатуры пролетариата [3] и как своеобразной формы политической борьбы рабочего класса, и как формы пролетарской государственности.

Сама эта проблема привлекла особое внимание после опубликования Энгельсом в начале 1891 года «Критики Готской программы» Маркса. Большинство социал-демократических идеологов, в том числе и марксисты, в те годы не приняли Марксовой идеи диктатуры пролетариата и отмежевались от нее. В отличие от них Либкнехт открыто и безоговорочно взял ее под защиту. «Диктатура пролетариата,— писал он,— означает, что пролетариат делает для себя то, что до сих пор делали для себя другие, что он именно использует клинок законодательства для себя, то есть на благо трудящегося класса» [4]. Он указывал, что диктатура пролетариата уничтожит источники рабства и эксплуатации и обеспечит каждому человеку и гражданину равные политические и социальные права.

---

[1] *Каутский К.* Эрфуртская программа. С. 54.

[2] В 90-е годы идеи «государственного социализма» активно проповедовались в Германии Г. Фольмаром, поклонниками «государственного социализма» были Э. Бернштейн, Ж. Жорес и др. См. об этом главу 3.

---

[1] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Berlin vom 14. bis 21. November 1892. Berlin, 1892. S. 178.

[2] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891. S. 334.

[3] Идею диктатуры пролетариата отстаивали в 90-е годы Лабриола, Лафарг, Меринг и Люксембург. Но вопрос об установлении диктатуры пролетариата они относили к отдаленному будущему, недооценивая, как и большинство идеологов II Интернационала в этот период, всего значения анализа функций и роли новых политических институтов государства как рычага всех экономических, политических и культурных преобразований, необходимых для победы социализма.

[4] *Liebknecht W.* Zum 18. März und Verwandtes. Hamburg, 1891. S. 41.

Либкнехт, высказываясь по вопросам диктатуры пролетариата, несколько узко и односторонне истолковывал само это понятие. Под классовой диктатурой он понимал определенную политику — репрессивную по отношению к рабочему классу, если речь шла о диктатуре буржуазии, и, наоборот, по отношению к буржуазии, когда дело касалось пролетариата. «Если Маркс говорил о диктатуре пролетариата,— разъяснял Либкнехт в своей речи в рейхстаге 7 февраля 1893 года,— то мысль его состояла в том, что пролетариат, победоносная социал-демократия должны сделать безвредным противников, чтобы иметь возможность создать новое общество с его новыми учреждениями» [1]. Эта диктатура будет направлена против бунтовщиков, она будет «боевой и военной мерой» [2], вызванной условиями вооруженной борьбы. Отсюда следовало, что диктатура пролетариата будет установлена только в том случае, если буржуазия не откажется от политики насильственного подавления рабочего движения. В условиях мирного социалистического преобразования общества диктатуры пролетариата можно было бы избежать. Если же дело дойдет до немирной, насильственной революции, то диктатура пролетариата станет неизбежностью. Таким образом, Либкнехт не в полной мере воспринял идеи Маркса о диктатуре пролетариата как государстве переходного периода от капитализма к коммунизму и рассматривал ее лишь как особую, порожденную специфической обстановкой гражданской войны государственную форму.

В несколько ином контексте решались проблемы государства Лафаргом и Лабриолой. В статьях Лафарга 90-х годов четко и ясно излагались основные положения Марксова социализма, раскрывающие сущность и классовый характер буржуазного государства. Государство, писал Лафарг, является крепостью господствующего класса. Оно представляет собой орган и умственного и физического насилия, в котором нуждается господствующий класс для сохранения своего господства и для удержания трудящейся массы в условиях подчинения, требуемых существующим способом производства. Пока общество разделено на враждующие классы, то есть пока нужно обуздывать какой-нибудь класс, существование государства является необходимостью [3].

Обращение Лабриолы к проблеме государства в его «Очерках материалистического понимания истории» в известной мере подытоживает его обширные исследования конкретной истории Италии, критический анализ различных идеологических концепций государства, прежде всего гегелевской. Опираясь на работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Лабриола подчеркивал классовую природу государства,

[1] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. VIII. Legislaturperiode. II. Session. 1892/93. L. Band. S. 898.

[2] *Liebknecht W.* Zukunftstaatliches // Cosmopolis. Revue Internationale. T. IX. N XXV. Janvier, 1898. P. 219.

[3] См.: *Лафарг П.* Сочинения. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 457.

исследовал ее проявления в различных формах и методах правления. «На протяжении всей истории,— писал он,— большинство неизменно представляло собой массы, которыми управляли, руководили и которые эксплуатировали, или же это большинство во всяком случае олицетворяло собой пестрый конгломерат интересов, управлять которыми надлежало незначительному меньшинству, уравновешивавшему противоречия либо путем насилия, либо путем поощрения» [1].

Государство, согласно Лабриоле, «это система сил, которые поддерживают равновесие (в обществе.— *Ред.*) или же навязывают его с помощью насилия и репрессий. А для того, чтобы существовать как такая система сил, государство должно было обрести и экономическую мощь, будь то с помощью грабежа или завоеваний, военных контрибуций или на основе непосредственного владения территориями или же в результате постепенного накопления средств, как это позволяет современная налоговая система, облекающаяся в псевдоконституционные формы мнимого самообложения. В этой экономической мощи, столь возросшей у современных государств, и заключается основа их способности к действию» [2]. По его мнению, с возникновением государства возникают и особые сословия, особые слои, призванные выполнять функции государственного управления: «Государство,— писал он,— которое обладает и должно обладать экономической мощью — поскольку для защиты правящих классов оно должно располагать средствами, чтобы подавлять, осуществлять власть, управлять, вести войны,— порождает, прямо или косвенно, совокупность новых, частных интересов, неизбежно оказывающих влияние на общество» [3].

Лабриола обращал внимание на сложность и многообразие содержания и функций государства, которые не выводятся однозначно из экономических условий и отношений, а обусловлены всем многообразием экономических, политических, идеологических отношений данного общества, конкретно-историческими условиями его развития.

Вслед за Марксом и Энгельсом, Лабриола связывал вопрос о происхождении государства с объективными социальными условиями, с развитием производства, с разделением труда и возникновением классов. Появление государства есть результат классовой борьбы и установления господства одного класса над другим путем прямого или косвенного насилия.

Вопросы истории рабочего движения и социализма

Идеологи II Интернационала, обращаясь к истории социализма, стремились использовать ее прежде всего для пропаганды идей марксизма, для доказательства исторической неизбежности и объективной необходимости движения общества к социализму, для разъяснения преемственности

[1] *Лабриола А.* Очерки материалистического понимания истории. С. 144.

[2] Там же. С. 147.

[3] Там же.

содержания революционных идей Маркса и Энгельса и предшествовавших им социалистических доктрин [1]. Значительный вклад в изучение истории социализма с марксистских позиций внесли Каутский и Меринг, непосредственно обратившиеся к этой проблематике в 90-е годы.

Книга Каутского «Предшественники новейшего социализма» (1896) подытоживает его исторические исследования 90-х годов. Сосредоточив свое внимание на изучении гуситского движения, он анализирует на его фоне исторические условия перехода от феодального общества к капиталистическому, прослеживает их отражение в социалистических учениях того времени.

«История германской социал-демократии» (1893—1898) — самый большой исторический труд Меринга, в котором дана была по существу общая история Германии XIX века, ее социально-экономическая, политическая, духовная жизнь. И как отражение этого сложного процесса социально-политического развития Германии Меринг рассматривал основные этапы развития социалистических идей в Германии, прежде всего научного социализма. На основе материалистического понимания истории он стремился разработать марксистскую концепцию истории Германии XIX века, показать диалектику классовой борьбы пролетариата, процесс его мировоззренческой и политической консолидации.

На материале истории марксистские теоретики тех лет стремились раскрыть гуманистическое содержание идей научного социализма, сделать их понятными и доступными широким массам. Вместе с тем, им не всегда удавалось избежать известной модернизации исторических событий, схематизма, несомненно присутствующих в их работах.

Работы Каутского по истории интересны ценными историческими наблюдениями. Внимание читателей он приковывает описанием демократизма коммунистических общин, их веротерпимости, стремления к равенству и человечности.

Но, например, в трактовке Каутским социалистических учений XV—XVI веков дали о себе знать недостатки, присущие его мировоззрению в целом. Каутский, зачастую подменявший диалектику эволюционистским подходом при рассмотрении исторических событий, не проводил четкой границы между марксистским и домарксистским социализмом, смешивая идеалы утопического и научного социализма.

Основная идея, привлекавшая внимание Каутского при рассмотрении истории домарксистской общественной мысли,— это идея равенства, лежащая в основе социалистических доктрин. Каутский исследовал в своей работе истоки этой идеи, а также исторические попытки ее практического осуществления в период ранних буржуазных революций. Особое внимание в этой связи он обращал на таборитов, представлявших революционное крыло в гуситском движении XV века, направленном против немецких феодалов и католической церкви. Обратившись к истории гуситских войн, Каутский на примере деятельности Яна Гуса пытался решить проблему о роли личности в истории. Но здесь как раз и проявилось упрощенное понимание им отношения личности и общества, недостатки в ее трактовке, которая исключала из поля зрения исследователя все, кроме социально-экономических детерминант, мотивы деятельности исторической личности — нравственные, психологические и т. д. Не отрицая в принципе роли личности в истории, Каутский рассматривал ее деятельность лишь как продукт и результат действующих в обществе социально-экономических факторов. Вместе с тем характерным для концепции Каутского было неверие в историческое творчество народных масс. С его точки зрения, массы могут выступать в истории только как разрушительная, но не созидательная сила: управлять государством они не могут.

[1] См., например: *Каутский К.* Предшественники новейшего социализма (1896); *Меринг Ф.* История германской социал-демократии (1893—1898); *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю (1895), Анархизм и социализм (1894); *Засулич В. И.* Революционеры из буржуазной среды (1890).

Марксистское теоретическое мышление 90-х годов беспокоил вопрос о практическом влиянии социалистических учений на рабочее движение. Его разработке много внимания уделял Меринг. Собранные им в книге «История германской социал-демократии» факты и документы, широкое использование им в своей работе многих забытых к тому времени трудов Маркса и Энгельса во многом способствовали осознанию подлинного значения теоретической деятельности Маркса и Энгельса для развития революционной борьбы пролетариата.

Давая периодизацию немецкого рабочего движения и социал-демократии от их истоков и до начала 90-х годов XIX века, Меринг выделил в качестве основных следующие периоды: 1830—1848 (начало немецкого рабочего движения, деятельность Союза коммунистов); 1848—1863 (история революции 1848 года в Германии, воссозданная Мерингом на основе исследования новых источников); 1863—1871 (агитация Лассаля и Всеобщий германский рабочий союз); 1871—1891 (от Франко-прусской войны до Эрфуртского съезда 1891 года) [1]. Наибольшее внимание Меринг уделил начальной стадии — периоду формирования научного коммунизма и деятельности Союза коммунистов, боевые традиции которого восприняла германская социал-демократия в 60-е годы. Подобная постановка вопроса позволила Мерингу раскрыть революционный характер социал-демократической традиции в Германии, близость ее теоретических и политических ориентиров основополагающим идеям марксизма, отграничивала его взгляды от оппортунистической точки зрения, согласно которой основателем теории и практики немецкой социал-демократии признавался исключительно Ф. Лассаль.

Огромный интерес вызывали у Меринга революционные события 1848 года в Германии, а также их оценка Марксом и Энгельсом. Меринг считал, что Маркс и Энгельс, выдвигая программу социально-экономических преобразований, выходивших за рамки буржуазной революции, переоценивали силы германской революции. Но они, по его мнению, ошибались только в допущении, «что она вообще может победить посредством одного непрерывного революционного процесса, хотя бы и продолжительного. Они ошибались не относительно направления, а относительно лишь длины пути» [2].

В своей книге Меринг впервые изложил историю СДПГ в 50—80-е годы XIX века. По его мнению, после первого подъема германского рабочего движения, совпадающего с началом международного рабочего движения, наступил второй его этап — 50-е и начало 60-х годов. Это — период развития и углубления теории социализма в трудах Маркса, Энгельса и, как утверждал Меринг, Лассаля.

С объединением эйзенахцев и лассальянцев на основе Готской программы (которая, по оценке Меринга, хотя и была компромиссом, но достаточно «точно отражала теоретические взгляды отдельных фракций» [3] и уровень развития рабочего класса) начался новый этап истории германской социал-демократии. Меринг считал, что с этого момента партия развивается в теоретическом отношении, растет численно, приобретает авторитет в массах, становится главной политической силой пролетариата. Нередко взгляды Меринга как историка германской и международной социал-демократии проистекали из его оценки теоретических и политических заслуг Лассаля. Меринг считал его «убежденным коммунистом» в духе «Манифеста», постигшим сущность научного социализма. Вместе с тем Меринг признавал, что идеи Лассаля несут на себе печать гегелевского идеализма. Лассаль, отмечал

[1] Второе издание «Истории германской социал-демократии» охватывает и политические события истории социалистического движения Германии последующих 13 лет — до 1903 года. Однако характеристика 90-х годов дана Мерингом только в самых общих чертах.

[2] *Mehring F.* Gesammelte Schriften. Berlin, 1976. Bd. 1. S. 443.

[3] Ibid. Bd. 2. S. 447—453.

Меринг, «несмотря на идеалистическое мировоззрение, которого он придерживается, проник до глубокой сущности научного коммунизма» [1]. Идеализм Лассаля Меринг рассматривает как досадное недоразумение, которое вовсе не мешало ему стоять на позициях революционного класса пролетариев и действовать в его интересах. В конечном итоге оценка Мерингом революционного содержания лассальянства обусловливалась его ошибочной трактовкой диалектико-материалистического метода как исключительно метода социального познания.

Неточно оценивал Меринг и политическую тактику Лассаля. Анализируя тактические расхождения Лассаля с Марксом и Энгельсом, Меринг приходил к выводу, что, находясь за границей, Маркс и Энгельс не могли адекватно оценить политическую обстановку в стране, в то время как Лассаль (в принципиальных вопросах якобы разделявший точку зрения основоположников научного социализма) приспосабливал свою тактику к конкретным условиям страны. Меринг не понял, что и в теории, и в политической борьбе Лассаля с Марксом и Энгельсом разделяли порою противоположные трактовки исторических закономерностей вообще и развития рабочего движения в частности.

Труд Меринга был написан в период наибольших успехов партии в XIX веке, что обусловило некоторую апологетичность его концепции истории германской социал-демократии.

Вместе с тем Меринг показал, как в суровых испытаниях окрепла германская социал-демократия, превратившаяся в результате обострения классовой борьбы в Германии и создания единой партии в авангард рабочего движения. Эпоха «исключительного закона» сделала ее самой сильной социал-демократической партией в Европе. «Когда социал-демократия начала борьбу,— писал Меринг,— она походила на молодого, рано вытянувшегося отрока, со множеством иллюзий, неустоявшихся мечтаний. После падения «исключительного закона» она подобна сильному и закаленному в бурях мужу, решительному, зрелому, с ясным взглядом на вещи, готовому померяться силами с кем угодно» [2].

В «Истории германской социал-демократии» Меринг одним из первых предпринял попытку осветить историю становления и развития марксистского учения в связи с развитием рабочего движения.

Деятельности Меринга как историка марксизма предшествовали в 90-е годы первые робкие попытки учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса охарактеризовать основные этапы теоретической деятельности и политической борьбы своих учителей. В 90-е годы появляется первая марксистская мемуарная литература о Марксе и Энгельсе [3], раскрывающая некоторые черты их характера и дающая общее представление об условиях их жизни и деятельности. Описывая историю марксизма, ее авторы не делали ее предметом теоретического исследования. Однако они стремились связать развитие научного социализма, распространение его идей с практикой классовой борьбы пролетариата. В этих работах, и это весьма ценно, ставился вопрос об идейной эволюции Маркса и Энгельса, их политических убеждений. Лафарг, например, в своих воспоминаниях о Марксе так характеризовал начальный период его деятельности: Маркс начал свою общественную деятельность одним из лидеров радикальной буржуазии, но как только его оппозиция стала более резкой, от него отвернулись, а когда он стал социалистом, к нему стали относиться как к врагу» [4]. Оценка Маркса как «вождя радикальной буржуазии» поверхностна и неверна, Маркс был революционным демократом уже в начальный период своей деятельности. Но ценность этой характеристики для истории марксизма заключается в том, что это была одна из первых попыток проследить эволюцию молодого Маркса. В тех же воспоминаниях Лафарг отмечал, что на протяжении почти 15 лет

[1] *Mehring F.* Gesammelte Schriften. Bd. 1. S. 579, 580.
[2] Ibid. Bd. 2. S. 675.
[3] См.: *Либкнехт В.* Карл Маркс (1896); *Лафарг П.* Воспоминания о Марксе (1890).
[4] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1988. Т. 1. С. 157.

продолжалась «травля и замалчивание» Маркса. И только с возникновением Интернационала и выходом в свет I тома «Капитала» игнорировать далее Маркса стало невозможно. «После восстания 18 марта 1871 г.,— писал Лафарг,— в котором хотели видеть руку Интернационала, и после поражения Коммуны, защиту которой против клеветнического похода буржуазной прессы всех стран взял на себя Генеральный Совет Интернационала, имя Маркса стало всемирно известным. Маркс был теперь признан бесспорным теоретиком научного социализма и организатором первого интернационального движения рабочих» [1].

Одним из первых среди учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса Меринг обратил внимание на теоретические источники марксистского учения. Изучив многочисленные высказывания Маркса и Энгельса о предшествующей философии, он пришел к важному выводу о преемственности марксистского учения по отношению к лучшим образцам философской и общественно-политической мысли прошлого — немецкой классической философии, английскому и французскому утопическому социализму, английской буржуазной политической экономии. Меринг подчеркивал революционизирующее значение английского и французского материализма, немецкой классической философии в освободительной борьбе буржуазии и рассматривал материалистическую философию XVII—XVIII веков как теоретическую предпосылку утопического социализма.

Едва ли не единственный (за исключением Плеханова) из социал-демократических теоретиков того времени, Меринг осознал (хотя и не проанализировал) роль немецкой классической философии и, прежде всего, гегелевской диалектики и антропологического материализма Фейербаха в формировании диалектико-материалистического мировоззрения молодых Маркса и Энгельса. Отдельные неточности Меринга в трактовке теоретических источников марксизма (преувеличение влияния идей английского и французского утопического социализма на формирование взглядов основоположников научного коммунизма, непонимание сущности гегелевского диалектического метода, сводимого Мерингом к принципу историзма мышления, гиперболизация значения атеистических воззрений Фейербаха для становления марксистского материализма) не умаляют важности данной им характеристики теоретических источников марксистского учения.

В «Истории германской социал-демократии» Меринг на основе собранных им работ Маркса и Энгельса разработал свою концепцию процесса формирования марксизма и его философии. Меринг считал, что 1842—1847 годы были периодом становления материалистических воззрений Маркса и Энгельса и обоснования идей научного коммунизма. Анализируя и комментируя статьи Маркса и Энгельса 1842—1843 годов в «Rheinische Zeitung», «Deutsch-Französische Jahrbücher», он показал, как в столкновении с экономическими реалиями Маркс осознал «недостаточность идеалистических представлений на общество и государство» [2] и преодолел идеалистическую философию Гегеля. Более того: Мерингу удалось проследить, как под влиянием фактов социальной действительности перед основоположниками марксизма встал вопрос о коренной противоположности буржуа и пролетария, об истори-

[1] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Т. 1. С. 158.
[2] См.: *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 133.

ческой миссии пролетариата. Не случайно он подчеркивал роль экономических работ молодого Энгельса в становлении материалистического понимания истории.

Меринг отмечал, что в первой совместной работе «Святое семейство» Маркс и Энгельс перешли с позиций фейербахианства на самостоятельные позиции. Однако Меринг упускал из виду тот факт, что именно в этой работе Маркс и Энгельс впервые заложили основы единого научного материалистического мировоззрения, а не только «молодые ростки материалистического понимания истории» [1].

Характеризуя отношение Маркса к предшествующей философии, Меринг писал: «Маркс не заимствовал без критики ни диалектического метода Гегеля, ни абстрактно-изолированного материализма Фейербаха: первый он опрокинул, доказав, что не мысли воплощаются в вещах, а вещи отражаются в мыслях; второй он расширил в исторический материализм, показав, как в нем действует непрекращающийся поток диалектического процесса» [2].

В трактовке истории формирования и развития марксизма, как она дана в «Истории германской социал-демократии», отразились все сильные и слабые стороны марксистских воззрений Меринга. Он ограничил сферу исследований философии марксизма периодом формирования диалектико-материалистического воззрения Маркса и Энгельса. Вслед за большинством социал-демократических теоретиков конца XIX века он исповедовал идею «снятия» философии материалистическим пониманием истории в марксизме, социально-экономическим анализом капиталистического общества и перспектив его революционного преобразования. Формулу Энгельса о революционном перевороте в философии он трактовал как переход на позиции естественнонаучного материализма в естествознании и материалистического понимания истории в исторических и социологических исследованиях. Рассматривая понятия материалистического понимания истории и материалистического метода как тождественные, отстаивая трактовку диалектики как исключительно метода исторического исследования, Меринг не осознал во всей глубине сущность и содержание революционного переворота в философии, совершенного Марксом и Энгельсом в процессе создания качественно нового учения — диалектического и исторического материализма.

В 90-е годы XIX века ученики, соратники и последователи Маркса и Энгельса вели систематическую пропаганду марксистского учения. Большое внимание они уделяли публикаторской деятельности — переводу, изданию, распространению произведений Маркса и Энгельса. Вместе с тем марксистские исследования тех лет являются исторически первыми опытами концептуального осмысления марксистского идейного наследия. Их авторы внесли заметный вклад в разработку ряда важных вопросов политической экономии, философии, социализма.

Нельзя не видеть, однако, определенных теоретических издержек и известного понижения идейно-теоретического уровня рабочего движения в 90-х годах XIX века, обусловленных как объективными особенностями процесса распространения марксизма «вширь» и усвоения его широкими массами, так и реформистскими иллюзиями: переоценкой итогов парламентских выборов (как, например, в Германии и Франции), абсолютизацией форм борьбы рабочего класса, сложившихся в условиях «спокойного» развития. Наконец, для 90-х годов характерно и недостаточно глубокое усвоение марксистского учения рядом его последователей. Даже видные марксисты-теоретики склонялись к фаталистической трактовке материалистического понимания истории, к умалению роли субъективного фактора, к априоризму, схематизму и догматизму в оценке политических реалий. Не всегда адекватно истолковывались философские идеи марксизма, недооценивались мировоззренческая и методологическая функции материалистической диалектики, не находила должного понимания идея всеобщности диалектических закономерностей развития природы и общества.

Однако при всех индивидуальных различиях, далеко не одинаковых возможностях и немалых промахах теоретическая деятельность марксистов 90-х годов оказала существенное влияние на политическое образование и просвещение передовых рабочих, способствовала упрочению влияния марксизма в социалистических партиях.

---

[1] См.: *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. Т. 1. С. 181.
[2] Там же. С. 279.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К теоретическим прогнозам Маркса и Энгельса, их учеников и соратников надо подходить диалектически: мир оказался и таким и не таким, как они его видели. Главное в их произведениях — не те или иные конкретные положения, имеющие порой всего лишь историческое значение, а принципы и методы их теоретического мышления, далеко выходящие за рамки своего времени. В этом смысле в трудах основоположников марксизма следует видеть прежде всего урок конкретного исследования и решения актуальных проблем общественной жизни. Проблемно-практическая ориентированность марксизма, его созидательный потенциал, позволяющий решать коренные задачи преобразования мира, были восприняты последующей марксистской традицией, когда перед рабочим движением встали задачи дальнейшего самостоятельного развития теории в соответствии с новыми условиями эпохи.

Интерпретация наследия Маркса и Энгельса должна учитывать, что богатство созданной ими теории вовсе не столь доступно и легко применимо, как это порой представляется. Возможность противоречивого истолкования идей Маркса и Энгельса чаще всего обусловливается искусственным отрывом этих идей от конкретно-исторических условий их возникновения. Подобный отрыв ведет в конечном счете к отказу от принципов научной интерпретации текстов и применению окостеневших формул в изменившейся обстановке. Творческий марксизм исходит из признания того, что правильные политические выводы можно формулировать только на основе точного анализа конкретной ситуации.

Развитие марксизма шло параллельно с процессом размежевания с влиятельными тогда иными социальными теориями, со стремлением освободить рабочее движение от воздействия буржуазной идеологии. Вместе с тем открытость марксизма, его способность воспринимать и развивать передовые научные идеи проявились, например, в том внимании, которое Маркс и Энгельс уделяли взглядам Чернышевского и Моргана, идеи которых способствовали развитию марксистского учения о докапиталистических формациях, об альтернативности исторического развития. Серьезное значение основоположники марксизма придавали и трудам тех ученых, которые в силу объективного характера своих исследований выходили за рамки своих консервативных воззрений и социальных симпатий, переходили на стихийно-материалистические и демократические позиции и в итоге предлагали весьма ценные результаты, которые способствовали выработке марксистских позиций в важнейших областях обществознания.

История марксизма в последние десятилетия XIX века определяется всем комплексом особенностей развития объективной социальной реальности и в первую очередь новыми чертами рабочего движения, практикой его политической борьбы.

За промежуток немногим более полутора десятилетий (с середины 70-х до начала 90-х годов) происходит становление массовых рабочих социалистических партий в целом ряде стран. Эти партии в данный период самоопределяются в общедемократическом движении в качестве независимой политической силы и формулируют свои программы борьбы за социализм, все больше переходя на позиции марксистской теории.

В 1889 году был образован II Интернационал как международное объединение социалистических национальных рабочих партий. У истоков новой международной организации рабочего класса стоял Фридрих Энгельс. Как общепризнанный теоретик и лидер международного рабочего движения, свою задачу он видел в том, чтобы анализировать практическую деятельность рабочих партий разных стран, помогать им вырабатывать программу и политику на основе марксизма, обобщать опыт борьбы рабочего класса.

Энгельс участвовал в разработке идейных и организационных основ деятельности II Интернационала, внес выдающийся вклад в определение целей, содержания и форм интернационального сотрудничества рабочих партий разных стран. Важнейшими функциями Интернационала он считал координацию деятельности социал-демократических партий по пропаганде марксистской теории, по выработке общей политической линии на основе коллективного демократического обсуждения наиболее актуальных вопросов, выдвигаемых общественным развитием и потребностями классовой борьбы международного пролетариата. «Чтобы не выродиться в секту, мы должны допускать дискуссии,— подчеркивал Энгельс,— но общие принципы должны неизменно соблюдаться» [1].

Функция социалистических конгрессов состояла в сплочении международного рабочего движения и определении его линии по важнейшим программным вопросам. Конгрессы II Интернационала способствовали дальнейшему развитию идейно-теоретического сотрудничества между рабочими партиями. Содействуя консолидации сил рабочего класса, Интернационал стремился к их сплочению, но не к единообразию. Преобладание марксизма в международном рабочем движении не исключало участия в нем других направлений — реформистских и анархо-синдикалистских. Поэтому II Интернационал был не только ареной полемики различных течений — революционных и оппортунистических, но и прежде всего примером плодотворного их сотрудничества в совместной защите интересов трудящихся.

[1] *Энгельс Ф.* Речь при закрытии Международного социалистического рабочего конгресса в Цюрихе 12 августа 1893 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 426.

ЛИТЕРАТУРА

I. ИСТОЧНИКИ

Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1—50. М.: Политиздат, 1955—1981.
К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М.: Политиздат, 1967. 810 с.
Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). Ab. I, II, III, IV. Berlin: Dietz, 1975.
Marx K., Engels F. Collected Works: In 50-ty vols. Moscow: Progress, 1975.
Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1—55. М.: Политиздат, 1958—1965.
Ленин В. И. Конспект переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, 1844—1883 гг. М.: Политиздат, 1968. XXIV, 519 с.

Документы и материалы

Гаагский конгресс Первого Интернационала, 2—7 сентября 1872 г.: Протоколы и документы. М.: Политиздат, 1970. 676 с.
Гаагский конгресс Первого Интернационала, 2—7 сентября 1872 г.: Отчеты и письма. М.: Политиздат, 1972. 606 с.
Генеральный Совет Первого Интернационала, 1870—1871: Протоколы. М.: Политиздат, 1965. XVI, 484 с.
Генеральный Совет Первого Интернационала, 1871—1872: Протоколы. М.: Политиздат, 1965. 464 с.
Лондонская конференция Первого Интернационала, 17—23 сентября 1871 г. М.: Политиздат, 1988. XXXI, 345 с.
Материалы к истории I и II Интернационалов. М.: Новая Москва, 1926. 554 с.
Экономическая платформа русской секции I Интернационала: Сб. материалов. М.: Соцэкгиз, 1959. 260 с.

* * *

Международные социалистические конгрессы: Очередные вопросы и постановления, собранные Международным социалистическим бюро в Брюсселе: С прибавлением постановлений, принятых на последнем Международном социалистическом конгрессе в Амстердаме, 1904 г. Спб.: Утро, 1906. 95 с.
Международный рабочий конгресс в Париже, состоявшийся в 1889 году (б. м. и г.). 112 с.
Международный социалистический конгресс в Брюсселе 1891 года. Женева, 1895. 40 с.
Международный социалистический рабочий конгресс в Лондоне 1896 г. (б. м.), 1896. 96 с.
Начало рабочего движения и распространение марксизма в России (1883—1894 гг.): Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1960. 371 с.
Основные вопросы программы и тактики на съездах германской социал-демократии. Вып. 1—2. М.: Движение, 1906—1907. Вып. 1. 1906. 96 с. Вып. 2. 1907. VIII, 160 с.
Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США, 1870—1914. М.: Высш. школа, 1985. 320 с.
Protokoll des Internationalen Arbeiter-Congresses zu Paris. Abgehalten vom 14. bis 20. Juli 1889. Nürnberg: Wörlein, 1890.

Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiter-Kongresses in der Tonhalle Zürich vom 6. bis 12. August 1893. Zürich, 1894.
Verhandlungen und Beschlüsse des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Brussel, 16—22. August 1891. Berlin: Vorwärts, 1893.
Verhandlungen und Beschlüsse des Internationalen Sozialistischen Arbeiter-und Gewerkschaft-Kongresses zu London vom 27. Juli bis 1. August 1896. Berlin: Vorwärts, 1896.

* * *

Произведения деятелей международного рабочего и коммунистического движения

Бебель А. Будущее общество. М.: Госполитиздат, 1959. 167 с.
Бебель А. Женщина и социализм. М.: Госполитиздат, 1959. 592 с.
Бебель А. Крестьянская война в Германии. М.; Л.: Московский рабочий, 1928. 384 с.
Бебель А. Шарль Фурье. М.: ВЦСПС, 1923. 194 с.
Бебель А. Христианство и социализм. М.: Госполитиздат, 1959. 40 с.
Бернштейн Э. Карл Маркс и русские революционеры. Харьков: Пролетарий, 1923. 74 с.
Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901. 360 с.
Благоев Д. Марксизм и проблемы художественного творчества. М.: Искусство, 1986. 381 с.
Благоев Д. Очерки истории социализма в Болгарии. М.: Наука, 1989. 490 с.
Благоев Д. Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?; Марксизм или бернштейнианство?; Оппортунизм или социализм?; К марксизму; Диктатура или демократия? М.: Госполитиздат, 1960. 223 с.
Вандервельде Э. Программа Бельгийской рабочей партии. М.: Колокол, 1906. 16 с.
Вандервельде Э. Профессиональные союзы ремесленников и рабочих в Бельгии. Киев: Изд-во Горской, 1906. XIV, 101 с.
Вандервельде Э. и Дестрэ Ж. Социализм в Бельгии. Спб.: Колокол, 1906. 348 с.
Воровский В. В. Сочинения. Т. 1. М.: Партиздат, 1931. XIX, 420 с.
Гед Ж. Коллективизм. М.: Колокол, 1905. 16 с.
Гед Ж., Лафарг П. Программа французской рабочей партии. Спб., 1906. 71 с.
Герман Александрович Лопатин (1845—1918): Автобиография: Показания и письма: Статьи и стихотворения: Библиография. Пг.: Госиздат, 1922. 220 с.
Группа «Освобождение труда»: Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, Л. Г. Дейча. Сб. 1—6. М.: Госиздат, 1924—1928.
Датт Р. П. Интернационал: Очерк истории коммунистического движения, 1848—1963. М.: Прогресс, 1966. 415 с.
Датт Р. П. Проблемы современной истории. М.: Прогресс, 1965. 159 с.
Девиль Г. Капитал Карла Маркса: Изложение I тома. Харьков: Пролетарий, 1925. 212 с.
Девиль Г. Научный социализм. М.: Красная новь, 1922. 75 с.
Де Леон Д. Избранные произведения. М.; Л.: Партиздат, 1932. XXXV, 264 с.
Дицген И. Избранные философские сочинения. М.: Госполитиздат, 1941. 365 с.
Дицген И. Философия социал-демократии: Сборник мелких философских статей. М.: Скирмунт, 1907. 263 с.
Дюкло Ж. На штурм неба: Парижская коммуна — предвестница нового мира. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 324 с.
Засулич В. И. Избранные произведения. М.: Мысль, 1983. 508 с.
Зорге Ф. Рабочее движение в Соединенных Штатах. Спб.: Век, 1907. 302 с.
Катаяма Сэн. К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии. М.: Госполитиздат, 1960. 50 с.
Каутский К. Сочинения. М.: Госиздат, 1928—1930.
Каутский К. Аграрный вопрос. Ч. 1—2. Спб.: Новый мир, 1906—1907.
Каутский К. Бернштейн и социал-демократическая программа: Антикритика. Спб.: Колокол, 1906. 255 с.
Каутский К. Экономическое учение Карла Маркса. М.: Госполитиздат, 1956. 232 с.
Каутский К. Эрфуртская программа: (Комментарий к принципиальной части). Госполитиздат, 1959. 247 с.

Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М.: Госполитиздат, 1960. 200 с.
Лафарг П. Сочинения: В 3 т. М.; Л.: Госиздат, 1925—1931.
Либкнехт В. О политической позиции социал-демократии, в частности по отношению к рейхстагу.— Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений! — Пауки и мухи. М.: Госполитиздат, 1958. 119 с.
Либкнехт В. Социализм и культура. М.; Л.: Госиздат, 1926. 159 с.
Литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 1—8. М.: Соцэкгиз, 1934—1940.
Меринг Ф. История Германской социал-демократии. Т. 1—4. 2-е изд. М.; Пг.: Госиздат, 1923—1924.
Меринг Ф. Карл Маркс: История его жизни. М.: Госполитиздат, 1957. 607 с.
Меринг Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс — создатели научного коммунизма. М.: Госполитиздат, 1960. 234 с.
Плеханов Г. В. Сочинения / Под ред. Д. Рязанова. Т. 1—24. М.; Л.: Госиздат, 1923—1927.
Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1—5. М.: Госполитиздат, 1956—1958.
Федосеев Н. Е. Статьи и письма. М.: Госполитиздат, 1958. 335 с.
Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 1—3. М.: Наука, 1973—1974.
Фонер Ф. С. История рабочего движения в США. Т. 1—6. М.: Изд-во иностр. лит.: Прогресс, 1949—1985.
Фостер У. З. История трех Интернационалов: Международное социалистическое и коммунистическое движение с 1848 года до настоящего времени. М.: Госполитиздат, 1959. 618 с.
Фостер У. З. Очерки мирового профсоюзного движения. М.: Профиздат, 1956. 770 с.
Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 919 с.
Благоев Д. Партията и синдикалното движение в България: Доклади, статии, речи. София: Профиздат, 1979.
Adler V. Aus seinen Reden und Schriften. Wien, 1947.
Bebel A. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. 2. 1878 bis 1890. Halbbd. 1—2. Berlin: Dietz, 1978.
Deville G. L'évolution du capital: I Genèse du capital; II Formation du prolétariat; III Coopération et manufacture; IV Machinisme et grande industrie; V Fin du capital. Paris: Oriol, 1884.
Guesde J. Le collectivisme par la révolution. Paris: Bureau d'éd., 1935.
Guesde J. Textes choisis (1867—1882). Paris: Éd. Sociales, 1959.
Kautsky Karl und Schoenlank Bruno. Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie: Erläuterungen zum Erfurter Programm. Berlin: Vorwärts, 1901.
Lafargue P. Textes choisis. Paris: Éd. Sociales, 1970.
Liebknecht W. Gegen Militarismus und Eroberungskrieg. Berlin: Dietz, 1986.
Liebknecht W. Kleine politische Schriften. Leipzig: Reclam, 1976.
Liebknecht W. Was die Sozialdemokraten sind und was sie wollen. Chemnitz: Langer, 1894.
Mehring F. Gesammelte Schriften. Bd. 1—4. 2. Aufl. Berlin: Dietz, 1976—1980.
Mora F. Historia del socialismo obrero español. Madrid: Calleja, 1902.
Sorge F. A. Socialism and the worker. New York: Print. by J. Weber, 1876.

Воспоминания и переписка

Адлер В. Статьи, речи и письма. Вып. 1. Виктор Адлер и Фридрих Энгельс. Л.; М.: Книга, 1924. 204 с.
Бебель А. Из моей жизни. М.: Политиздат, 1963. 800 с.
Благоев Д. Краткие записки о моей жизни. М.: Политиздат, 1981. 176 с.
Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе: В 2 ч. 3-е доп. изд. М.: Политиздат, 1988. Ч. 1. 383 с.; Ч. 2. 335 с.
Их имена переживут века: Международные отклики на смерть К. Маркса и Ф. Энгельса / ИМЛ при ЦК КПСС, ИМЛ при ЦК СЕПГ. М.: Политиздат, 1983. 496 с.

Катаяма Сэн. Воспоминания. М.: Наука, 1964. 770 с.
Манн Т. Воспоминания. М.; Л.: Госиздат, 1924. 212 с.
Мицкевич С. И. На грани двух эпох: От народничества к марксизму: Мемуарная запись. М.: Соцэкгиз, 1937. 254 с.
Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда», 1883—1903: Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М.: Наука, 1984. 446 с.
Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода: В 2 т. М.: Изд-во Плеханова, 1925. Т. 1. 276 с.
Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями. М.: Политиздат, 1974. 191 с.
Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др. / С предисл. В. И. Ленина. Спб.: Изд-во Дауге, 1907. XXVI, 485 с.
Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М.: Политиздат, 1969. VIII, 335 с.
Федосеев Н. Е. Сборник воспоминаний. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 185 с.
Bebel A. Briefwechsel mit Fridrich Engels. London; The Hague; Paris: Mouton, 1965.
Bernstein Ed. Briefwechsel mit Friedrich Engels. Assen: Van Gorcum, 1970.
La corrispondenza di Marx e Engels con italiani: 1848—1895. Milano: Feltrinelli, 1964.
Friedrich Engels' Briefwechsel mit Karl Kautsky. Wien: Danubia — Verlag, 1955.
Engels Friedrich, Lafargue, Paul et Laura. Correspondance. V. 1—3. Paris: Ed. Sociales, 1956—1959.
Karl Kautsky und die Sozialdemokratie Südosteuropas. Korrespondenz 1883—1938. Frankfurt a. M.; New York: Campus, 1986.
Liebknecht W. Briefwechsel mit deutschen Sozialdemokraten. Bd. 2. Frankfurt a. M.; New York: Campus, 1988.
De Paepe C. Entre Marx et Bakounine. Correspodance. Texte de présentation et notes par B. Dandois. Paris: Maspero, 1974.

II. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Адоратский В. В. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1961. 615 с.
Айзин Б. А. Исследования по истории германского империализма начала XX века. М.: Наука, 1987. 258 с.
Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1988. 416 с.
Андреев И. Л. Рукописная страница истории марксизма: (Проблема общины и рода в рукописях К. Маркса 70—80-х гг.). М.: Мысль, 1985. 271 с.
Андрюшин Е. Н. Поиск верного пути: Димитр Благоев и первые социал-демократы в России. М.: Политиздат, 1981. 207 с.
Антивоенные традиции международного рабочего движения. М.: Мысль, 1972. 556 с.
«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и актуальные проблемы политической экономии. М.: Изд-во МГУ, 1981. 240 с.
«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и современность. М.: Мысль, 1978. 318 с.
Аскольдова С. М. Начало массового рабочего движения в США (80-е гг. XIX века). М.: Наука, 1966. 231 с.
Бабин А. И. Формирование и развитие военно-теоретических взглядов Ф. Энгельса. М.: Наука, 1975. 224 с.
Багатурия Г. А. Контуры грядущего: Энгельс о коммунистическом обществе. М.: Политиздат, 1972. 224 с.
Багатурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса: История. Содержание. Методология. М.: Мысль, 1976. 325 с.
Байер М., Винклер Г. Революционное рабочее единство: Эйзенах. Гота. Эрфурт. М.: Прогресс, 1985. 168 с.
Белкина Г. Л. Философия марксизма и буржуазная «марксология». Критика западногерманских марксологических концепций генезиса марксистской философии. М.: Мысль, 1972. 96 с.
Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М.: Наука, 1983. 286 с.
Болдырев И. А. Лафарг. М.: Мысль, 1984. 176 с.

Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М.: Политиздат, 1974. 309 с.
Брайович С. М. Карл Каутский — эволюция его воззрений. М.: Наука, 1982. 230 с.
Буржуазные и мелкобуржуазные экономические концепции социализма: Критические очерки, 1848—1917. М.: Наука, 1974. 341 с.
Бурлак В. Н. Отражение идей марксизма в русской прогрессивной общественной мысли 1840—60-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1980. 176 с.
Валюженич А. В. Социалистическая мысль и движение в США: От утопических общин до образования Коммунистической партии. М.: Мысль, 1983. 303 с.
Вебер А. Б. Классовая борьба и капитализм: Рабочее и профсоюзное движение как фактор социально-экономического развития XIX—XX вв. М.: Наука, 1986. 304 с.
Виллар К. Социалистическое движение во Франции, 1893—1905: (Гедисты). М.: Прогресс, 1969. 583 с.
Водолазов Г. Г. Диалектика и революция: Методологические проблемы социальной революции. М.: Изд-во МГУ, 1975. 230 с.
Водолазов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову: (Об особенностях развития социалистической мысли в России). М.: Изд-во МГУ, 1969. 208 с.
Волк С. С. Карл Маркс и русские общественные деятели. Л.: Наука, 1969. 216 с.
Волк С. С. «Народная воля», 1879—1882. Л.: Наука, 1966. 491 с.
Волкова В. В. Иосиф Дицген: Немецкий рабочий-философ, 1828—1888. М.: Соцэкгиз, 1961. 255 с.
Володин А. И. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и общественная мысль России XIX века: Историко-философские очерки. М.: Мысль, 1978. 252 с.
Выгодский В. С. Экономическое обоснование теории научного коммунизма. М.: Политиздат, 1975. 303 с.
Гемков Г. Август Бебель. М.: Политиздат, 1972. 128 с.
Гамаюнов Л. С., Ульяновский Р. А. Труд русского социолога М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» и критика его К. Марксом. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 11 с.
Герц Г. Марксистская философия и естествознание. М.: Прогресс, 1982. 447 с.
Гольман Л. И. Энгельс — историк. М.: Мысль, 1984. 416 с.
Григорьян С. М. Карл Маркс и социально-экономические проблемы технического прогресса. М.: Наука, 1973. 240 с.
Грин И. И. Переводчик и издатель «Капитала»: Очерк жизни и деятельности Н. Ф. Даниельсона. М.: Книга, 1985. 255 с.
Димитр Благоев — выдающийся теоретик и революционер. М.: Политиздат, 1977. 303 с.
Единство марксизма-ленинизма в его историческом развитии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 143 с.
Желицки Б. Й. Социалистическое рабочее движение в Венгрии, 1873—1890. М.: Наука, 1975. 263 с.
Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л.: Лениздат, 1975. 328 с.
Зильберман И. Б. Политическая теория анархизма М. А. Бакунина: (Критический очерк). Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 112 с.
Из истории марксизма и международного рабочего движения: К 160-летию со дня рождения К. Маркса. М.: Политиздат, 1977. 510 с.
Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. М.: Политиздат, 1982. 495 с.
Марксизм и рабочее движение XIX века: Некоторые актуальные проблемы теории и истории. М.: Политиздат, 1988. 566 с.
Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
Интернациональное наследие Парижской коммуны. М.: Политиздат, 1971. 343 с.
Иовчук М. Т. Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М.: Соцэкгиз, 1960. 316 с.
Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов. М.: Молодая гвардия, 1977. (ЖЗЛ). 351 с.
История венгерского революционного рабочего движения: В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1970. 302 с.

История Второго Интернационала: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1965. 380 с.; Т. 2. 1966. 596 с.
История марксистской диалектики: От возникновения марксизма до ленинского этапа. М.: Мысль, 1971. 536 с.
История марксизма-ленинизма: Формирование, развитие и распространение марксизма, утверждение его в рабочем движении. 40-е годы XIX века — 1871 г. М.: Политиздат, 1986. 734 с.
Итенберг Б. С. Первый Интернационал и революционная Россия. М.: Наука, 1964. 222 с.
Итенберг Б. С. Россия и Парижская коммуна. М.: Наука, 1971. 202 с.
Казакевич Р. А. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х — начала 90-х годов: (Кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева). Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. 208 с.
Калекина О. П. Очерки по истории издания марксистской литературы в России (1870—1917). М.: Высш. школа, 1962. 240 с.
Карл Маркс: Биография / ИМЛ при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Политиздат, 1973. XIV, 736 с.
Карл Маркс: Биография / ИМЛ при ЦК СЕПГ. Пер. с нем. М.: Политиздат, 1969. 366 с.
Карл Маркс и военная история. М.: Воениздат, 1969. 240 с.
Кедров Б. М. О «Диалектике природы» Энгельса. М.: Высш. школа, 1973. 184 с.
Кедров Б. М. О методе изложения диалектики: Три великих замысла [К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И Ленина]. М.: Наука, 1983. 478 с.
Кедров Б. М., Огурцов А. П. Марксистская концепция истории естествознания, XIX век: Возникновение и сущность концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. Конкретизация концепции в трудах последователей К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Наука, 1978. 664 с.
Кедров Б. М. Энгельс и диалектика естествознания. М.: Политиздат, 1970. 471 с.
Книжник-Ветров И. С. Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны: Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева. М.; Л.: Наука, 1964. 258 с.
Колпинский Н. Ю. Деятельность Ф. Энгельса в годы I Интернационала. М.: Мысль, 1971. 310 с.
Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985. 344 с.
Коротеева А. Е. Гаагский конгресс I Интернационала. М.: Соцэкгиз, 1963. 184 с.
Корочкин В. М. Русские корреспонденты К. Маркса: (А. А. Серно-Соловьевич и Н. И. Утин). М.: Мысль, 1965. 173 с.
Косичев А. Д. Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность. М.: Изд-во МГУ, 1964. 414 с.
Костин А. Ф. От утопии к науке: Из истории революционной мысли в России. М.: Мысль, 1984. 155 с.
Кривогуз И. М. Второй Интернационал, 1889—1914. М.: Мысль, 1964. 494 с.
Кузин А. А. Маркс и проблемы техники. М.: Наука, 1968. 112 с.
Кунина В. Э. Карл Маркс и английское рабочее движение. М.: Мысль, 1968. 422 с.
Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России: Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». М.: Мысль, 1983. 268 с.
Леонтьев Л. А. «Капитал» К. Маркса и современная эпоха: К 150-летию со дня рождения К. Маркса, 1818—1968. М.: Наука, 1969. 398 с.
Леонтьев Л. А. Роль Ф. Энгельса в формировании и развитии марксистской политической экономии. М.: Наука, 1972. 527 с.
Лившиц Г. М. Критика идеализма и религии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Минск: Наука и техника, 1982. 351 с.
Лившиц Г. М. Критика идеализма и религии в трудах Г. В. Плеханова. Минск: Вышэйш. школа, 1981. 304 с.
Лившиц Г. М. Критика идеализма и религии соратниками К. Маркса и Ф. Энгельса. Минск: Наука и техника, 1984. 232 с.
Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса: История публикации и изучения в СССР. М.: Политиздат, 1969. 512 с.

Лифшиц М. А. Карл Маркс: Искусство и общественный идеал. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1979. 471 с.
Лифшиц М. А. Г. В. Плеханов: Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов. М.: Искусство, 1983. 143 с.
Малинин В. А. Философия революционного народничества. М.: Наука, 1972. 340 с.
Малыш А. И. Ф. Энгельс и пролетарская политическая экономия. М.: Политиздат, 1970. 159 с.
Мамут Л. С. Карл Маркс как теоретик государства. М.: Наука, 1979. 264 с.
Маркс. Философия. Современность. М.: Политиздат, 1988. 414 с.
Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века: Статьи и документы. М.: Политиздат, 1970. 481 с.
Маркс — историк. М.: Наука, 1968. 711 с.
Марксизм и проблемы социально-экономической борьбы организованного пролетариата: История и современность. М.: Наука, 1985. 350 с.
Марксизм и рабочее движение XIX века. Некоторые актуальные проблемы теории и истории М.: Политиздат, 1988. 566 с.
Марксистская философия в XIX в.: В 2 кн. Кн. 2. Развитие марксистской философии во второй половине XIX века. М.: Наука, 1979. 398 с.
Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX—начале XX века. М.: Наука, 1984. 447 с.
Марксистско-ленинская теория исторического процесса: Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М.: Наука, 1981. 463 с.
Марксистско-ленинская теория исторического процесса: Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М.: Наука, 1983. 535 с.
Марксистско-ленинское учение о войне и армии. М.: Воениздат, 1984. 336 с.
Марксистско-ленинское учение о государстве и праве: История развития и современность. М.: Наука, 1977. 352 с.
Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории: В 7 т. Т. 2. Рабочее движение в период перехода к империализму (1871—1904). М.: Мысль, 1976. 654 с.
Мизиано К. Ф. Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX вв. М.: Наука, 1976. 301 с.
Михайлов М. И. Борьба против бакунизма в I Интернационале. М.: Наука, 1976. 351 с.
Момджян Х. Н. Поль Лафарг и философия марксизма. М.: Мысль, 1978. 327 с.
Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. XVI, 350 с.
Мортон А. Л., Тэйт Дж. История английского рабочего движения. 1770—1920. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 420 с.
Мошану А. К. Социалистическое движение в Румынии (середина 70-х — начало 90-х гг. XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1977. 272 с.
Никитич Л. А. Лабриола. М.: Мысль, 1980. 197 с.
Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М.: Мысль, 1978. 279 с.
Овчаренко Н. Е. Август Бебель: Краткий очерк жизни и деятельности. М.: Соцэкгиз, 1963. 207 с.
Овчаренко Н. Е. Германская социал-демократия на рубеже двух веков: Идейно-политическая эволюция СДПГ в период империализма. М.: Мысль, 1975. 319 с.
Ойзерман Т. И. Диалектический материализм и история философии: Историко-философские очерки. М.: Мысль, 1979. 308 с.
Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. 2-е изд. М.: Мысль, 1982. 301 с.
Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. 3-е изд. М.: Мысль, 1986. 461 с.
Орехов А. М. Первые марксисты в России: Петербургский «Рабочий союз», 1887—1893 гг. М.: Мысль, 1979. 180 с.
Орехов А. М. Становление польского социалистического движения: Структура, программные концепции, деятели (1874—1893). М.: Наука, 1979. 374 с.

От Маркса до наших дней. Исторические традиции пролетарского интернационализма: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 292 с.
Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса, 1867—1967. М.: Политиздат, 1968. 295 с.
Очерки по истории «Капитала» К. Маркса. М.: Политиздат, 1983. 379 с.
Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России, 1783—1883 гг. М.: Мысль, 1986. 341 с.
Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М.: Политиздат, 1973. 358 с.
Парижская коммуна и марксизм: Очерки. М.: Политиздат, 1973. 248 с.
Пахоленко Н. Б. Государственно-правовые взгляды Г. В. Плеханова (1883—1903 гг.). М.: Наука, 1987. 126 с.
Первобытное общество: Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975. 287 с.
Первый Интернационал: В 3 ч. Ч. 2. 1870—1876. М.: Мысль, 1965. 632 с.; Ч. 3.
Первый Интернационал в исторической науке. М.: Мысль, 1968. 280 с.
Политические учения: история и современность: Марксизм и политическая мысль XIX в. М.: Наука, 1979. 408 с.
Полянский Ф. Я. Критика экономических теорий анархизма. М.: Изд-во МГУ, 1976. 302 с.
Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М.: Наука, 1972. 182 с.
Протасенко З. М. Историко-философская концепция марксизма-ленинизма: Возникновение и некоторые вопросы развития. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 166 с.
Пустарнаков В. Ф. «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России. (Конец XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1974. 383 с.
Рабочее движение Великобритании, XIX—XX вв. М.: Наука, 1979. 423 с.
Развитие Ф. Энгельсом проблем философии и современность. М.: Высш. школа, 1975. 312 с.
Рапопорт Ю. М. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма: (К. Маркс и Г. Лопатин). М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. 80 с.
Распространение идей марксистской философии в Европе, конец XIX и начало XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. 188 с.
Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л.: Лениздат, 1985. 272 с.
Рачинский Ю. М. Докапиталистические способы производства и их современные формы. М.: Изд-во МГУ, 1986. 190 с.
Румянцева Н. С. Фридрих Зорге — человек упрямой справедливости. М.: Мысль, 1966. 176 с.
Сайкин О. А. Первый русский переводчик «Капитала»: О Г. А. Лопатине. М.: Мысль, 1983. 173 с.
Сущность и принципы социализма: (К 100-летию работы К. Маркса «Критика Готской программы»). Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 184 с.
Тартаковский Б. Г. Фридрих Энгельс — советник и учитель международного пролетариата (1875—1895). М.: Мысль, 1966. 343 с.
Тёкеи Ф. К теории общественных формаций: Проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса. М.: Прогресс, 1975. 271 с.
Теория общественно-экономической формации. М.: Наука, 1982. 357 с.
Теория революции: История и современность. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
Туполева Л. Ф. Социалистическое движение в Англии в 80-е годы XIX века. М.: Наука, 1973. 263 с.
Ульяновский Р. А. Победы и трудности национально-освободительного движения. М.: Политиздат, 1985. 248 с.
Уроева А. В. Книга, живущая в веках. 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1972. 318 с.
Фаркаш Э. Мораль и революционность: Размышления об этическом наследии К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Политиздат, 1979. 168 с.
Филиппов Р. В. Пионеры марксизма в России (1883—1893 гг.): Историографический очерк. М.: Политиздат, 1989. 367 с.
Философские основания естественных наук. М.: Наука, 1976. 384 с.

Фридлендер Г. М. К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1968. 606 с.
Хорос В. Г. Народническая идеология и марксизм. (Конец XIX века). М.: Наука, 1972. 176 с.
Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 304 с.
Чагин Б. А. Развитие К. Марксом и Ф. Энгельсом теории научного социализма после Парижской коммуны. М.; Л.: Наука, 1964. 163 с.
Чагин Б. А. Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. Л.: Наука, 1977. 210 с.
Чубинский-Надеждин В. В. Вильгельм Либкнехт — солдат революции. М.: Мысль, 1968. 213 с.
Штерн Х., Вольф Л. Великое наследие: Исторический репортаж о литературном наследии Карла Маркса и Фридриха Энгельса. М.: Политиздат, 1976. 206 с.
Шубина Е. В. Философско-социологические взгляды В. И. Засулич (1867—1903 гг.). Л.: Наука, 1984. 71 с.
Фридрих Энгельс: Биография / ИМЛ при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. XII, 610 с.
Фридрих Энгельс — великий ученый и революционер. М.: Изд-во МГУ, 1972, 256 с.
Фридрих Энгельс и военная история. М.: Воениздат, 1972. 336 с.
Фридрих Энгельс и современная идеологическая борьба. Минск: Наука и техника, 1972. 254 с.
Фридрих Энгельс — мыслитель и революционер. Прага: Мир и социализм, 1970. 207 с.
Энгельс и проблемы истории. М.: Наука, 1970. 439 с.
Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М.: Мысль, 1971. 568 с.
Энгельс — теоретик. М.: Политиздат, 1970. 455 с.
Яжборовская И. С., Бухарин Н. И. У истоков польского социалистического движения. М.: Наука, 1976. 412 с.
Веков А. Г. В. Плеханов и социалистическото движение в България. София: Партиздат, 1978.
Марксистко-ленинската философска мисъл в България: В 2 т. Т. 1. София: Партиздат, 1984.
Angel Pierre. Eduard Bernstein et L'évolution du socialisme allemand. Paris: Didier, 1961.
Arndt A. Karl Marx: Versuch über den Zusammenhang seiner Theorie. Bochum: Germinal, 1985.
Badaloni N., Muscetta C. Labriola, Croce, Gentile. Bari: Laterza, 1981.
Battistrada F. Marxismo e populismo: 1861—1921. Milano: Jaca Book, 1982.
Bekerman G. Marx and Engels: A conceptual Concordance/ /Transl. by T. Carver. Oxford: Basil Brackwell Publischer, 1983.
Bell D. Marxian Socialism in the United States. Princeton, 1967.
Bobińska C. Marksa spotkania z Polska. Kraków: Wyd-wo literackie, 1971.
Braunthal J. Ceschichte der Internationale. Bd. 1—3. Berlin (W.); Bonn: Dietz Nachf., 1978.
Bürgerliche Gesellschaft und theoretische Revolution: Zur Entstehung des wissenschaftlichen Sozialismus. Köln: Pahl-Rugenstein, 1978.
Cole G. D. H. The Second International, 1889—1914. Vol. 3. A History of Socialist Thought. London; New York, 1956.
Dieckmann G. Die sozialistische Revolution: Theoriegeschichtlicher Abriß. Berlin: Dietz, 1985.
Dlubek R., Draper H. Karl Marx's theory of Revolution. Vol. 3. New York: Month. rev. press, 1986.
Dlubek R., Skambraks H. «Das Kapital» von K. Marx in der deutschen Arbeiterbewegung (1867—1878). Berlin: Dietz, 1967.
Dobbs F. Revolutionary Continuity: Marxist Leadership in the U. S. (1848—1917). New York: Monad press, 1980.
Dommanget M. L'introduction du marxisme en France. Lausanne: Rencontre, 1969.
Dziamski S. Z dziejów myśli marksistowskiej w Polsce. Poznań, 1979.

Fienger O. Joseph Dietzgen. Beitrag zu den philosophischen Leistungen des deutschen Arbeiterphilosophen. Berlin: Dietz, 1977.
Fischer I., Krause W., August Bebel, 1840—1913: Ein Großer der deutschen Arbeiterbewegung: Katalog zu einer Ausst. des Arch. der sozialen Demokratie, Friedrich-Ebert-Stiftung und der Stiftung Preußisher Kulturbesitz. Köln, 1988.
Foner Ph. S. The Workingmen's Party of the United States: A history of the first marxist party in the America. Minneapolis: MEP publ., 1984.
Friedrich Engels und moderne Probleme der Philosophie des Marxismus / Hrsg. von M. Klein und H. Ley. Berlin: Akad. Verl., 1971.
Fuchs A. Geistige Strömungen in Österreich, 1867—1918. Wien, 1978.
Gasch E. Marx a Espanya. Barcelona: Universitat Autonoma, 1983.
Guerragio A., Vidoni F. Nel laboratorio di Marx: Scienze naturali e matematica. Milano: Angeli, 1982.
Gerratana V. Ricerche di storia del marxismo. Roma: Editori Riuniti, 1972.
Geoghegan V. Utopianism and Marxism. London; New York: Methuen, 1987.
Geschichte der deutschen Sozialdemokratie 1863—1975. Köln: Pahl — Rugenstein Verlag, 1975.
Gouldner A. W. Against fragmentation: The origins of marxism and the sociology of intellectuals. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1985.
Grebing H. Der Revisionismus: Von Bernstein bis zum «Prager Frühling». München: Besk, 1977.
Gustafsson B. Marxismus und Revisionismus: Eduard Bernsteins Kritik des Marxismus und ihre ideengeschichtlichen Voraussetzungen. T. 1—2. Frankfurt a. M.: Europäische Verlagsanstalt, 1972.
August Bebel. Eine Biographie. Berlin: Dietz Verlag, 1989.
Haupt G. La deuxième International, 1889—1914: Étude critique des sources. Essai bibliographique. Paris; La Haye: Mouton, 1964.
Heilbroner R. Marxism: for and against. New York; London: Norton, 1980.
Heitzer H., Küttler W. Eine Revolution im Geschichtsdenken: Marx, Engels, Lenin und die Geschichtswissenschaft. Berlin: Dietz, 1983.
Histoire du marxisme contemporain. Vol. 1—4. Paris: Union générale d'éditions, 1976—1978.
Howard D. The marxian legacy. London: Macmillan press, 1988. 100 Jahre «Anti-Dühring»: Marxismus. Weltanschauung. Wissen-schaft. Berlin: Akad. Verl., 1978.
Hunt R. Classical Marxism 1850—1895. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh press, 1984. Internationale Marx-Engels Forschung: Marxistische Studien. Frankfurt a. M., 1987. (Jahrbuch des IMSF; Bd. 12/1).
Jäger H. Eduard Bernsteins Panorama: Versuch den Revisionismus zu deuten. Frankfurt a. M.; Bern: Lang, 1982.
Jena D. Georgi Plechanow. Berlin, 1989.
Jung W. August Bebel: deutscher Patriot und internationaler Sozialist. Berlin: Centaurus Verlagsgesellschaft, 1987.
Kallscheuer O. Marxismus und Erkenntnistheorie in Westeuropa: Eine politische Philosophiegeschichte. Frankfurt a. M.; New York: Campus Verlag, 1986.
Karl Marx: Kritik und positive Wissenschaft / Hrsg. von Hahn und H. J. Sandkühler. Köln: Pahl-Rugenstein, 1986. (Studien zur Wissenschaftsgeschichte des Sozialismus; Bd. 6).
Karl Marx — Philosophie, Wissenschaft, Politik. Köln: Pahl-Rugenstein, 1983. (Dialektik 6.).
Karl Marx. Friedrich Engels und Italien. Hrsg. von G. Kuck. T. 2. Trier, 1989.
Koch H. Marx, Engels und die Ästhetik. Berlin: Dietz, 1983.
Kolakowski L. Die Hauptströmungen des Marxismus: Entstehung. Entwicklung. Zerfall. Bd. 1—3. München; Zürich: Piper, 1977—1979.
«L'Antidühring»: affirmazione o deformazione del marxismo? Milano: Angeli, 1983.
Krivoguz I. The Second International 1889—1914: The History and Heritage. Moscow: Progress Publishers, 1989.
Lekas P. Marx on classical antiquity: Problems of historical methodology. Brighton, New York, 1988.
Liedmann S.-E. Das Spiel der Gegensätze: Fridrich Engels' Philosophie und die Wissenschaften des 19. Jahrhunderts, Frankfurt a. M.; New York: Campus, 1986.

Marramao G. Marxismo e revisionismo in Italia: Dalla «Critica sociale» al dibattito sul Leninismo. Bari: De Donato, 1971.
Marks i savremenost: 100-ta godišnjicaMarksove «Kritike Gotskog programa». Beograd, 1975.
Marx ist Gegenwart: Materialien zum Karl-Marx-Jahr 1983. Frankfurt a. M.: Marxistische Blätter, 1983.
Marxism and the French Left: Studies on Labour and Politics in France, 1830—1881. Oxford: Clarendon, 1986.
Marxistische Typisierung und idealtypische Method in der Geschichtswissenschaft / Hrsg. von W. Küttler. Berlin, 1986. (Studien zur Geschichte; Bd. 7).
Mastroianni G. Antonio Labriola e la filosofia in Italia. Urbino: Argalia Ed., 1976. (Studi filsofici).
Mende H.-J. Karl Kautsky — vom Marxisten zu Opportunisten: Studien zur Geschichte des historischen Materialismus. Berlin: Dietz, 1985.
Miller S., Potthoff H. Kleine Geschichte der SPD: Darstellung und Dokumentation 1848—1980. Bonn: Verlag Neue Gesellschaft, 1981.
Naturdialektik-Naturwissenschaft: Das Erbe der Engelsschen «Dialektik der Natur» und seine aktuelle Bedeutung für die Wissenschaftsentwicklung / Hrsg. von M. Buhr und H. Hörz. Berlin: Akad.-Verl., 1986.
Nedeljković D. Marksizam, nauka socijalizma i dijalektika. Nis: Gradina, 1974.
Ornea Z. Orera lui C. Dobrogeany-Gherea. Bucuresti: Cartea romaneasca, 1983.
Potier J.-P. Lectures italiennes de Marx: Les conflits d'interprétation chez les économistes et les philosophes, 1883—1983. Lyon: Presses universitäires de Lyon, 1986.
Reisberg A. Von der I. zur II. Internationale: Durchsetzung des Marxismus im Kampf um die Wiederherstellung der Arbeiterinternationale. Berlin: Dietz, 1980.
Schneider W. Zur Geschichte der Theorie des wissenschaftlichen Kommunismus: Marx, Engels, Lenin über das Wesen und die Phasen der kommunistischen Gesellschaft. Berlin: Dietz, 1977.
Seebacher-Brand B. August Bebel: Künder und Kärrner im Kaiserreich. Bonn: J. H. Dietz — Nachf, 1988.
Shizuma H. On the Meaning in our Time of the Drafts of Marx's Letter to Vera Zasulich. London, 1964.
Das Sozialistengesetz, 1878—1890: Illustrierte Geschichte des Kampfes der Arbeiterklasse gegen das Ausnahmegesetz. Berlin, 1980.
Storia del marxismo. Vol. 1—4. Torino: Giulio Einaudi editore, 1978—1983. Vol. 1. Il marxismo ai tempi di Marx. 1978. Vol. 2. Il marxismo nell'età della Seconda Internazionale. 1979.
Theorie der Revolution: Die Ausarbeitung der Weltanschauung der Arbeiterklasse in der Einheit ihrer Bestandteile durch Marx und Engels. Berlin: Dietz, 1986.
«Unser Philosoph» Josef Dietzgen / Hrsg. von N.-D. Strüning. Frankfurt a. M.: Marxistische Blätter, 1980.
Venturi F. Les intellectuels, le peuple et la révolution: Histoire du populisme russe en XIX-e siècle. Vol. 1—2. Paris: Gallimard, 1972.
Vranicki P. Historija marxizma. Kn. 1—2. 2-go preradeno i prosireno izd. Zagreb: Naprijed, 1971.
Wada H. Marx, Engels and Revolutionary Russia. Tokyo, 1975 (яп.).
Waldenberg M. Wzlot i upadek Karola Kautsky'ego: Studium z historii myśli spolecznej i politycznej. T. 1—2. Kraków. Wyd-wo literackie, 1972.
Walicki A. Polska, Rosja, marksizm: Studia z dziejów marksizmu i jego recepcje. Marszama: Ksiażka i wiedza, 1983.
Weitershaus F. Wilhelm Liebknecht: Das unruhige Leben eines Sozialdemokraten. Eine Biographie: Mit Auszügen aus Briefen, Reden und Schriften Wilhelm Liebknechts und seiner Zeitgenossen. Güterslon und Gießen, 1976.
Williams R. Marxism and Literature. Oxford: Oxford University Press, 1977.
Wissenschaftlicher Sozialismus und Arbeiterbewegung: Begriffsgeschichte und Dühring-Rezeption. Trier, 1980. (Schriften aus dem Karl-Marx-Haus; Bd. 24).
Wolfson Ch. The Labour Theory of Culture: A Re-examination of Engels'Theory of Humanity Origins. London, 1982.
Zwahr H. Proletariat und Bourgeoisie in Deutschland: Studien zur Klassendialektik. Köln: Pahl-Rugenstein. 1980.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

И90 **История** марксизма-ленинизма. Марксизм в период формирования массовых социалистических партий II Интернационала (70—90-е годы XIX в.). Ч. 2. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол.: С. С. Волк и др.— М.: Политиздат, 1990.— 382 с.
ISBN 5—250—01077—6 (ч. II)

И $\frac{0104000000-043}{079(02)-90}$ 262—91 ББК 1г

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Марксизм в период формирования массовых социалистических партий II Интернационала (70—90-е годы XIX века)

Указатель имен и библиографию к тексту составили:

А. И. Козырь, А. В. Коновалов, В. Н. Крючков,
Т. И. Молчанова, З. М. Павлова, В. У. Раджапов

Общую редакционно-техническую подготовку рукописи книги осуществили Г. И. Булычева, А. И. Козырь, А. В. Коновалов, В. Н. Крючков, Т. И. Молчанова, А. Г. Мурьянов, В. У. Раджапов, А. В. Трофимов при участии М. Д. Деноак, Г. А. Ивановой, А. Ю. Киреева, Р. М. Масловой, О. М. Оводовой, А. А. Позднякова, М. Ю. Прозуменщикова, И. А. Цыганова

В рецензировании и обсуждении глав и разделов участвовали:

Г. А. Багатурия, доктор философских наук,
Б. Н. Бессонов, доктор философских наук,
В. С. Выгодский, доктор экономических наук,
В. В. Горбунов, доктор исторических наук,
М. Н. Грецкий, доктор философских наук,
А. Г. Здравомыслов, доктор философских наук,
Б. С. Итенберг, доктор исторических наук,
Н. И. Лапин, член-корреспондент АН СССР,
В. А. Малинин, доктор философских наук,
Н. Е. Овчаренко, доктор исторических наук,
В. Ю. Самедов, доктор исторических наук,
А. Ф. Смирнов, доктор исторических наук,
А. М. Совокин, доктор исторических наук,
Р. В. Филиппов, доктор философских наук,
А. А. Чернобаев, доктор исторических наук

Художественный редактор О. Н. Зайцева

Технический редактор Т. Н. Иванова

ИБ № 7445

Сдано в набор 19.09.89. Подписано в печать 13.07.90. А 00093. Формат 60×90 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24. Усл. кр.-отт. 24. Уч.-изд. л. 29,16. Тираж 20 000 экз. Заказ № 214.
Цена 2 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.